

М. ЛЯДОВ

Из жизни
ПАРТИИ

ВОСПОМИНАНИЯ

КОСМОДРОМСТАТ

1956

М. ЛЯДОВ

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

РГАСПИ

№ 1

Из жизни
ПАРТИИ

В 1903 — 1907

годах

(ВОСПОМИНАНИЯ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1956

Н. Н. Лядов - композитор 53 (Лядов -
композитор) С. С. М. М. М. М.

ЛЯДОВ Мартын Николаевич
ИЗ ЖИЗНИ ПАРТИИ
в 1903—1907 годах
(Воспоминания)

Редактор *М. Гильгулин*

Оформление художника *И. Байтодорова*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *Ю. Мухан*

Ответственные корректоры *О. Леонович* и *Н. Эйрман*

Сдано в набор 26 мая 1956 г. Подписано в печать 28 августа 1956 г.
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Физ. печ. л. 74 (1 выделка) ¹/₁₆. Услони. печ. л. 11,605.
Учётно-изд. л. 11,4. Тираж 75 тыс. экз. А08875. Заказ № 1813. Цена 4 р. 20 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова.
Москва, Ж-54, Вадовая, 28.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания Мартына Николаевича Лядова (умершего в 1947 г.) представляют несомненный интерес для всех, кто хочет знать, как возникла и развивалась наша Коммунистическая партия. Автор в своём простом, бесхитроном рассказе повествует об огромной работе, которую вели большевики накануне и в годы первой русской революции. Ценность его воспоминаний определяется прежде всего тем, что они принадлежат перу одного из активнейших участников партийной работы в то время, одному из тех профессиональных революционеров-подпольщиков, которые вместе с Лениным боролись за создание и укрепление партии нового типа, участнику II, III, IV и V съездов партии.

Позднее бывали у М. Н. Лядова и отдельные отклонения от ленинской линии. Но это не лишает историко-партийной ценности его воспоминаний о бурной эпохе 1903—1907 гг. Работу, которую он выполнял тогда, следует, конечно, расценивать выше, чем он сам это по скромности делает. Обезвывая по заданиям В. И. Ленина местные партийные организации, не раз исколесил он всю Россию. Вот почему М. Н. Лядов мог с полным правом назвать свои воспоминания «Из жизни партии». Немногие знали тогда эту жизнь так, как он.

В иные моменты, оказавшись, вследствие бесконечных престов и провалов, оторванным от большевистского центра, ни с кем не имея возможности посоветоваться, Лядов действовал самостоятельно и твёрдо проводил в жизнь большевистскую линию. Поэтому так ценил его В. И. Ленин.

Советским людям и нашим друзьям во всех странах мира необычайно дороги воспоминания тех, кто имел

счастье работать под непосредственным руководством В. И. Ленина, кто лично знал его и так или иначе общался с ним. М. Н. Лядов принадлежит к числу таких людей. На протяжении ряда лет он был лично и перепиской связан с В. И. Лениным, неоднократно встречался с ним в России и за границей. Это обстоятельство, естественно, придаёт его воспоминаниям особый интерес.

9 января 1905 г. М. Н. Лядов, как и другие большевики, был среди петербургских рабочих, направлявшихся на Дворцовую площадь. Хотя большевики были против шествия к царю, но, когда оно стало неотвратимым, они, как всегда, были с массами. Страницы воспоминаний М. Н. Лядова, посвящённые трагическим событиям Кровавого воскресенья, ярко характеризуют тот перелом в сознании рабочего класса, который был вызван этими событиями, и воссоздают обстановку, в которой началась революция.

На протяжении всего периода первой русской революции автор настоящих воспоминаний был в самой гуще событий, на передовых линиях огня. В дни декабрьского вооружённого восстания М. Н. Лядов был членом Московского комитета партии и выделенной МК Исполнительной комиссии по руководству восстанием. Хотя автор и не ставил своей задачей дать общую картину вооружённого восстания, отдельные его зарисовки, относящиеся к декабрьским дням 1905 г., читаются с большим интересом, как свидетельство очевидца и участника исторических событий.

Воспоминания М. Н. Лядова были впервые изданы в 1926 г. С тех пор они не переиздавались и, таким образом, остались неизвестны широкому кругу современных читателей, особенно молодёжи.

К некоторым местам текста, требующим пояснений, в конце книги даны примечания.

Елена Стасова

ОТ АВТОРА

Очень часто в годы подпольной работы, в особенности после какого-нибудь собрания, я от души завидовал местным работникам. Все они прочно вросли в местные дела, все они близко знают друг друга, у них тесные связи с массами. А я приеду в тот или другой город, проведу два-три собрания, сделаю два-три доклада и еду опять в новое место. Каким-то одиноким чувствовал себя иногда, в особенности после нескольких дней, проведённых в хорошей, тесно сплочённой, чисто товарищеской среде. Но кому-нибудь нужно было нести обязанность разъездного агента, партийного коммивояжёра. Тоскуешь немного, но долго тосковать не приходилось. В дороге надо было зорко следить за тем, чтобы не подцепить шпиона, не привести его вместе с собой в организацию. В дороге всё внимание сосредоточивается на решении вопроса: есть ли за тобой хвост? Тут некогда долго сентиментальничать.

Начиная с 1903 г. мне почти всё время приходилось по партийным делам кочевать из одного места в другое. Так прошли годы революции и значительная часть годов реакции. Благодаря этому мне лично очень трудно, вспоминая то или иное событие, припомнить, кто именно принимал в нём участие. Многих товарищей я знал только по кличкам, многих кличек не знал вовсе, многих видел всего раз-два в том или другом месте, и они совершенно исчезли из моей памяти. Особенно трудно восстановить в памяти, где именно я встречал того или иного товарища. Так что в отношении моих воспоминаний о лицах у меня будет немало ошибок и пробелов. Сейчас очень часто бывает — встречаюсь с каким-нибудь товарищем, он начинает вспоминать про былые встречи, и хотя мне очень знакомы черты лица, хорошо помню и те факты, о которых

он рассказывает, но при всём старании никак не могу вспомнить его имени. Очень часто, горячо расцеловавшись с товарищем, при виде которого встаёт в памяти какая-нибудь яркая картина прошлого, приходится сконфуженно спрашивать его: а как тебя, батенька, зовут? Такова уж судьба «бродячего» революционера.

Но зато у меня были такие преимущества, которыми немногие могли похвалиться: за предреволюционные и революционные годы мне удалось объездить почти все наши организации как в России, так и за границей, мне пришлось побывать в разных местах в самое интересное, горячее время, пережить и принять участие почти во всех наиболее интересных моментах нашей партийной и революционной жизни. А это обстоятельство в значительной степени вознаградило меня за отсутствие глубоких и длительных связей на местах. Я нигде не был местным работником, но я и не был работником руководящего центра, оторванным от местной работы. Я был разъездным агентом центра партии. Моей обязанностью было развозить, разъяснять и проводить в жизнь директивы центра на местах и сообщать центру настроение и состояние местных организаций. Большую часть времени я проводил именно на местах, причём не в одном месте, а во всех, где были наши партийные организации.

ЗА ГРАНИЦЕЙ В 1903 г. *

Агентом ЦК я был назначен сейчас же после II съезда. Фактически все делегаты II съезда, решительно ставшие на сторону большинства, стали такими агентами. Надо было растолковать местным организациям смысл и значение разногласий между большевиками и меньшевиками. Надо было по возможности шире разъяснить партии происшедший на съезде раскол. И каждый из делегатов должен был с этой целью объездить как можно больше организаций.

Наряду с широким оповещением российских членов партии Ильич придавал большое значение обстоятельному ознакомлению с сущностью нашего раскола западноевропейских товарищей. Благодаря моему знакомству с немецким языком Ильич меня назначил агентом (доверенным лицом) ЦК партии в Берлине. Перед этим по его поручению мне пришлось объехать все важнейшие наши эмигрантские заграничные колонии. Центром всей партийной жизни была Женева. Там жил Ильич с Надеждой Константиновной, там издавалась «Искра» — наш Центральный орган. Там жили и виднейшие меньшевики. За границей официально утверждённой съездом организацией нашей партии на правах комитета считалась Лига русской революционной социал-демократии. В неё до съезда входили только те товарищи, которые вполне разделяли точку зрения «Искры». Перед съездом лига сыграла большую роль в деле объединения нашей партии. Вместе с русской организацией «Искры» и редакционной коллегией «Искры» лига фактически представляла весь актив складывающейся партии. Члены лиги жили по

* Воспоминания М. Н. Лядова печатаются с некоторыми незначительными сокращениями. — *Ред.*

разным заграничным городам и вокруг себя создавали из эмигрантской и студенческой публики так называемые группы содействия РСДРП. Это были первичные ячейки членов партии за границей.

Русские заграничные колонии резко делились тогда на три части. Первую группу составляли политические эмигранты, т. е. люди, уже прошедшие партийную выучку, участвовавшие в местной российской работе, посидевшие уже в тюрьмах, побывавшие в ссылках, — одним словом, люди, уже испытанные. Таких в заграничных колониях было меньшинство, и из них большинство жило в Швейцарии, где можно было не бояться репрессий со стороны местных властей. Там было достаточно заявить, что ты политический эмигрант и поэтому у тебя нет никаких документов, представить несколько свидетелей, подтверждающих, что ты именно то лицо, каким себя называешь, и ты получаешь право на жительство в Швейцарии.

В Германии русским политическим эмигрантам жить было почти совершенно невозможно. От каждого русского требовалось предъявление губернаторского заграничного паспорта. Но мало этого, каждый русский, проживающий в Германии больше трёх дней, должен был являться в полицейский участок, подвергнуться самому подробному допросу о всех своих родных, об источниках их существования, указать точно цель проживания в Германии и количество средств, которые он предполагает расходовать здесь. Немцы не удовлетворялись при этом голословным заявлением, что ты не нуждаешься, и требовали предъявить наличные деньги или какой-нибудь текущий счёт в банке, или тому подобное доказательство, что ты не окажешься бременем для немецкого государства и его подданных. В Германии могли жить только состоятельные, «незапятнанные» в политическом отношении русские подданные. Трудно было жить политическим эмигрантам и во Франции, и в Бельгии. Гораздо легче было попасть в Англию, но туда попадало сравнительно мало народу, потому что сама жизнь в Англии для русского политического эмигранта, большей частью не имеющего никакой профессии, была тяжёлой.

Старые, народовольческие и народнические эмигранты уже сходили со сцены, а новые, социал-демократические эмигранты только что начинали появляться. Большинство

русских колоний составляли студенты, легально уезжавшие за границу учиться. Большею частью это были выходцы из состоятельных семей. По старой традиции большинство студентов, попадая за границу, считало своим долгом войти в какой-нибудь нелегальный кружок. Искренних, настоящих революционеров среди них было немного, но почти каждый называл себя либо сионистом, либо бундовцем (вследствие гонений на евреев в России среди заграничных студентов их было особенно много), либо эсером, либо эсдеком. Вот эти-то студенты и входили в состав групп содействия. Они собирали средства для партии и оказывали ей те или иные услуги по перевозке литературы, по приисканию адресов и т. п.

Третью группу в русских колониях составляли не политические эмигранты-рабочие. Среди них преобладали выходцы из северо-западного края, преимущественно еврей-ремесленники. Главная масса их жила в Лондоне, в квартале Уайтчепел. Среди них работали бундовцы, сионисты и анархисты. Наша партия не пользовалась там успехом.

Сейчас же после раскола большинство заграничных русских колоний высказалось, конечно, за меньшевиков. Для студенчества, в большинстве своём буржуазного, ярко выраженная классовая пролетарская точка зрения, которую на съезде отстаивали большевики, была совершенно неприемлема. Им, конечно, была более по душе расплывчатая, оппортунистическая точка зрения меньшевиков.

В то время как большинство делегатов-большевиков поехало в Россию, чтобы найти там, в российских организациях, опору, меньшевики двинули свои «лучшие силы» на завоевание заграничных колоний. Мартов и Троцкий объехали с докладами все колонии, и им без труда удавалось почти всюду проводить резолюции против решений съезда, против только что избранных Центрального Комитета и редакции Центрального органа. Не следует забывать, что в то время главным источником материальных средств для центральных учреждений служили именно сборы заграничных колоний. Завоевав на свою сторону большинство заграничного студенчества, меньшевики тем самым лишили средств редакцию «Искры» и весь технический аппарат ЦК по перевозке через границу литературы и нелегальных работников.

Ильич дал мне задание во всех важнейших центрах русской колониальной жизни создать наши большевистские ячейки, найти в каждом городе хотя бы небольшую группку энергичных лиц, которые взялись бы работать по нашим указаниям. Вот с этим заданием я и начал свой объезд.

В Париже сразу на нашу точку зрения стал покойный Линдов (Лейтейзен). Он окончил Парижский университет и работал врачом в деревне недалеко от Парижа. Он считался французским гражданином и входил в состав гедистской (революционно-марксистской) фракции французских социалистов. Он познакомил меня тогда с Гедом, Лафаргом, Полем Луи, Жоресом, Самба, Аллеманом. Я им пытался при его помощи растолковать происшедшие у нас разногласия. Но должен признаться, что ни один из них не придавал серьезного значения нашим спорам. Несмотря на то что социалистическое движение во Франции само делилось тогда на множество отдельных группок (гедисты, жоресисты, бланкисты, аллеманисты и т. д.), тем не менее все французские социалисты, с которыми я говорил, отнеслись очень отрицательно к нашему расколу.

Помню, Жорес и Аллеман всю вину за раскол возлагали на Плеханова.

— О, я знаю, что за нетерпимый человек этот Жорж Плеханов,— говорил Аллеман,— он из всякого пустяка готов принципиальную кампанию начинать.

Аллеман вообще больше всех заинтересовался нашими русскими делами, подробно о всём расспрашивал. Лафарг никак не мог понять, как мог Плеханов разойтись с Аксельродом и Засулич. (Ведь они такие были друзья!)

Общее же впечатление из беседы с французскими товарищами я вынес такое, что они никакого значения нашим делам не придают. Смотрят на нас, как на молодую чисто пропагандистскую партию, которой ещё очень далеко до действительного руководства массовым движением. «Ну что можете вы делать в этой тёмной, неграмотной России,— казалось, думали они, слушая нас.— У вас царит невероятный режим: нет парламента, нет союзов, нет свободной печати».

Большинство французов, с которыми я беседовал, имело совершенно хаотическое представление о России. Им казалось, что единственно возможной в России революционной тактикой может быть тактика «Народной

Воли», т. е. единоличный террор отдельных интеллигентских группок. Когда я им указывал на широко развернувшееся уже у нас стачечное движение, они пожимали плечами и отвечали: «Но ведь ваших рабочих так мало, что они смогут сделать? Их, конечно, подавят, царизм ещё так силен».

Побывал я тогда на нескольких широких рабочих собраниях. Был на большом митинге в манеже св. Павла. Выступал там Самба — один из наиболее популярных тогда левых социалистов. Он говорил очень остроумно, очень горячо, аудитория живо отзывалась на его речь, но я подумал, что, если бы эту речь сказать перед нашей рабочей толпой, она, пожалуй, не произвела бы большого впечатления. Чересчур легковесна. Нет того, к чему мы привыкли в России. Нет классовой подоплёки, нет попытки глубже вникнуть в суть дела.

Ещё менее удовлетворило меня тоже большое профессиональное собрание, на котором выступил кто-то из конфедерации труда. В этой речи, несмотря на классовую ненависть, которой она, казалось, была проникнута, в то же время сквозила какая-то мелочная, будничная обывательщина. Но зато аудитория на втором собрании мне гораздо больше понравилась, чем на первом. Социалистический митинг не производил впечатления чисто рабочего митинга. Мне казалось, что большинство слушателей там состоит из нашей левобережной русской студенческой публики и других иностранцев¹. Наоборот, на синдикалистском собрании громадное большинство составляли доподлинные рабочие.

Из объезда остальных городов (швейцарских, бельгийских и германских) помню, что в каждом городе удалось хотя бы небольшую группу отколоть от меньшевистского большинства. Помню, в Мюнхене во главе большевистского кружка сразу стал Михайлов (Политикус), в Лейпциге — Степан Шаумян. Остальных не помню.

В БЕРЛИНЕ

Центром моей деятельности должен был быть Берлин. Там уже был сплочённый, чисто искровский кружок. Идейным вождём искровцев считался доктор Вечеслов (член лиги). Кроме него там жил Пётр Гермогенович Смидович (Матрёна), студент Житомирский, оказавшийся потом провокатором, Бухгольц — немец, долго живший в России и высланный оттуда за политическую работу. Это был центр Берлинской группы, постепенно примкнувшей к большевикам. Обособленно от них стояла техническая, очень конспиративная, группа, которую возглавлял Пятницкий, живший под именем Фрейтага. Кроме него в эту группу входили Щеколдин (Повар), Копп (Сюртук), несколько позднее появился и Квятковский. Берлинская техническая группа вела большую ответственную работу. В её руках находились все конспиративные связи на границах, ею велись все сношения с техническими агентами внутри России. Это был основной нерв всей партийной подпольной техники по снабжению России заграничной литературой и переправке работников из-за границы в Россию. Через Берлин же проходили все работники, вынужденные эмигрировать за границу.

Как я уже говорил, душой всего этого дела был Пятницкий. Живой, энергичный, он жил только этой работой, ни о чём кроме неё в то время не мог думать. Он форменным образом терроризовал немецких социал-демократов. Наша нелегальная экспедиция находилась в подвальном этаже громадного здания, занятого редакцией, складами и типографией центрального органа германской социал-демократической партии — «Форвертса». На границах мы пользовались услугами местных социал-демократических организаций или, верней, отдельных социал-демократов, указанных организациями.

Пятницкий на своём ломаном немецком языке налетал на какого-либо немецкого партийного чиновника, наседали на него до тех пор, пока тот не соглашался выполнить то или иное необходимое для транспорта дело. Несмотря на это, все немцы, с которыми ему приходилось иметь дело, любили и уважали его. Часто в разговорах с немцами, в особенности с рядовыми партийными работниками, приходилось слышать самые лестные отзывы о Пятницком. «Да,— говорили они,— если б у нас были такие работники, готовые на самопожертвование, как ваш Фрейтаг, дело шло бы лучше. У нас, к сожалению, чересчур много чиновников и мало революционеров».

На складе полученная из Женевы литература зашивалась в определённой формы пакеты, удобные для переноски на спине, затем эти пакеты упаковывались в ящики и отправлялись под видом того или иного товара в пограничные города. Там они попадали к местным нашим агентам, которые уже передавали их контрабандистам для переноски за границу. Эта работа в Берлине была нелёгкой, потому что германская полиция действовала в полном контакте с русским департаментом полиции. За домом «Форвертса» была установлена постоянная слежка как со стороны немецких, так и русских шпионов. Нужно было проявить большую изворотливость, чтобы получить литературу из Женевы и отправить её за границу. Вожди германской социал-демократии со своей стороны боялись скомпрометировать партийное учреждение участием в конспиративной работе русских революционеров.

Со всеми этими трудностями Пятницкий справлялся блестяще. Он был как будто бы специально рождён для конспиративной технической работы. Он ездил сам по границам, торговался с контрабандистами, буквально дрожал над каждой партийной копеечкой.

В числе прочих поручений у меня была официальная бумажка от ЦК нашей партии к редакции «Форвертса», в которой сообщалось, что после состоявшегося партийного съезда ЦК просит впредь помещать на страницах «Форвертса» лишь те корреспонденции из России, которые подтверждены уполномоченным ЦК. Эта просьба была вызвана тем, что очень часто в «Форвертсе», как и во всей анграничной печати, печатались самые фантастические сведения о России. Чуть не ежемесячно сообщалось о

покушениях на царя и на разных высокопоставленных лиц. Наряду с тем перепечатывались без всякого критического разбора сообщения официального телеграфного агентства или, что ещё хуже, перепечатывались из буржуазных газет специально фабрикуемые министерством финансов сведения о благополучии России.

Я пошёл с письмом ЦК к ответственному редактору «Форвертса» Курту Эйснеру, рассказал ему о развернувшемся рабочем движении, о большой работе, которую уже ведут наши партийные организации, указал на важность широкого ознакомления немецких рабочих с нашим движением и предложил ему регулярно снабжать его корреспонденциями о России. Он ответил мне, что будет охотно помещать наши корреспонденции, но только не очень часто. «Форвертс» не может уделить много места иностранному движению, в особенности русскому, которое ещё так молодо и так мало может дать зрелому немецкому движению.

— Ведь, признайтесь, дорогой товарищ, всё это существует больше в вашем воображении, чем на деле. Ну, разве можно серьёзно говорить о действительном социал-демократическом движении у вас в России? Ваша партия — ведь это исключительно студенческая молодёжь, которая учится в наших университетах. Вы говорите, что вы объединились в одну партию, но рядом с вами есть ещё партия «Освобождение»², эсеры, бундовцы, сионисты. Почему мы должны признавать только вас, а не их? Все они такие же революционеры, как и вы. Почему же мы должны печатать только ваши корреспонденции, а не их? Нет, мы не можем разобрать, кто из вас прав, поэтому пусть все пишут. Таким образом будет всесторонне освещаться положение вещей в России.

И, действительно, в «Форвертсе» наряду с моими корреспонденциями, посылавшимися обычно после согласования их с Ильичем, попрежнему печатались самые нелепые сведения вроде того, например, что эсеры, покушаясь на жизнь Плеве во время его путешествия по Уралу, погнали навстречу его поезду стадо буйволов, вызвали таким образом крушение поезда и убили Плеве. Продолжали попрежнему печататься в «Форвертсе» информации, распространяемые финансовыми агентами Витте³.

Я посетил всех виднейших вожakov германской социал-демократии — Бебеля, Зингера, Ауэра, Фольмара и других — и у всех у них встретил то же отношение к нашей партии, как и у Эйснера. Все они относились к нам, русским, как к детям, которые только что учатся ходить. Они не хотели принимать нас всерьёз.

На меня произвело очень тяжёлое впечатление знакомство с лидерами немецкой социал-демократии. Помню, я как-то в письме к Ильичу подробно изложил ему свои впечатления и очень нелестно отозвался о немцах. Ильич меня основательно выругал за это письмо и рекомендовал, несмотря ни на что, продолжать подробно информировать немцев. Сам Ильич и Надежда Константиновна регулярно извещали меня о всех новостях, полученных из России, и обо всех внутрипартийных делах.

Все эти письма, которые я тщательно берёг, погибли вместе с моей библиотекой при аресте товарища Камо в 1907 г. в Берлине.

Очень скоро по приезду я познакомился и с Каутским, Розой Люксембург и Тышко. Я пошёл к Каутскому с письмом Ильича и со статьёй, которую я заготовил для «Нейе дейт» (научного органа немецкой партии). Помню, что сильно трусил, когда звонил у дверей Каутского. Ведь это был непосредственный ученик и ближайший сотрудник Маркса и Энгельса. Я помню, с каким олимпийским величием принимал нас, рядовых партийцев, Плеханов, как свысока беседовал он с нами или, верней, вещал нам свои истины. Я был очень обрадован и смущён, когда встретил очень милый и чисто товарищеский приём у Каутского. Он принял меня неофициально, познакомил сразу с женой, матерью и сыновьями, очень подробно расспросил о русских делах. О нашем расхождении на II съезде он уже знал из писем Аксельрода. Долго расспрашивал о том, что из себя представляет Ильич. Когда я начал подробно рассказывать сущность разногласий, он прервал меня: — Погодите, я позову Розу, пусть и она нас послушает.

Роза Люксембург и Тышко жили в том же доме (в предместье Берлина — Фриденау). Он послал своего мальчугана за ней. Через несколько минут она пришла вместе с Тышко. Я начал сначала рассказывать. Все трое моих слушателей часто прерывали меня дополнительными вопросами. По этим вопросам было ясно видно, что

Роза Люксембург знакома с меньшевистской литературой. Главный аргумент, который выставлял против нас Каутский, был тот, что Ленин виноват уже тем, что он провалил выборы Аксельрода и Засулич в редакции.

Люксембург тоже отрицала какую бы то ни было принципиальную подошлёку наших разногласий.

В заключение нашей беседы Каутский просил меня письменно осветить основные моменты разногласий с моей точки зрения. Я написал целую статью и снёс её Каутскому с просьбой поместить её в «*Нейе дейт*» хотя бы как дискуссионную статью. В журнал эта статья не попала, но через некоторое время Каутский прислал мне довольно длинное письмо, в котором он подвергает разбору мою статью и даёт обоим сторонам дружеский совет во что бы то ни стало помириться. Копию своего письма Каутский переслал Аксельроду, и тот опубликовал это письмо в «*Искре*».

Помню, что во время одного из последующих свиданий с Каутским он заявил мне довольно решительно:

— Что вы хотите, мы вашего Ленина не знаем, он для нас человек новый. Плеханова и Аксельрода мы все хорошо знаем. Мы привыкли только в их освещении узнавать о положении вещей в России. Конечно, мы не можем поверить вашим утверждениям о том, что вдруг Плеханов и Аксельрод стали оппортунистами. Это нелепо.

Мне очень хотелось свести Ильича с Каутским, который всем нам тогда казался правозверным идеологом марксизма. Я несколько раз писал Ильичу, что было бы лучше, если бы он сам повидался с Каутским, что, может быть, вследствие моего неумения толково изложить суть вещей Каутский и Роза продолжают поддерживать меньшевиков. Ильич приехать отказался, он писал, что на этой стадии разногласий трудно переубедить немцев, они не могут понять того, что у нас происходит. Мою написанную для «*Нейе дейт*» статью Ильич полностью одобрил.

Несколько позже пришлось мне познакомиться и с Карлом Либкнехтом. Либкнехт тогда только что начинал свою политическую карьеру. В противоположность большинству так называемых «академиков», т. е. социал-демократов с высшим образованием, Либкнехт не хотел пользоваться своим положением и сразу выходить в парламентарии. По его просьбе ему предоставили один из наиболее

трудных избирательных округов — Потсдамский. Здесь был расположен императорский дворец. Громадная часть населения округа состояла из обслуживающего дворец персонала или лиц, находившихся в зависимости от дворцового ведомства. Либкнехту было дано задание отвоевать этот округ у консерваторов, которые до того там проходили без всякого боя. На двух выборах кандидатура Либкнехта провалилась с треском, наконец, в третий раз он одержал блестящую победу над консерватором. За это время он завоевал массу избирателей, которые в общем и целом были очень далеки от пролетарской психологии. Когда я с ним познакомился, он весь был поглощён этой борьбой. Одновременно с этим он всё более выдвигался как активный адвокат. Вместе со своим братом, известным у нас как неудачный защитник эсеров ⁴, Карл Либкнехт в это время стоял во главе большой адвокатской конторы. Он выступал в качестве защитника по делам о забастовках и об охране труда. У него была очень большая практика.

Первый раз я пришёл к нему с доктором Вечесловым и Бухгольцем. В то время русские шпионы совершенно не стеснялись в Берлине. Под покровительством прусской полиции они действовали совершенно как дома. Даже в канцелярии Берлинского университета было предоставлено место русским сыщикам. Особенно охотились они за доктором Вечесловым, который был давно известен как представитель «Искры». И вот как раз перед этим квартира, в которой жил за городом Вечеслов, подверглась ограблению. По всей картине этого налёта было ясно, что орудовали не простые воры. В бедной студенческой обстановке Вечеслова нечем было поживиться простым ворами. Украдена была главным образом переписка, перерывы были все книги и рукописи. Одним словом, было ясно, что под видом ограбления произведён был настоящий российский обыск. В это же время у ряда русских товарищей воровались письма из письменных ящиков. Вот по этим делам мы пошли советоваться с Карлом Либкнехтом. Он сразу живо заинтересовался этим делом: «Надо разыскать эту шайку, надо собрать как можно больше материала, и мы заставим Бебеля выступить с этим материалом в рейхстаге». Он сейчас же вызвал нескольких рабочих — социал-демократов, и мы тут же договорились организовать настоящую контрразведку.

И, действительно, на некоторое время мы под руководством Карла Либкнехта превратились в настоящих Шерлок Холмсов. Приходилось переодеваться, подкупать, подслушивать. Много помогли нам в этом деле социал-демократы трактирщики. Мы, наконец, разыскали тот трактир, где происходили регулярные сборища русских сыщиков. Подкупив трактирщика, а отчасти напугав его тем, что ему придётся отвечать в уголовном порядке за то, что в его помещении обсуждалось и подготавливалось ограбление квартиры Вечеслова и взлом нескольких ящиков для писем, мы получили возможность незаметно присутствовать на одном из совещаний сыщиков с их начальниками. Далее уже было нетрудно установить квартиры и имена всех сыщиков, установить и тех немецких полицейских и почтовых чиновников, которые систематически подкупались русскими сыщиками. Самое главное, нам удалось установить личность начальника сыщиков. Жил он в богатой вилле за городом под именем генерала-инженера Гартинга. На деле он оказался старым провокатором Ландэзенем, который в 1889 г. провалил в Париже народовольческую террористическую организацию во главе с Софьей Гинзбург.

Во всём этом деле Либкнехт проявил колоссальную энергию и поразительную находчивость. Было очень весело с ним работать. Мы за это время с ним очень близко сошлись. Его, видно, не удовлетворяла спокойная работа германской социал-демократии. Он с жадностью расспрашивал про нашу нелегальную российскую работу.

— Вот это было бы по мне,— говорил он,— это не то, что наша будничная парламентская работа.

Его тяготила и та обстановка, в которой ему приходилось жить. Жил он, правда, не по-нашенски. Его жена была из очень богатой семьи. Они занимали большую квартиру с целым штатом прислуги. Он часто забегал отдохнуть от этой обстановки в наши маленькие убогие комнатёнки, в которых можно было чувствовать себя вполне непринуждённо. Помню, как-то ему пришла в голову мысль отпраздновать у нас по-настоящему Новый год. Он приволок в нашу комнату ёлку, разукрасил её красными флажками и портретами Маркса, Энгельса и других вождей. Мы созвали всю нашу большевистскую братву и за пуншем, который мастерски готовил сам Либкнехт, и на-

стоящим русским чаем, с бесконечными нашими песнями мы чудесно провели всю ночь. После Либкнехт говорил, что ему ещё ни разу не приходилось так весело встречать Новый год.

Я предложил Либкнехту организовать кампанию среди широких немецких масс, чтобы шире ознакомить их с нашим русским рабочим движением. И за эту идею Либкнехт живо ухватился. Мы вдвоём составили подробный доклад по истории нашей партии и рабочего движения в России. Я рассказывал ему, он писал на общедоступном немецком языке. Помню, он требовал, чтобы я подробно останавливался на деталях нашей конспиративной работы, по его словам, совершенно неизвестной немцам, на наших нелегальных типографиях, подпольных кружках. Он предложил мне попробовать выступить на специально собранном рабочем собрании в одном из предместий Берлина. На официальных немецких собраниях иностранцы не имели права выступать. Либкнехт устроил нелегальное собрание для моего доклада. Немцы и в особенности хозяин-трактирщик были очень взволнованы. Для них это было необычным явлением — заседать без полицейского. Говорил я тогда на немецком далеко не свободно, часто не хватало надлежащего слова. И тем не менее аудитория слушала меня очень внимательно. Тому, чему не хотели, а может быть, и не могли верить верхи социал-демократов, простые рабочие, рядовые социал-демократы легко поверили. Для них пробуждающееся русское рабочее движение, казалось, открывало совершенно новые перспективы. Они задавали меня вопросами, и наша беседа продолжалась до глубокой ночи.

Ещё несколько раз устраивали мы такие беседы в разных предместьях Берлина и Лейпцига. И всегда они проходили очень удачно. Сам Либкнехт с таким докладом выступал несколько раз на больших официальных собраниях. Кроме того, он подыскал несколько молодых агитаторов, которые согласились объехать ряд немецких городов с докладами о advancing русской рабочей революции. Особенно энергично взялся за это дело мюнхенский социал-демократ Альберти, который объехал чуть ли не всю Германию.

Центральный Комитет (партейфорштанд) германской партии был недоволен этой кампанией. Особенно ворчал старик Зивгер. О русских делах нельзя говорить, не рискуя

попасть под суд. Против Альберти за его выступления прокуратура возбудила уже несколько дел. Всё это, говорил Зингер, отвлечёт силы партии от избирательной кампании по выборам в рейхстаг. В конце концов дальнейшее проведение нашей агитационной кампании было лидерами партии запрещено.

В это время нам пришлось уделить много внимания и нашим русским делам. Начало русско-японской войны и кишинёвский погром всколыхнули всю русскую колонию. Мне пришлось выступить на больших общеколонийных собраниях с докладами о войне и погроме. Первый доклад прошёл довольно гладко. Но не то получилось на докладе о кишинёвском погроме. Масса собранного мной материала (отчасти полученного через Женеву), рисующего действительную подоплёку еврейского погрома, произвела на слушателей очень сильное впечатление. Нервы у большинства присутствующих были взвинчены. После доклада произвели сбор в пользу пострадавших. Результат превзошёл все ожидания. После небольшого перерыва начались прения. Первым выступил представитель сионистов, какой-то Сыркин. Он начал в истеричном тоне говорить о том, что вот теперь представители русских революционных партий выступают с докладами в пользу евреев, а давно ли русские революционеры-народовольцы сами призывали к еврейским погромам, видели в них революционное пробуждение народа. Не успел Сыркин закончить, как начался невероятный шум, крики: «Ложь! Клевета! Провокация!». Он в доказательство пытается прочесть прокламацию киевских народовольцев во время погромов 80-х годов, ему не дают кончить, начинается форменная драка. Сионисты с остервенением набрасывались на остальных. Казалось, что здесь они хотят взять реванш за Кишинёв. Собрание было сорвано. Разошлись, не вынося резолюции.

Через несколько дней снова была собрана вся колония специально для того, чтобы выявить общее мнение. Но и тут дело не обошлось без инцидента. Я от имени нашей партии предложил резолюцию, в которой указал, что погром организован русским правительством, что натравливаньем одной национальности против другой царизм стремится отвлечь народные силы от надвигающейся революции и что мы обязаны противопоставить этому стремлению пропаганду единства всех национальностей России в

борьбе с царизмом под руководством рабочего класса. В противовес моей резолюции бундовцы вместе с сионистами предложили резолюцию с протестом всех живущих в Берлине евреев против всё растущего в России антисемитизма. Мы им доказывали, что здесь собрана вся колония российских подданных, а не только евреев, что поэтому нельзя выносить протест только от евреев, что политически целесообразнее принять протест именно от всех российских граждан против царизма, что нелепо утверждать, будто русский народ в массе заражён антисемитизмом, что в сущности они своим выступлением идут на поводу у полицейской провокации, разжигая национальные страсти, раскалывая единство революционного натиска. Страсти всё более разгорались. Когда после особенно истеричной речи одного из бундовцев, которая заканчивалась призывом ко всем евреям, я начал свою речь словами: «Я к вам обращаюсь не как к евреям, а как к гражданам, полагаю, что звание гражданина выше звания еврея», в толпе раздался неистовый крик. Дело опять чуть не дошло до драки. Тогда мы решили уйти с этого оголтелого собрания.

Но скоро мне снова и не раз пришлось выступать на общеколониальных собраниях. Пользуясь материалами, собранными нами во главе с Либкнехтом, о русском полицейском сыске, Бебель выступил с запросом в рейхстаге. Ему отвечал министр иностранных дел Рихтгофен. Ответил нагло:

— Да, мы следим за русскими студентами, потому что все они анархисты, а русские студентки только для свободной любви сюда приезжают.

После этого, конечно, заволновалась вся русская колония. Собрался большой митинг. Пришли даже те, кто никогда не бывал обычно на собраниях. Мне пришлось председательствовать. На этом собрании выступил и Либкнехт. Я предложил выразить от имени всей колонии решительный протест против наглой выходки министра, разослать этот протест по всем немецким газетам, перевести его на все европейские языки и послать в важнейшие европейские газеты. Громадным большинством моё предложение было принято. Насколько помню, из немецких газет полностью поместили наш протест только социал-демократические газеты, буржуазные либеральные газеты все упомянули о нём, не приводя самого протеста,

зато все французские и английские газеты поместили его целиком. Скандал получился большой.

Вскоре после этого в рейхстаге выступил рейхсканцлер Бюлов. Он заявил, что не позволит иностранцам, разным бродягам и заговорщикам вмешиваться во внутренние дела Германии. Все иностранцы, осмелившиеся выступать на митингах, будут высланы из Германии. Чтобы привлечь на свою сторону правых и антисемитов, он закончил свою речь чисто антисемитской выходкой.

Помню, что сейчас же после выходки Бюлова разыскал меня старик Ледебур и советовал немедленно уезжать из Берлина. Он слышал в кулуарах, что отдал приказ о моей высылке, а может быть, и сдаче русскому правительству. Не хотелось просто без ответа уезжать, решили сейчас же созвать новое собрание русской колонии. На следующее утро меня вызвали в полицейпрезидиум и подвергли допросу. Я отказался отвечать. Мне заявили, чтобы завтра я снова явился. Вечером провёл большой митинг-протест, на котором была принята очень решительная резолюция уже против Бюлова. Её точно так же разослали по иностранным газетам. Прямо с митинга я, не заходя домой, где меня ждала засада, на автомобиле выехал на дальнюю станцию и через Австрию отправился в Швейцарию. На следующий день в газетах был напечатан приказ о моей высылке навсегда из Германии. Вместе со мной выслались ещё человек десять.

После этого германская социал-демократическая партия по настоянию Клары Цеткин и Карла Либкнехта провела целую кампанию по поводу нашей высылки. Ряд митингов провели и антисемиты и анархисты. Так что шуму мы наделали тогда большого. Бебель выступил с запросом в рейхстаге. Я уже был в Женеве, когда узнал, что прусское правительство арестовало нескольких немецких рабочих за содействие нашему нелегальному транспорту. Полицейские, арестовавшие нашу литературу, зная, что за распространение социал-демократической литературы привлечь к ответственности по немецким законам нельзя, подсунули в наш транспорт несколько старых анархических и бурцевских брошюр с призывом к цареубийству. Был инсценирован большой процесс в Кёнигсберге. Либкнехт, выступивший вместе с Гаазе защитником обвиняемых на этом процессе, в качестве свидетелей выставил Плеханова и меня и добился от суда гарантии, что мы не будем аре-

стованы во время процесса и в пути. Суд согласился, и мы с Плехановым получили повестки и гарантию в беспрепятственном приезде на суд. Но повестки мы получили ровно через неделю после окончания суда. Конечно, ехать уже было бесполезно, тем более что Либкнехту удалось доказать провокацию со стороны прокурора, под руководством которого к арестованной литературе были подкинуты анархические листки. Процесс кончился полным поражением прусского, а вместе с ним и русского правительства и оправданием всех подсудимых.

Так кончилась в феврале 1904 г. моя работа в Германии.

В ЖЕНЕВЕ

Попав в Женеву, я нашёл здесь много нового. В ноябре 1903 г. Ильич ушёл из редакции «Искры». Плеханов «единогласно» кооптировал не выбранных на съезде редакторов. «Искра» окончательно превратилась в меньшевистский орган. Ильич был кооптирован в состав ЦК, назначен заграничным представителем ЦК и входил в состав Совета партии уже не как редактор «Искры», а как член ЦК. В самом ЦК произошли крупные изменения. Кроме Ильича в первоначально выбранную тройку (Кржижановского, Ленгника и Носкова) были кооптированы Землячка, Зверь (Эссен), Красин и Гальперин (Коняга); Кржижановский ушёл из ЦК, а Ленгник и Зверь были арестованы. Кое-кто из цекистов склонен был ради «мира в партии» принять условия меньшевиков, т. е. разжижить свой состав меньшевиками.

Российские комитеты решительно протестовали против новой редакции. Меньшевики решили завоевать Россию и двинули туда целые отряды заграничных студентов. Им давалась директива не столько работать на местах, сколько воспользоваться всякой возможностью пролезть в комитет и прочно засесть в нём и, пользуясь правом кооптации, проводить в члены комитета только испытанных меньшевиков. Благодаря этой тактике меньшевиков выработался новый тип заседателя-комитетчика, хранителя печати. Он не работал вовсе, потому что боялся провалиться. Работать он предоставлял местным работникам, а сам только выносил резолюции, одобряющие меньшевиков. Местные работники выбивались из сил, чтобы обслуживать всё разрастающееся рабочее движение. Заграничная литература не попадала к ним вовсе, о заграничных делах они узнавали в самом искажённом виде от меньшевистских комитетчиков. После ухода Ленина из редакции

у нас, большевиков, не было своей литературы. В то время, кроме Ленина, за границей не было большевистских литераторов.

На Владимира Ильича сильно подействовал разрыв с Плехановым, которого он ценил очень высоко. Главное, его смущало то обстоятельство, что среди нас, его ближайших сотрудников, не было литературных сил, какими были богаты меньшевики. Сам Ильич в это время весь ушёл в писание книги «Шаг вперед, два шага назад». Материальное его положение было очень неважное. Мы жили тогда в одном большом доме, состоящем из маленьких квартир в 2—3 комнаты (Rue de la Colline, 3). Здесь помещалась экспедиция ЦК, в которой работали Бонч-Бруевич и моя жена Лидия Павловна, здесь же сняли квартиры Ильич с Надеждой Константиновной, Бонч-Бруевич с семьёй и мы с женой; недалеко от нас жили Гусевы, Красиков и Ильины. Через несколько домов от нас поселились Лепешинские, которые взялись кормить всех нас, остальных большевиков. Помню, что обед наш обходился что-то сантимов по 40, т. е. копеек 15. Конечно, за такие деньги обед был более чем скромн. Всех большевиков тогда в Женеве вряд ли можно было бы насчитать десятка три. Мы все собирались у Лепешинских на обед, здесь делились новостями, здесь обсуждали всякую новую статью, выпущенную меньшевиками. Эта столовая фактически превратилась в наш большевистский клуб.

Надежда Константиновна вела всю переписку с Россией. Это была каторжная работа. С каждым уезжавшим в Россию товарищем устанавливался особый шифр. Чаще всего письма в России писались на случайных ночёвках, наспех. Не все товарищи были опытными шифровальщиками. Можно себе представить, каких трудов стоило расшифровать их письма. Нужно было колоссальное терпение. Надежда Константиновна вскоре после моего приезда предложила мне помогать ей в этой работе. Я с удовольствием согласился и, наверное, месяца два помогал ей. Я часто удивлялся её памяти. Она знала наперечёт составы всех комитетов. Помнила все клички, помнила все шифры. И как ловко и быстро она расшифровывала совершенно безалаберно составленное письмо! Большею частью ответы писал сам Ильич, наше дело было только зашифровать и переписать химическими чернилами. Обычно письмо писалось простыми чернилами, самое

невинное, а настоящее письмо писалось химическими чернилами. Оно проявлялось при нагревании или при смазывании определённой жидкостью. В нашу обязанность входила и рассылка литературы: у Надежды Константиновны был большой запас специальных адресов на разные учреждения, торговые фирмы и разных высокопоставленных лиц. Эти адреса периодически обновлялись местными комитетами. Обычно давались адреса таких учреждений, где кто-нибудь из служащих был связан с организацией. Он должен был выкрадывать письма, получаемые из-за границы. Конверты обычно употреблялись с бланком какой-нибудь выдуманной иностранной фирмы. Эти конверты никогда не отправлялись из Женевы или вообще из Швейцарии. Их развозили по разным городам Франции, Германии, иногда Австрии и там уже отсылали.

Время от времени приходилось запрашивать местные организации, действительны ли присланные адреса. Не следует забывать, что заграничные письма вообще подвергались строгому контролю в России. Такие адреса очень часто проваливались. Надо было изобретать новые, более верные способы перевозки. Одно время заказывались специальные чемоданы с двойными стенками и двойным дном. Такие чемоданы давались уезжавшим на каникулы студентам. Но с этими чемоданами очень часто проваливались. И вот кто-то — если не ошибаюсь, сам Ильич — предложил попробовать прессовать из отдельных листов литературы картон, из этого картона делать разные вещи: картонки для шляп, альбомы, коробочки. Помню, Ильич увлёкся этим делом. Нашлись свои переплётчики, которые начали изготавливать очень изящные альбомы, громадные картонки для дамских шляп (благо в то время дамы носили шляпы величиной с доброе колесо). В альбомы вставлялись швейцарские виды. Все заготовленные таким образом вещи давались невинным в политическом отношении студентам или случайным посетителям за границы. Таким образом удалось отправить большое количество литературы.

Ещё в январе 1904 г. Ильич выдвинул в Совете партии⁵ вопрос о созыве нового, III съезда, который должен покончить с расколом, поставить на должное место меньшевиков. Ильич глубоко верил, что любой съезд, созванный на каких угодно условиях, раз на нём будут представлены организации, работающие в России, безусловно,

встанет на нашу, большевистскую, точку зрения. Это от-
лично учитывали и меньшевики. Именно поэтому они так
решительно выступили в Совете против предложения
Ильича. В России были очень плохо и односторонне (у нас
не было своей газеты) осведомлены о заграничных раздо-
рах. За последние месяцы туда было отправлено очень
много меньшевиков из-за границы. У нас же запасных сил
было очень немного. И всё-таки все действительно рабо-
тавшие в России, а не просто хранившие комитетскую пе-
чать товарищи становились определённно на нашу точку
зрения. Сама жизнь убеждала их, что только организа-
ционный централизм, который пытался проводить в жизнь
Ильич, является единственно возможной при наших рус-
ских условиях формой построения партии. Потребность в
создании мощного руководящего, идейно выдержанного
аппарата чувствовалась всеми практическими работни-
ками. Именно поэтому так быстро на местах был подхвачен
призыв Ильича — скорей созвать съезд. Он, и только он,
может создать этот необходимый руководящий аппарат.

Меня тянуло в Россию. Чувствовалось, что загранич-
ная жизнь, несмотря на крайне необходимую работу, ко-
торую мы там выполняли, всё больше и больше отрывает
нас от России. Ильич согласился на мою поездку. Нужно
было, во-первых, объехать те организации, с которыми
связи ослабли, а во-вторых, убедить кое-кого из близких
нам российских литераторов-марксистов приехать за гра-
ницу, на помощь Ильичу. Надо было сколотить нашу больше-
вистскую литературную группу. Из литераторов мы
могли в то время рассчитывать на следующих лиц: Богда-
нова, Воровского, Луначарского, Базарова, Степанова-
Скворцова. Воровский собирался приехать. С остальными
я должен был связаться через Богданова, который жил
тогда в Твери и участвовал в местной работе. Ильич сам
написал ряд писем мелким, бисерным почерком на малень-
ких листках. Мы с Надеждой Константиновной также мел-
ким почерком переписали все важнейшие документы. Всё
это должно было быть заделано в каблук моего ботинка.
Все нужные явки и адреса были написаны на папиросной
бумаге химическими чернилами. Всё это было выучено
наизусть и спрятано в мундштуке папиросы. Выбрали мы
из наличного запаса более или менее приличный паспорт
какого-то латыша, по имени Густав, и я двинулся в Рос-
сию.

ПОЕЗДКА В РОССИЮ

По дороге я должен был заехать в Берлин к Пятницкому, тот должен был снабдить меня надёжной «границей». Так мне снова довелось попасть в Берлин. Здесь нужно было быть очень осторожным: немецкие сыщики куда умней и опытней русских, к тому же я знал, что в полиции имеются мои очень хорошо снятые карточки. Я решил в Берлине никого, кроме Пятницкого, не встречать. Именно это и дало мне возможность благополучно выехать, не зацепив шпика за собой. Обычно все проезжавшие через Берлин попадали на явку к Житомирскому, который уже тогда был провокатором, но был разоблачён лишь после февральской революции. Поэтому почти все проезжавшие через Берлин обычно так быстро проваливались в России. Я знал личный адрес Пятницкого, знал все места, где его можно было найти, и поэтому миновал Житомирского.

На следующий день Пятницкий направил меня к сапожнику, который должен был заделать мне все рукописи в каблук. Это был старый словоохотливый немец социал-демократ. Я сидел перед ним, а он мне рассказывал за работой об их партийных делах и, между прочим, рассказал и сильно приукрашенную историю моей высылки из Берлина. Оказывается, среди рабочих создалась целая легенда в связи с нашей высылкой и кёнигсбергским процессом. Меня он изобразил таким героем, что мне стало не по себе. К сожалению, я не мог его разуверить, не мог раскрыть ему себя. Но этот рассказ рядового немецкого партийца ещё раз показал мне, насколько масса немецких рабочих настроена революционнее социал-демократических вождей, насколько они в противоположность вождам жадно прислушиваются к известиям о нашей подпольной работе.

В этот же день я, снабжённый указаниями и явками, направился на границу. Это был мой первый нелегальный переход границы. Я должен был доехать до маленького немецкого городка, там найти пивную, сказать хозяину пароль, он пошлёт условную телеграмму, явится контрабандист и перевезёт меня. Пятницкий советовал усиленно торговаться с контрабандистом и не давать ему никоим образом больше 10 рублей с условием довести до станции железной дороги. Всё шло, как по писаному. Хозяин пивной, услышав пароль, отвёл мне комнату, посоветовал поспать до ночи. Поздно вечером пришёл поляк контрабандист. Хозяин помог мне с ним сговориться. Он слупил, правда, с меня лишних два рубля, но зато обещал с шиком доставить до Калиша. Мы тронулись с ним в путь. Ночь была тёмная, дождливая, мы быстро обошли немецкие посты, затем пришлось уже ползти мимо русских, стараясь не производить ни малейшего шума. Ползли мы таким образом довольно долго, наконец, контрабандист встал и прошептал мне:

— Ну, теперь бежим.

Оказывается, мы уже в России, граница позади нас. Уже видны огоньки деревушки. Тут опять пришлось тихонько подкрадываться к хате моего проводника. Отсюда я уж должен был поехать.

— Вас на паре довезут, уж вы не беспокойтесь.

Приехать в таком виде, в каком я оказался, проползав несколько вёрст по грязи, было бы вряд ли очень конспиративно. Я начал тщательно приводить в порядок и себя и свою одежду. Раз приеду на паре в город, значит, надо казаться барином при въезде. Действительно, через некоторое время к хате подъехал экипаж. Мой контрабандист подрядил своего соседа отвезти меня в Калиш. Этот экипаж оказался, правда, парой, но впряжённой в большую телегу, наполненную живыми свиньями. Пришлось ехать со свиньями, лишь бы добраться до города, до станции.

Перед заставой я вылез из моего «элегантного» экипажа, взял извозчика и направился в гостиницу. Надо было попробовать свой паспорт: пропишут его или заподозрят в нём фальшивку? Лучше этот опыт произвести именно в маленьком городке. Опыт сошёлся удачно, паспорт прописан. Переночевав в гостинице, наутро двинулся в Петербург. Но, конечно, не прямо. Заехал сначала в Варшаву, там покрутил и оттуда уже взял билет в Петербург.

В эту поездку я объехал, насколько сейчас припоминаю, следующие города: Петербург, Тверь, Москву, Нижний, Тулу, Самару, Уфу, Челябинск, Иркутск, Читту, Томск, затем побывал в Орле и вернулся за границу.

Я год с лишним перед тем провёл за границей и прямо поразился, насколько выросли наша партия и рабочее движение за это время. Наряду с официальными комитетчиками, которых мы знали по переписке с заграницей, вырос уже мощный слой убеждённых партийцев социал-демократов, которые вели большую, глубокую работу в массах. Заграничная литература, над отправкой которой мы так много трудились, представляла буквально каплю в море той литературы, которая создавалась, печаталась и распространялась на местах. Но всюду, где мне приходилось бывать, я встречал жалобы на отсутствие руководства. Меншевицкая «Искра» руководить не может, она путается, там не найдёшь определённой, твёрдой линии. Про ЦК мало слышно, ни членов его, ни агентов на местах не видно. Связь с ним слабая. Руководящих листов ЦК не выпускает. Заграничными делами интересуются все, но очень мало знают о них. Совершенно не понимают, как это мог Плеханов уйти к меньшевикам, к этим болтающим интеллигентам, которые здесь на местах никакой работы не ведут, всюду затевают склоку, всюду стремятся пролезть в комитетчики. Вот этот распространившийся тип проныры-интеллигента, приехавшего из-за границы, претендующего на руководящую роль и совершенно не умеющего работать, вызывал в партийных массах антипатию к меньшевикам.

Всюду, где мне приходилось выступать — а я старался не ограничиваться докладами комитетчикам, а проникать глубже в периферию, — всюду единственным средством изжить партийный кризис считали возможно более быстрый созыв нового съезда.

Особенно беспорядком это положение казалось для рабочих-партийцев. У них никаких колебаний на этот счёт не существовало. Они более всего чувствовали потребность в строго централизованном общепартийном руководстве. Они вели большую работу в массах. Вовлечённая в стачечную и революционную борьбу, рабочая масса, которая ещё так недавно совершенно не разбиралась в различных политических вопросах и одинаково слушала и эсдеков, и эсеров, и хлётского либерального барина из

земцев, теперь уже начала понемногу разбираться в программных оттенках. Одновременно с нашей социал-демократической литературой попадала литература и эсеровская и «освобожденская», их сопоставляли одну с другой, искали в них ответа на непосредственно волнующие массу вопросы. Рабочим-партийцам в повседневной будничной обстановке, за работой, за отдыхом, в общежитиях фабричных казарм приходилось сталкиваться с рабочей массой, приходилось непосредственно руководить всё более разгорающейся экономической борьбой. Именно в этой повседневной борьбе всё более и более популяризировалась наша принятая на съезде программа. На неё всё более привыкали смотреть как на свою рабочую программу. Отдельные её пункты, в особенности программы-минимум, всё чаще фигурировали в предъявляемых во время забастовок требованиях.

Война в свою очередь пробудила сознание масс. Достаточно было проехаться в железнодорожном вагоне, чтобы убедиться в этом. С жадностью ловились сведения из газет. Официальные телеграммы о победах наших доблестных войск, о геройстве наших генералов вызывали самые злые комментарии всех присутствующих. Им буквально никто не верил. Как сейчас, помню жирную фигуру какого-то деревенского лавочника, он только что прочитал в телеграммах про какую-то невероятную победу со взятием десятков тысяч пленных.

— Да,— говорит,— каждый день побеждают, а всё дальше и дальше откатываются назад. Если подсчитать, сколько тысяч мы этого самого япошку перебили и забрали в плен, то прямо удивительно, откуда у них вояки берутся. Страна-то вся маленькая, с одну нашу губернию будет. Врут, должно быть, всё.

Официальным телеграммам никто не верил, но газеты читали буквально все. Правда, больше всего читались разные «Копейки», «Биржевки», «Русское слово», суворинская «Русь». Но читалась вся газета целиком, с особенным наслаждением прочитывалась дешёвенькая критика наших непорядков. И всегда в вагоне находился кто-нибудь, кто начинал беседу о взяточничестве, казнокрадстве, о грабительстве и самодурствах чиновников, и буквально весь вагон подхватывал этот разговор. Никогда раньше мне не приходилось этого наблюдать. Если, бывало, кто-нибудь заговорит на какую-либо политическую тему, его

соседи пугливо оглядываются и торопятся поскорее отойти подальше от опасного человека. Теперь как будто бы все перестали бояться. Открыто говорят о том, о чём до сих пор только шушукались среди самых близких знакомых. Правда, в этих разговорах очень редко затрагивали царя, но все наши порядки критиковались немилосердно. И это безразлично где: и в вагонах второго класса, где ездили типичные представители буржуазии и помещиков, и в вагонах третьего и четвёртого классов, переполненных «серой» публикой — рабочими и крестьянами.

Я очень скоро приспособился к этим новым условиям и решил их широко использовать. Ездил я обыкновенно в третьем или четвёртом классе. Обычно в вагоне полным-полно. Как только возьмёшься за газету, сейчас же раздаются вопросы: «Что слышно про войну?». Прочтёшь одну-две телеграммки — и начинается беседа. Расскажешь про то, как война началась. Но редко сосредоточивалось внимание на самой войне, собеседники начинали рассказ про своё житьё-бытьё, про помещика, про «барина» (земского начальника), про полицейских. Начнёшь рассказывать про заграницу, про рабочее движение, про партию. Слушают жадно, делают сравнения. Редко-редко находился в вагоне кто-нибудь, кто решался заступиться за правительство. Очень часто ставили вопрос: а знает ли царь про всё то, что делается? В общем всегда на этот вопрос дружно отвечали: «Где ему знать: он, поди, газет-то не читает, только от министров и узнаёт, что делается». Очевидно, вера в царя ещё была жива. Но, по общему убеждению, царь — это какой-то святой юродивый, он где-то вне жизни. Жизнью распоряжаются министры, чиновники, а они все жулики-казнокрады. Часто в разговорах крестьяне хвалят рабочих: «Вот им надоело теперь, они уже начали бороться. Надо бы и нам, крестьянам, по их примеру за ум взяться». Иногда в вагоне оказывается и кто-либо из передовых рабочих. Тот долго молчит, не вмешивается в разговор, видно, конспирирует. А затем вдруг прорвётся и начнёт настоящую агитацию. Сколько раз приходилось удивляться, насколько сознательно высказывается такой рабочий. Так и хотелось иногда разговаривать откровенно с таким товарищем. Но ездил я обычно, либо изображая из себя приказчика, либо служащего по делам фирмы. Откровенничать было нельзя. Но я всё

более и более убеждался в этих случайных беседах, что выковывается политическое сознание масс, что массы привыкают к политической жизни. Это были уже не случайные распропагандированные рабочие, это была сама масса, которая ищет и найдёт в конце концов разрешение всех волнующих её вопросов.

Как я уже говорил, политические разговоры царили и во втором классе, среди «чистой» публики. Здесь тоже почти ни разу не приходилось наталкиваться на черносотенные разговоры. Купцы, чиновники, помещики, офицеры шепотком критиковали правительство, указывали на бездарность генералов, рассказывали весёлые анекдоты из придворных и высших сфер, говорили о хищениях, о взятках. Так и сыпались рассказы об украденных пожертвованиях: об одеялах, подаренных Красному Кресту Морозовым и очутившихся на Сухаревом рынке, о корабле с изюмом, пожертвованном греческой королевой и раскраденном чиновниками. Здесь каждый разговор заканчивался обычно уверением, что дальше так жить нельзя, необходима конституция, необходим контроль над правительством. Если в разговорах «серой» публики избегали припутывать царя, о нём умалчивали, то «чистая» публика отнюдь не стеснялась ругать царя. Это весьма характерное явление, которое в то время отмечал далеко не я один.

Для меня было ясно, что Россия 1904 г. совсем уже не та, что Россия 1902 г. На каждом шагу чувствовалось, что мы накануне больших событий. Особенно остро чувствовалась ненависть к меньшевикам, помешавшим нам создать единую централизованную партию, которая могла бы встать во главе этих надвигающихся событий. Без единой, сплочённой партии руководить пробуждающейся политической жизнью всей России мы не можем: жизнь пойдёт помимо нас и нам придётся плестись за ней. Во время этих случайных разговоров с представителями всех слоёв общества я укреплялся в мысли, что нам надо создавать свою партию.

Посетив несколько организаций и детально познакомившись с положением дел на местах, я всё более убеждался, что это единственно правильное решение вопроса. В Питере особенно остро шла борьба между большевиками и меньшевиками. Туда из-за границы обеими сторонами брошены были наилучшие силы. Но из первых же

разговоров с товарищами было ясно, что почти все рабочие-партийцы идут с нами, все интеллигентские организации идут с меньшевиками. Вся та публика, которая вошла в разные финансовые, литературные, студенческие и т. п. группы, почти сплошь состояла из сочувствующих меньшевикам; все ведущие непосредственно работу в массах шли за большевиками. Такое же явление мне пришлось наблюдать и в остальных местах.

В Питере велась большая работа. Но организация была очень слаба. Почти все силы тратились на фракционную борьбу. Масса рабочих подпадала всё больше и больше под влияние гапоновского «общества фабрично-заводских рабочих»⁶. Под влияние этого общества подпадали не только полукрестьяне-ткачи, но и квалифицированные металлисты, печатники и т. п. Нередки были случаи, когда уже входившие в состав партийных кружков рабочие шли в это общество. Правда, многие шли в это общество сознательно, желая использовать возможность социал-демократической агитации среди масс.

Я не могу теперь вспомнить персональный состав тех комитетов, которые я посетил в это время. В этом отношении память совершенно изменила мне. Да это и неважно: сейчас уже имеется достаточно воспоминаний товарищей, оседло работавших в это время на местах. Им и карты в руки в расшифровке личного состава организаций. Я хочу лишь поделиться с читателями тем, что сохранилось в памяти из общих впечатлений и отдельных фактов.

Приезд в Тверь мне запомнился хорошо. Явка была у фельдшерицы в земской больнице. Я сидел на приёме в ожидании возможности с глазу на глаз поговорить с этим товарищем. Приёмная полна крестьян. Общий разговор о войне, ругают войну. Крестьяне далеко не такие забытые, как привыкли обычно о них думать. Наконец, освобождается фельдшерица, говорю ей пароль, она меня ведёт к ответственным работникам. Они с жадностью расспрашивают про заграничные дела и рассказывают про свою работу. Связи у организации растут как на фабрике, так и среди крестьян. Кое-где в уездах создались прочные крестьянские группы. Не хватает литературы, особенно популярной, не хватает сил.

Иду к А. А. Богданову. Вспоминаем с ним былые встречи — 10 лет тому назад. Тогда мы были оба очень молоды, он начинал работать в Туле, я работал в Москве.

Тогда мы с полуслова понимали друг друга, потому что работа в одной и той же среде воспитала нас. Сейчас Богданов уже известный литератор, но остался тем же убеждённым революционером и поэтому очень быстро схватывает наше заграничное положение вещей. У него почти нет колебаний, на чью сторону встать. Новая «Искра» на него произвела гнетущее впечатление. Он сам уже собирался ехать за границу. Он уверен, что и Луначарский, который оканчивает ссылку и после ссылки тоже собирается за границу, примкнёт к нам, большевикам.

Вечером было официальное собрание комитета. Мы вместе с Богдановым пошли. Я сделал официальный отчёт. Тут были все свои, ни одного меньшевика.

Мне не хотелось уезжать, не повидавшись с рабочими; поэтому мне предоставили возможность сделать доклад где-то за Морозовской фабрикой, в рабочей квартире. Собралось там человек пятнадцать. Это были славные ребята, которые вели уже самостоятельную работу по цехам. Многие из них регулярно поддерживали связь с крестьянами.

В Москве мне не пришлось долго оставаться. Я побывал на цекистской явке, связался с агентом ЦК — дядей Мишей (М. А. Михайловым). Не помню сейчас, удалось ли мне повидать в этот приезд Московский комитет. Кажется, из-за провала я в это время никого не мог поймать. Московскому комитету все поручения я передал уже через Подольск. Там я разыскал доктора Левицкого и А. И. Елагина, они входили в местную социал-демократическую организацию и связаны были с Москвой.

В Туле жил делегат съезда С. И. Степанов. Он работал там уже давно. Вместе с А. А. Богдановым он ещё в 1894 г. связался с Московской организацией. На съезде он сразу пошёл за Ильичем. Твёрдым большевиком я нашёл его и сейчас. Под его влиянием и вся Тульская организация стояла решительно на большевистской точке зрения. В Туле, где-то за городом, собралось довольно многочисленное собрание. Оно прошло очень оживлённо.

Наутро я пробирался на явку, вижу: что-то неладное, возле явки какой-то подозрительный тип. Прошла женщина и шепнула мне: «Вы к такому-то не ходите, там засада». Я быстро повернул, но, видно, подозрительный тип заметил меня, бросился за мной. Место было довольно

безлюдное, я бросился бежать по-настоящему, он — за мной. Мне попался навстречу извозчик, я вскочил на него, обещал трёшницу, если быстро довезёт до вокзала. Сыщик начал свистеть вдогонку. Извозчик оказался молодцом: он, видно, понял, что за мной погоня, не остановился, а, наоборот, начал нахлестывать конягу и благополучно доставил на вокзал. Как раз был звонок к какому-то поезду. Когда я влетел в него, оказалось, что это скорый поезд из одних первых и вторых классов. У меня не было билета, не было и достаточно денег, чтобы заплатить за билет во втором классе, и к тому же поезд шёл на Москву, а я собирался в Самару. За рубль кондуктор согласился доставить меня в Серпухов зайцем. Там уже пересел на поезд в Самару.

В Самаре у меня, помню, была явка к зубному врачу⁷. Через него связался с Иннокентием (Дубровинским) — представителем ЦК — и с Арцебушевым (Карлом Марксом). Оба (увы! их уж нет в живых) были замечательными товарищами. Иннокентий был цельным человеком, который весь жил интересами партии и революции. Это был настоящий организатор. С ним можно было спорить, можно было не соглашаться, но нельзя было не уважать его. Тогда мы с ним сильно поспорили. Он считал Ильича неправым. Правда, говорил он, эти меньшевики — сволочь порядочная. Но чёрт с ними, ради единства партии им необходимо уступить. Говорить сейчас о съезде безумно. Съезд неизбежно приведёт к расколу. Дубровинский настаивал на том, что принципиальных разногласий нет ещё между большевиками и меньшевиками, но их стараются выдумать и раздуть обе стороны. Лучший выход — это чтобы Ильич вошёл к редакцию. Там он, несомненно, опять подчинит себе бесхребетного Мартова. Аксельрод работать не будет, а с Плехановым Ильич сможет работать.

Я старался доказать Дубровинскому, что дело далеко не так просто. Новая «Искра» с каждым номером всё больше скатывается к «экономистам». Там сейчас тон задаёт не бесхребетный слизняк Мартов, а очень твёрдый и очень самостоятельный Дан в компании с убеждённым оппортунистом Мартыновым. В редакции Ильичу не дадут возможности проявить себя. Его по всем вопросам будут майоризировать. Правда, спор идёт пока только по организационной линии, но весьма вероятно, что принципиаль-

ные разногласия обнаружатся и в тактических вопросах. В вопросе об отношении к либералам съезд не зря не мог договориться. Это не случайность.

Дубровинского я не переубедил, он остался при своей точке зрения и действительно скоро начал решительную, так называемую «примиренческую», кампанию. Дубровинский был убеждён, что эта кампания нужна была в интересах партии. Он готов был на всё, вплоть до разрыва с Ильичем, которого он очень ценил, чтобы спасти единство партии. Говоря с Иннокентием, я особенно жалел, что не сумел переубедить его. Как хорошо было бы, если б он шёл с нами.

Старик Арцебушев совсем из другого теста человек. Он был до мозга костей революционер. К марксизму он перешёл от народовольчества. И много осталось в нём хорошего от времени народовольчества. Это был типичный интеллигент-революционер. Его звали Карлом Марксом потому, что его густая седая шевелюра и окладистая борода действительно напоминали портрет Маркса. Он добывал средства к жизни какой-то мелкой службой на железной дороге. У него была большая семья и вечно кто-нибудь жил и кормился из товарищей. Семья нуждалась в самом необходимом. А он всё за кого-нибудь хлопотал, кого-нибудь устраивал, кому-то помогал. Когда я пришёл к нему, он ни за что не хотел отпускать на ночёвку, настаивал, чтоб оставался у него. Было уютно, хорошо среди его семьи, и самому не хотелось уходить.

Прочно врезался в память ночной митинг по ту сторону Волги. Выезжали мы с разных пристаней на лодках, как будто для прогулки. Шумно, весело было в отдельных лодках, переполненных молодёжью. Звонко неслись волжские песни. Долго шныряли лодки вдоль берега, затем одна за другой потянулись, когда совсем стемнело, к берегу. Приставали в разных местах, а затем шли далеко вглубь. Там ждали нас в лесу большие костры. Волга только недавно очистилась от льда. Она широко разлилась. Костров не видно из города. Патрули наши берегут митинг от непрошенных гостей. Всю ночь провели у костров, в задушевной беседе. Никому не хотелось расходиться. Такими свободными чувствовали мы себя все! Не хотелось думать, что по ту сторону Волги, может быть, ждут уж нас сыщики. Утром рано переправились обратно. Меня и всех, кто уже был на примете у полиции, высадили

далеко от города. Мы оттуда поодиночке возвращались по разным улицам.

Дорога от Самары на Уфу уже носила определённый отпечаток тыла действующей армии. Поезда переполнены военными, подрядчиками, сёстрами, интендантами и всякого рода мародёрами. Разговоры исключительно про войну. И у солдат и у офицеров озлобленное настроение. В успех нашего оружия никто не верит. Едут, как на убой. Зло говорят про баснословные грабежи на фронте и в тылу, про колоссальные богатства, которые наживались в несколько месяцев разными интендантами, подрядчиками, инженерами, техниками. Рассказывали про целые поезда с подарками, которые вместо фронта направлялись куда-нибудь в Одессу и там распродавались. Рассказывали про генералов, которые отодвигали на запасные пути поезда с ранеными, чтобы продвинуть ближе к штабу вагон с коровой. Солдаты громко рассказывали про трусость офицеров, которые перед боем ложатся в лазарет. Офицеры перечисляли факты полной неподготовленности нашей к войне.

Наш поезд шёл страшно медленно, иногда по несколько часов ждал на разъездах. Разъезды все забиты встречными поездами: тут и раненые в ужасном виде, голодные и холодные, с окровавленными повязками, тут и скорые поезда с кутящими генералами и девицами. Все вокзальные буфеты превратились в настоящие вертепы с пением, плясками, бранью пьяных офицеров. В нескольких сажнях от этих вертепов — эшелоны с голодными запасными и оставленными без медицинской помощи ранеными. Тут не нужно было никакой агитации! Здесь, на этих станциях, в этих эшелонах, крепло революционное настроение солдат, их ненависть к прогнившему царскому строю.

Мы долго плелись до Уфы, но, наконец, добрались. Здесь я быстро связался с организацией. Мы собрались за городом на берегу реки. В Уфе был тогда центр всей Уральской организации, составившийся из трёх прежних комитетов: Уфимского, Средне-Уральского и Пермского. Почему-то очень не понравился мне один из членов организации: не похож он на остальную нашу братву, и неприятно звучала среди простых искренних слов остальных товарищей его как будто надуманная, искусственная речь. Возвращаясь с собрания с Потапычем (Митрофановым),

я начал расспрашивать про него; тот называет его Николаем, говорит, что парень выдвигается, хороший оратор, пользуется успехом среди рабочих. После мне приходилось часто встречать этого Николая в Петербурге, и почему-то я всё же не верил ему.

Когда в 1911 г. узнал, что застрелился Коновалов, работавший под кличкой Николай, я почему-то был убеждён, что он был провокатором. Моё тогдашнее предчувствие вполне оправдалось. Коновалов действительно оказался злостным провокатором, долго служившим в охранке.

Товарищи уфимцы перед моим приездом получили номер «Искры», в котором Плеханов грубо и жестоко издевался над ними за их резолюцию против новой редакции. Они были очень смущены этим обстоятельством; им казалось, что, может быть, они действительно пересолили в критике старых, заслуженных членов партии. Они успокоились, когда я им рассказал про всю заграничную склоку, про всю ту ругань, которой нас, большевиков, награждают меньшевики. Здесь царило твёрдое настроение. Можно было быть уверенным, что здешние товарищи пойдут с нами до конца.

Из Уфы я двинулся на Челябинск, там я должен был запастись литературой для Сибири. Дорожные картины, которые я наблюдал перед Уфой, ещё ярче проявлялись по мере приближения к Сибири. Ещё большая неурядица с поездами, ещё больший разгул, ещё больше встречных поездов с ранеными, ещё больше озлобления в обгоняемых и встречных эшелонах. Вокзал в Челябинске — настоящий военный лагерь и в то же время сплошной кафешантан. Поёт цыганский хор. Пьяная женская прислуга обслуживает пьяных генералов и офицеров. Самые возмутительные сцены разврата. Мы приехали поздно ночью, попасть на явку можно было только утром. Но оставаться в этом кабаке в течение всей ночи было бы небезопасно: среди военщины шныряют тиличные фигуры сыщиков. Я решил пробродить до утра. Явка была у сына владельца типографии. Фамилии я, по обыкновению, не помню. Только в 10 утра поймал я его. Он дал мне адрес. Надо было попасть на какой-то двор, разыскать на том дворе конюшню, в одном стойле которой живёт лошадь, а в соседнем стойле живёт товарищ под кличкой Чёрт. Разыскал я этого Чёрта. Оказывается, он очень комфорта-

бельно устроился в конюшне. По соседству с лошадьё у него оказалась настоящая комната с необходимой мебелью; одно неудобство — нельзя по ночам зажигать свет: из дому виден был бы свет в конюшне, начался бы переполох.

У Чёрта я достал нужную литературу — листки, заготовленные для запасных солдат — и двинулся дальше. По дороге из Челябинска до Иркутска наш поезд потерпел три крушения. Одно могло кончиться очень печально. На каком-то разъезде вразрез нашему поезду был пущен встречный товарный. У нашего поезда были срезаны стенки от трёх вагонов. Паровоз встречного поезда врезался в наш вагон, который сошёл с рельс, сильно покачулся, но не упал. Мы отделались лёгкими ушибами. Человеческих жертв не оказалось, но все пассажиры выскочили из поезда и чуть не линчевали обоих машинистов. Стоило больших усилий успокоить разбушевавшихся пассажиров и доказать им, что в действительности только благодаря машинистам, во-время заметившим опасность, мы остались живы. Виноват был начальник разъезда, открывший стрелку встречному поезду. Но, по его словам, он бессменно дежурит третьи сутки и уже окончательно перестал понимать, что делает. В результате толпа устроила сбор в пользу машинистов, жертвовали буквально все. Благодаря этим крушениям я, выехав из Челябинска во втором классе, в Иркутск попал в теплушке.

В смысле впечатлений дорога эта становилась всё интереснее. Чем ближе к фронту, тем всё меньше и меньше было дисциплины. Помню, на одном из разъездов я увидел громадную толпу солдат, окруживших безногого матроса порт-артурца. Он горячо и толково агитировал против войны, против правительства. Толпа солдат молча и сосредоточенно слушала. Слова матроса не пропали даром, в этом можно быть уверенным.

До Иркутска я роздал все забранные с собой прокламации. Каждый раз удавалось делать это совершенно незаметно. Солдаты на всех станциях просили газет, я давал листки вместе с газетами. И можно быть уверенным, что ни один листок не пропал даром. Он читался всем вагоном, куда он попадал. По сибирской дороге я ехал с удостоверением, что я состою корреспондентом немецкой буржуазной газеты («Фоссише цейтунг»). Это удостоверение я получил через знакомого журналиста в Петер-

бурге. Звание иностранного корреспондента давало мне возможность свободно расспрашивать офицеров. Они мне давали всевозможные советы, как проникнуть в штабы. По их словам, за корреспондентами, и в особенности за иностранными, на фронте очень уважают. В качестве корреспондента я проехал до Читы, пробыв недолго в Иркутске. Это была интереснейшая поездка.

Из этой поездки я вернулся с уверенностью, что вся армия является уже революционной. Правда, как армия она сражаться не может, она совершенно недисциплинирована, но каждый солдат, вернувшись в Россию, к себе в деревню, подымет эту деревню на восстание. «К чему нам воевать с японцами за китайскую землю, когда у нас под боком сколько угодно помещичьей земли? Её надо завоевать». Такой ответ я часто слышал от солдат по дороге. И я был уверен, что это не просто слова, что они действительно будут осуществлены на деле. Сибирские товарищи вели в это время большую работу среди солдат проходивших эшелонов. Среди них распространялось немало наших листовок. Но лучшими агитаторами являлись возвращающиеся с Дальнего Востока раненые, изувеченные матросы и солдаты.

Офицерство резко делилось на две группы. Одни непрерывно жили в тылу, пропивали казённые деньги, хвастались тем, сколько каждый из них успел наворовать за войну. Другие были не менее, чем солдаты, озлоблены и революционно настроены. Я помню одного ротмистра, который служил на границе ещё перед войной, принял участие в войне с самого начала, имел несколько боевых орденов. Он рассказывал мне как иностранцу, за которого он меня принимал, о таких возмутительных проделках в штабах, которые, по его словам, сделали его, самого верноподданного до сего времени человека, фанатическим ненавистником и царя и всех наших порядков. Я понимаю, говорил он, террористов, я готов им всячески помогать, чтобы убрать всю эту сволочь. По его словам, половина русских старых офицеров думает так же, как он. Только воры, казнокрады могут стоять за царя. Все офицеры, с которыми мне приходилось беседовать, мечтали о скорейшем поражении русских войск, о скорейшем, хотя бы самом позорном, мире. Многие рассказывали, что большинство раненых офицеров ранены не японскими, а русскими пулями. Солдаты на фронте разделяются со всеми теми,

кто в тылу тиранствовал над ними. Офицеры на фронте трусят перед солдатами и ещё больше распускают дисциплину.

Когда я возвращался из Сибири, у меня не было ни малейшего сомнения, что революция уже близка, что сейчас надо всё сделать, чтобы как можно скорее созвать съезд, идти на раскол с меньшевиками и создать твёрдую большевистскую партию. Я торопился за границу. На обратном пути я заехал ещё только в Нижний и Орёл. В Орле находилось техническое бюро ЦК (там работали Голубковы). Здесь я рассчитывал получить последние новости о намерениях ЦК насчёт съезда. В Томске мне удалось раздобыть от одного раненого офицера заграничный паспорт. Он получил как раненый георгиевский кавалер командировку за границу для лечения и согласился предоставить мне свой паспорт с тем, что я немедленно после переезда через границу уведомя его телеграммой, а он тогда заявит об утере паспорта.

Чтобы избежать проезда через Германию, я поехал через австрийскую границу, через станцию Граница. Подъезжая к станции, по обычаю, я предварительно внимательно изучил всех стоящих на платформе в ожидании поезда. Первое лицо, которое бросилось мне в глаза, был всем известный в Женеве русский шпион. Он бывал на всех эмигрантских вечерах и знал в лицо русскую публику. Конечно, он мог узнать и меня, хотя я значительно изменился за время своих странствований. Как только поезд остановился, я сразу подошёл к жандарму, о чём-то спросил его, рассказал ему, что я офицер, еду с войны, ранен в грудь. В то время раненые участники войны только-только начали появляться в России. Меня обступили все остальные станционные жандармы, и я им в течение всего времени, пока не началась посадка на заграничный поезд, рассказывал про войну. Я слышал немало подробностей про войну во время моей сибирской поездки. Поэтому я мог рассказать им очень много неизвестных мелочей, которые они жадно слушали. Сам жандармский ротмистр принёс мне мой паспорт и со всякими пожеланиями усаживал меня в вагон. Все остальные жандармы желали мне скорее оправиться от раны и благополучного возвращения. Конечно, шпик, внимательно изучавший всех проезжих, на меня, окружённого жандармами, не обратил ни малейшего внимания.

ИЗМЕНА ЦК

Я снова за границей и снова в Женеве. Здесь за моё отсутствие положение вещей резко изменилось. Я ещё в Орле узнал, что в составе ЦК произошли большие изменения. На съезде в состав ЦК были выбраны Кржижановский, Носков и Ленгник. Ленгник вместе с Ильичем выдержал весь натиск меньшевиков на съезде лиги и на заседании Совета партии. Вместе с Ильичем в январе 1904 г. он поднял вопрос о созыве нового съезда. Предложенная ими резолюция в этом смысле была отвергнута меньшевистской частью Совета. Совет против голосов представителей ЦК вынес резолюцию, в которой указывал, что корень разногласий в том, что в состав ЦК входят лишь представители от большевиков и что разногласия исчезнут, если большевистский ЦК кооптирует в свой состав меньшевиков.

В ноябре 1903 г., после выхода Ленина из редакции «Искры», как я уже говорил, он был кооптирован в состав ЦК. Вместе с ним были кооптированы Красин, Гальперин (Коляга), Землячка и Зверь (М. М. Эссен). Весной 1904 г. Ленгник и Зверь были арестованы⁸, Кржижановский вышел из ЦК, Землячка вошла в состав Одесского комитета. После этого в состав ЦК были кооптированы ещё Дубровинский, Карпов и Любимов.

Ленин выпустил свою брошюру «Шаг вперед, два шага назад». В этой брошюре Ильич впервые дал чёткую картину действительного положения вещей в партии, действительных причин наших разногласий, раскрыл принципиальную подоплёку наших споров. С выходом этой брошюры все работники на местах получили впервые возможность выслушать мнение большевиков, а не питаться только односторонним освещением, даваемым меньшевистской «Искрой». Меньшевистские вожди страшно

переполошились по поводу выхода этой брошюры. Они устроили настоящую истерику в Женеве и тайком вызвали одного из наименее стойких членов ЦК — Носкова для переговоров с редакцией. Носков приехал в Женеву с постановлением пяти членов ЦК (Красина, Гальперина, Дубровинского, Любимова и Носкова) против съезда. Он здесь сразу повёл двойственную политику. С одной стороны, он успокаивал Ленина, что весь ЦК, и он в том числе, вполне разделяет принципиальную позицию Ильича, возмущён наглым и беспринципным поведением меньшевиков, только не хочет раскола партии и надеется мелкими уступками успокоить меньшевиков. С другой стороны, он уверял меньшевиков, что ЦК совершенно не одобряет поведения Ильича, что ЦК готов пойти на все уступки, вплоть до кооптации в ЦК меньшевистских кандидатов.

По приезде из России я был назначен кассиром и уполномоченным заграничной части ЦК. В мою обязанность входила организация сбора денег от заграничных групп содействия, регулирование всех расходов по типографии, транспорту, по отсылке товарищей через границу. Одновременно я принимал и отправлял вместе с Надеждой Константиновной приезжавших из России и отправляемых в Россию. Нам, как агентуре ЦК, приходилось за счёт ЦК печатать и развозить враждебную нам меньшевистскую «Искру». Носков было заикнулся о том, чтобы прекратить отправку ленинских «Шагов» в Россию. Я от имени всех работавших в Женеве заявил, что мы только тогда согласимся на это, если он одновременно запретит ввозить в Россию «Искру», которая вся целиком представляет из себя одну сплошную склоку. Носков не решился настаивать на своём запрещении. А мы напрягли все наши силы, чтобы перебросить в Россию как можно больше «Шагов». В этот приезд Носков скрыл от нас свои переговоры с меньшевиками. Наоборот, я помню, как он в частных беседах ругательски их ругал.

Ильич после предложенной им и не одобренной ЦК резолюции за съезд поставил было вопрос об уходе из ЦК и из Совета. Носков всячески упрашивал его не делать этого и считал, что будет целесообразней, если уйдёт он, Носков. Ильич послал письмо всем остальным членам ЦК, в котором обстоятельно указывал, что разногласия из чисто личных, какими они были вначале, сейчас всё более и более принимают принципиальный характер и что поэтому

единственным партийным выходом из положения может быть только съезд. Можно быть уверенным (судя по письмам и сообщениям из России), что не менее восьми десятых съезда выскажется за нас. Впредь до выяснения вопроса в ЦК представителями его в Совете будут Ленин и Носков. Никто из них в отдельности не имеет права выступать от имени ЦК.

Ильич очень тяжело переживал этот конфликт. Именно в то время, когда ясно наметились уже принципиальные разногласия, когда масса партийных работников на местах уже начинала понимать, что это не простая драка заграничных «генералов», а глубокой важности разногласия, определяющие весь характер деятельности партии, — в это время шатания, обнаруженные в ЦК, неизбежно грозят разрушить всю проделанную до того работу по сплочению партии. И в то же время Ильич чувствовал, что у нас так мало сил.

Но в это время наши силы за границей стали расти. Я по приезде застал уже в Женеве М. С. Ольминского, вскоре приехал и Богданов. Богданов попробовал было повидаться с редакторами «Искры», но убежал от них сильно возмущенный: «С ними разговаривать невозможно». Немного позже приехал и Воровский, работавший до того в Одессе.

Плеханов вскоре после отъезда Носкова поместил в «Искре» открытое письмо в ЦК под заглавием «Теперь молчание невозможно». В этом письме, ссылаясь на тайную информацию Носкова, Плеханов требует от ЦК лишения полномочий Ленина, обвиняя его во всех смертных грехах. Прочитав это возмутительное письмо, мы, по обычаю, собрались у Ильича, чтобы обсудить, как нам реагировать на него. Решили, чтобы кто-нибудь из нас написал открытое письмо к Плеханову. Сейчас же принялись писать несколько человек. Из всех написанных Ильич одобрил мой проект и проект Вольского (Нилова) — недавно приехавшего из России молодого товарища, который, правда, очень скоро после этого отошёл от нас к меньшевикам, а затем и совсем от революционной работы. Мы послали наши письма в «Искру». Моё письмо, как участника съезда и старого, всем меньшевикам известного работника, они должны были напечатать. Письмо Нилова, как полученное якобы от неизвестного человека, напечатано не было. Моё письмо было напечатано вместе с

1
Д
Плехановским ответом на него. Ответ был написан генеральским тоном, в котором явно сквозило пренебрежение к рядовому работнику, осмелившемуся задавать вопросы признанному генералу от марксизма.

Ответ Плеханова не рассердил нас. Он показал, что Плеханов окончательно потерял самостоятельную линию, оказался уже вполне на поводе у меньшевиков. Первый ответ, который мы дали ему на его выступление, было коллективное письмо 37 большевиков. В нём прямо указывалось на обывательщину, которая сквозит во всей статье Плеханова. На его угрозу при торжестве ленинской точки зрения в партии уйти из партии авторы письма спрашивают его, кто, собственно говоря, собирается уйти из партии, если тамбовский дворянин Плеханов (так назвал он себя в ответе на моё письмо), то скатертью ему дорога. Жалко будет, если уйдёт социал-демократ Плеханов. Редакция это письмо не напечатала, ссылаясь на то, что ей неизвестно, состоят ли подписавшиеся товарищи в партии. И это несмотря на то, что подписавшиеся товарищи заявили, что список их настоящих имён имеется в ЦК партии.

В столовой Лепешинских у кого-то явилась мысль изобразить весь этот инцидент в карикатурах. Мы за обедом все коллективно придумали содержание и текст. Лепешинский мастерски нарисовал карикатуру.

Насколько помню, первая карикатура появилась на статью Мартова «Вперёд или назад», в которой он в беззубой злости пытался политически похоронить Ильича, критикуя его брошюру «Шаг вперед, два шага назад». В статье Мартова имелся подзаголовок «Вместо надгробного слова». В ответ мы коллективно придумали, а Лепешинский нарисовал карикатуру «Как мыши кота хоронили». Карикатура вышла очень удачной. Ильич, изображённый котом, Плеханов — старой крысой, все остальные лидеры меньшевиков (Мартов, Аксельрод, Троцкий, Дан, Потресов) в виде мышат поразительно удались Лепешинскому. Все дальнейшие карикатуры напоминали отдельные эпизоды из нашей фракционной борьбы.

В ответ на письмо Плеханова и отказ редакции напечатать письмо 37 большевиков получились две карикатуры. Одна под названием «Житие Георгия Непобедоносца» в шести картинах изображала важнейшие моменты из жизни Георгия Валентиновича Плеханова: как он вместе с Лениным боролся сначала с «экономистами», после—

с меньшевиками, как он затем испугался съезда лиги, открыл храм «Искры» для меньшевиков, как он начал вместе с этими меньшевиками гадить в этом храме, наконец, как он вспомнил о том, что он «тамбовский дворянин». Последняя заключительная картина представляла, как Ильич в виде атамана разбойников приказал нам, его сподвижникам, разложить Плеханова и всыпать ему горячих. К сожалению, эта карикатура пока не найдена и нигде не была воспроизведена, хотя довольно широко распространена была в литографированном виде за границей. Вторая карикатура изображала участок: Плеханов в качестве исправника или частного пристава, Мартов в виде канцелярской полицейской крысы, Троцкий в виде молодого, готового на всякие услуги околоточного надзирателя, Дан в виде одетого в штатское сыщика, а мы все, большевики, в виде толпы оборванцев, подающих бумагу в «небюрократическое учреждение», т. е. в редакцию «Искры». Стоящие в шкафу «дела» представляли из себя перечень всех спорных и склочных вопросов, выдвигавшихся против нас меньшевиками.

Конечно, эти карикатуры моментально расходились по всей Женеве и по другим заграничным колониям. Меньшевики были возмущены до глубины души. Плеханов выходил из себя от злости. Его жена как-то решила прийти к одному из большевиков и заявила ему, что пусть не забывают, что Плеханов действительно дворянин и получил военное образование и что, если выведут его из себя, он может вызвать автора карикатуры на дуэль.

Мы все во главе с Ильичем хохотали самым весёлым образом над всей суматохой, которую подняли меньшевики по поводу карикатур. Это оказалось сильным оружием, и на каждую ругательную статью меньшевиков мы отвечали новой карикатурой.

АМСТЕРДАМСКИЙ КОНГРЕСС

Осенью предстоял Международный социалистический конгресс в Амстердаме. По Уставу нашей партии представительство на международные конгрессы организуется Советом партии. Доклад с партийным отчётом должны были написать совместно редакция и ЦК. Редакция назначила для этого Дана, ЦК — Носкова. Носков не нашёл нужным вмешиваться в эту работу и доверил её одному Дану. Ленин входил в Совет, но председатель Совета Плеханов не счёл нужным созывать Совет для организации делегации на конгресс и для утверждения отчёта. Ленин увидел отчёт Дана только тогда, когда он был уже переведён на немецкий язык и отпечатан в типографии. Отчёт представлял из себя возмутительное тенденциозное искажение положения вещей в партии и всей партийной истории и в особенности II партсъезда.

Ильич предложил нам сейчас же засесть (времени оставалось до начала конгресса всего дней десять) и коллективно составить отчёт. Так как он не мог быть представлен от имени какой-нибудь официальной организации (отношения с ЦК у Ильича к этому времени обострились уже настолько, что Ильич не мог выступать от имени ЦК), то было решено, что этот отчёт должен появиться от имени кого-нибудь из нас, в виде частного издания. Предполагалось этот отчёт раздать на конгрессе лично всем делегатам. Насколько помню, в составлении отчёта принимали участие Ильич, Воровский, Красиков и я. Каждый взял по главе, намеченной Ильичем. Кроме того, в мою обязанность входило перевести книжку на немецкий язык. Работали мы буквально день и ночь в течение восьми дней. И Ильич и Надежда Константиновна помогали мне переводить. Часто приходилось втроем обдумывать какое-нибудь особенно трудное предложение. Бонч-Бруевичу удалось разыскать французскую типографию,

которая согласилась набрать и отпечатать эту книжку. Когда я сдал последний лист в типографию, я почувствовал, что уже перестал что-либо соображать. 8-суточная работа без сна валила с ног, но в тот же день пришлось ехать в Амстердам.

За неделю до конгресса два члена Совета — Плеханов и Мартов, не созывая Совета, письменно предложили Ленину, как члену Совета, поехать на конгресс. Попутно они сообщали, что кроме членов Совета в делегацию войдут Дан, Дейч и Засулич. Ленин опротестовал это решение, как принятое одним меньшевистским большинством Совета без официального заседания. Сам Ленин, несмотря на все наши уговоры, решительно отказывался ехать на конгресс. Он указывал, что быть единственным большевиком среди стольких меньшевиков — это значит обречь себя на роль статиста. Ему не удастся отстоять свою точку зрения, ему просто делегация не позволит выступать. Да к тому же, по его словам, он недостаточно владеет иностранными языками, чтобы быть в состоянии выявить нашу точку зрения перед немцами, которые со слов меньшевиков видят в нём какое-то чудовище-обло. По его мнению, лучше всего будет, если поедем мы с Красиковым. Оба мы были участниками съезда. Меня знают немцы по моим выступлениям в Берлине, Красикова тоже знают благодаря его аресту, которому он подвергся в Берлине по дороге в Россию. Мы окажемся не в таком положении, как он, член ЦК, не имеющий возможности говорить от имени ЦК. Ильич сообщил в Совет о своём предложении включить Красикова и меня в делегацию. Оказывается, делегация, не дождавшись ответа от Ильича, уже уехала в Амстердам. Тогда Ленин посылает телеграмму о нашем назначении прямо в Международное бюро в Амстердам⁹. Ответа на телеграмму мы не получили, потому что, как это выяснилось уже в Амстердаме со слов Плеханова, телеграмму Ленина якобы приняли за поздравительную. Было решено поехать и на месте добиваться включения нас в делегацию.

Немедленно сдал последний лист заготовленной брошюры в набор, не успев даже просмотреть её корректуру, я двинулся в Амстердам. Несмотря на то, что швейцарские вагоны, в которых на узенькой скамейке втискиваются четыре пассажира, совершенно не приспособлены ко сну, я, как только сел в вагон, немедленно заснул.

Раза четыре пришлось по дороге пересаживаться; я проспал все 18 часов, которые пришлось проехать, и уже в самом Амстердаме меня с трудом разбудил кондуктор. Меня ждал приехавший уже накануне Красиков. Он успел разыскать Линдова, приехавшего с французской (гедистской) делегацией. По предложению Линдова мы и поселились вместе с французами.

За исключением самого Геда среди французской делегации преобладали молодые товарищи. Меня поразил характер, который приняли разговоры за первым общим с французами столом. Это был типичный парижский, более чем легковесный разговор людей, сытно пообедавших, но отнюдь не людей, собравшихся на серьёзный деловой конгресс. А между тем за нашим столом был цвет французских социалистов. Они называли себя марксистами, они считали себя чисто пролетарской партией в отличие от остальных, интеллигентских и мелкобуржуазных социалистических партий Франции.

Сейчас же после обеда мы пошли разыскивать нашу делегацию. Конгресс начинался международным митингом за городом, на нём должны были выступить вожди разных партий, в том числе и наш Плеханов. Мы отправились туда. Плеханов уже окончил свою речь и был в благодушном настроении от оказанного ему приёма. После него выступал Дейч и рассказал иностранцам про свои 16 лет, проведённые в Сибири. Мы подошли к Плеханову.

— Георгий Валентинович, не дождавшись вашего ответа, мы приехали за ответом сюда. Считаете вы возможным допустить нас в делегацию?

— Я лично, конечно, ничего не имею против этого, но наш Устав и устав международных конгрессов не позволяет мне это сделать; при всём моём желании я ничего сделать не могу. Всеуе законы писать, если их не соблюдать.

— Но, Георгий Валентинович, вся наша делегация составлена вопреки Уставу. Совет должен был организовать её, а Совет не собирался. Ленину сообщили о составе делегации накануне её отъезда сюда. Представители ЦК не принимали участия в её составлении.

— Нельзя было специально для этого вызывать из России представителя ЦК, а Ленин без второго представителя ЦК не мог выражать мнения ЦК.

— Значит, вы признаёте, что делегация, как составленная помимо ЦК, незаконна? Это пустое дело —

ссылаться по отношению к нам на Устав, в то время как Устав нарушен в корне вами же.

— Ленин требует, чтобы мы допустили вас, как его заместителей. Мы представляем партию, а вы хотите представлять лично Ленина.

— Не Ленина, а большую часть партии, которую он представляет в Совете и которая не представлена вашей делегацией.

Плеханов сразу потерял своё добродушное настроение.

— Я сказал своё мнение, уважаемые товарищи, больше мне нечего вам сказать. До свидания.

— А мы должны вам заявить, что будем апеллировать к Международному бюро и в мандатную комиссию конгресса.

— Это ваше право, но это бесполезно. Международное бюро даст вам тот же ответ, который я вам дал.

В конце разговора к Плеханову подошёл Дан, и мы, уходя от них, слышали, как он твердил что-то о нашем «нахальстве», о том, что надо предупредить скандал.

Нам посчастливилось: через несколько минут встретили Каутского с Розой Люксембург. Они сами узнали меня и подошли к нам. Я им рассказал, в чём дело. На конгрессе в нашей делегации нет ни одного большевика. Ленин по болезни не мог приехать, просил делегацию допустить нас вместо себя представить на конгрессе все те организации, которые в ряде резолюций высказались за нашу точку зрения. Будь у нас легальные возможности быстро сносятся с российскими организациями, мы уверены, что получили бы непосредственно мандаты из России. Роза Люксембург заявила нам, что она знает наверное, что на днях в бюро получена какая-то телеграмма от Ленина. Бюро эту телеграмму передало Плеханову, как представителю русской секции, и когда его спросили, в чём дело, он ответил: «Это телеграмма поздравительная»; должно быть, схитрил наш Плеханов. Я подтвердил, что Ленин ещё до нашего отъезда посылал телеграфный запрос в бюро и очень удивлялся, не получая ответа. После этого Каутский нас уверил, что Международное бюро заставит Плеханова принять нас.

Он посоветовал нам завтра часам к восьми утра прийти в бюро, изложить всю суть, и мы, конечно, будем допущены в делегацию. То же подтвердила и Роза:

— Ну, мне эти плехановские штучки знакомы, во фракционной борьбе он ни перед чем не остановится, он может и запрос выдать за поздравительную телеграмму. Только здесь это не пройдет.

Линдов обещал поговорить о нашем деле кой с кем из других членов Международного бюро и, в частности, с Гедом.

Наутро мы отправились в Международное бюро. Здесь сидела вся головка II Интернационала. Я очень волновался перед этим: удастся ли мне, рядовому работнику, на моём далеко не безупречном языке убедить всех этих генералов от революции в правоте нашего дела. Я понимал, что, если даже мы будем допущены на конгресс, у нас не будет другой такой благоприятной возможности изложить суть наших разногласий перед всеми руководителями всех партий. Затюкает меня Плеханов своим красноречием. Переволновался я основательно и всю ночь перед тем и в особенности, когда предстал перед высокой коллегией. Красиков мне с самого начала заявил, что языка он не знает и поэтому выступать не будет, а будет только присутствовать. Но, когда по предложению Каутского Бебель, председательствующий на этом собрании, поставил первым вопросом довольно длинного порядка дня наш вопрос и предложил мне, как жабоблицу, изложить суть дела, я сразу успокоился и очень кратко и чётко рассказал историю нашего раскола, характер наших разногласий, рассказал, как организовалась делегация, и закончил тем, что вопреки всем традициям Интернационала, если мы не будем допущены, на конгрессе будет представлено только меньшинство партии, а большинство действующих в России организаций совершенно не будет представлено. В заключение я представил бюро три мандата, которые очень кстати мы рано утром спешной почтой получили из Женевы от Ильича. Это были мандаты, присланные от Рижского, Петербургского и Московского комитетов, уполномочивающие нас обоих представлять их на конгрессе. Меня слушали внимательно, и раза два, когда Плеханов пытался перебить меня, Бебель его довольно строго останавливал.

После меня слово дали Плеханову. Он всю свою блестящую речь построил на том, что у нас в партии вопреки моим утверждениям нет никаких принципиальных разногласий, партия вполне едина. Имеется только один Ленин

и небольшая группка его друзей, которые недовольны положением вещей в партии, и с ними у нас не расхождение, а только маленькие, ничтожные нюансы. Лично он ничего не имел бы против нашего допущения, он нас знает как вполне порядочных социал-демократов; если бы мы действовали согласно Уставу партии, т. е. обратились бы своевременно в Совет, но мы этого не сделали, тем нарушили партдисциплину, и он уверен, что Международное бюро не может санкционировать это нарушение.

После Плеханова взял слово старик Адлер:

— Знаешь, Георгий, я всегда считал тебя большим нахалом, но всё же не предполагал, что ты такой нахал. Сам же ты с Аксельродом прожужжал нам все уши о ваших разногласиях с Лениным. Я его не знаю, не знаю, прав ли он, но ведь он получил большинство на съезде. Как же ты отрицаешь это теперь?

Далее говорил англичанин Гайдман. Роза Люксембург рассказала про «поздравительную телеграмму».

И, наконец, Каутский предложил резолюцию: «Предложить русской секции принять нас в свой состав, если она не примет, то снова поднять вопрос в бюро». Отпущая нас, Бебель сказал:

— Ну, идите спокойно, если они вас не примут, то мы вас примем.

Мы победили.

Как только закончилось заседание Бюро, мы подошли к Плеханову:

— Ну, как, Георгий Валентинович, принимаете ли вы нас или нам придётся дальше тягаться?

Русская секция состояла из нашей делегации, эсеровской и бундовской. Если бы наша делегация не согласилась, наш вопрос должен был бы рассматриваться во всей русской секции. Плеханов нам ответил, что мы сейчас услышим ответ всей нашей делегации. Минут через пять вышел Дан и заявил нам, что мы приняты, но после конгресса наше и Ленина поведение, дискредитирующее партию, будет разбираться в Совете. Но последнее нас очень мало беспокоило. Мы были уверены, что судить нас будет не Совет, а съезд. Пока мы получили формальные мандаты и стали полноправными делегатами конгресса. Сейчас же телеграфировали об этом Ильичу и просили поторопиться с присылкой печатного доклада.

В работах конгресса нам обоим пришлось принять непосредственное активное участие. Меня выбрали в профсоюзную комиссию (она должна была рассматривать вопрос о страховании рабочих). Красиков вошёл в эмиграционную комиссию, которая впервые поставила вопрос колониальный. Помню, перед началом работ этих комиссий я обратился к Плеханову, как к председателю секции, с предложением предварительно на нашей делегации поставить на обсуждение тезисы всех комиссий, чтобы выступить там не индивидуально, а от имени всей партии. Плеханов ответил мне, что это излишне.

— Знаете, — говорит он, — немцы умнее нас, смотрите, на какой позиции они стоят, и голосуйте с ними, — это будет верней, чем вырабатывать нам свою, особую точку зрения.

Вот в этом ответе сказался весь наш меньшевизм. Плеханов боялся противопоставить точке зрения немцев свою точку зрения, а всё наше движение, всё наше партийное строительство он пытался втиснуть в проторённую немцами колею. Он не допускал возможности, что русское рабочее движение может идти своим, особым путём, в зависимости от особых условий развития всей нашей русской жизни. Ко всем вопросам, поставленным на обсуждение конгресса, Плеханов подходил исключительно теоретически, как к выработке догмы, обязательной для каждой социалистической партии вне времени и пространства, без учёта конкретной обстановки.

Два боевых вопроса стояли в порядке дня Амстердамского конгресса: о праве социалистов участвовать в буржуазных правительствах (в связи с вхождением Мильерана в министерство)¹⁰ и об объединении всех социалистических партий каждой страны в единую партию. Первый вопрос был весьма актуален для Франции, где значительная часть социалистов стала принципиально признавать возможность сотрудничества с буржуазными партиями. Жоресисты, представлявшие большинство французских социалистов, настаивали на праве социалиста Мильерана войти в правительство и считали возможным, чтобы социалисты поддерживали всё республиканское (буржуазное) министерство. Фактически споры свелись к тому, должна ли социал-демократия отказаться от обострения классовой борьбы. По этому вопросу на конгрессе и противостояли ортодоксы и бернштейншанцы.

В каждой партии, в каждой национальной секции оппортунисты стояли с большими или меньшими оговорками за Мильерана; ортодоксы, правоверные марксисты — против него.

На заседании политической комиссии участвовал буквально весь конгресс. Здесь произошла блестящая дуэль между обеими группировками. Выступали поголовно все лидеры. Плеханов выступал на левом крыле вместе с Гедом, Гайдманом, Бебелем, Адлером. Жорес предводительствовал правое крыло. Эсеры, которые имели в нашей русской секции второй голос, как и следовало ожидать, поддерживали Жореса. Вандервельде старался угодить и нашим и вашим. Многие из ораторов, в том числе и Гед и Плеханов, настаивали на изгнании из партии Мильерана и мильеранистов.

В кулуарах лидерами обеих партий велась тщательная обработка делегатов малых народов. Ведь по конституции международных социалистических конгрессов каждая национальная секция имела право на два голоса. Немцы этим возмущались. Они, как старая единая партия чуть ли не с миллионным числом членов, с громадной проделанной ими парламентской работой, должны пользоваться на конгрессе такими же правами, как какие-то русские, работающие в подполье при отсутствии парламента, или испанцы, португальцы, японцы и другие экзотические народы. Помню, Бебель особенно возмущался этим обстоятельством. Примерный подсчёт голосов ещё во время комиссионных работ ясно показал, что большинство голосов будет подано за наиболее радикальную резолюцию. Большинство голосов, несомненно, склонялось к изгнанию оппортунистов из партии. И мы были уверены, что именно такое решение будет принято. Но в конце концов после невероятной драки в комиссии для выработки резолюции была выбрана подкомиссия. Там тон задавал Каутский. И совершенно неожиданно для нас подкомиссия выработала резолюцию, вполне приемлемую и для ортодоксов и для оппортунистов. Тут сказались вся тактика II Интернационала и его идейных лидеров: в теории, в прениях обострять каждый вопрос, а на практике провести решение, сглаживающее все острые углы, примиряющее наиболее резкие расхождения.

Эта черта меня поразила ещё во время пребывания в Берлине и в особенности на Дрезденском съезде герман-

ской социал-демократической партии. Ведь тогда буквально все рабочие-ораторы с мест решительно выступали за изгнание из партии правого крыла, т. е. Бернштейна, Фольмара, Гейне, Давида и К°. А выступил Бель, сначала выругал всех этих примазывающихся к рабочему движению буржуазных демократов, а затем совершенно неожиданно сделал вывод, что единство партии всё-таки требует, чтобы все эти господа оставались в партии. Вот и теперь — самая решительная критика милитаризма, а резолюция вынесена каучуковая, которая давала возможность и впредь плодить мильеранов.

Такой же неопределённой, совершенно не считающейся с условиями времени и особенностями той или иной страны была принятая резолюция о том, чтобы в каждой стране всем буржуазным партиям противостояла бы единая социалистическая партия. Согласно этой резолюции мы в России должны были бы объединиться с эсерами в одну партию только потому, что они тоже называют себя социалистами.

На меня, впервые попавшего на международный социалистический конгресс, громадное впечатление произвела сама картина конгресса. Там, помнится, было представлено что-то свыше 20 разных народов. Сильное впечатление произвела мирная демонстрация по поводу русско-японской войны, когда под аплодисменты всего конгресса и громадной массы присутствующих гостей представитель русского пролетариата Плеханов торжественно расцеловался и обменялся горячими приветствиями с представителем японского пролетариата т. Катаяма. Необычно, величественно прозвучал пропетый на всех языках «Интернационал». Всё это было для нас ново, величественно, поражало своей грандиозностью. Но в то же время от всех работ конгресса осталось впечатление неудовлетворённости. Не чувствовалось действительного единства рабочего движения, не чувствовалось действительного интернационала, единого руководства единым пролетарским движением. Для большинства присутствующих, мне казалось, дни, проведённые на конгрессе, как-то совершенно не связаны с их повседневной будничной работой. Делегаты разъедутся по местам, и каждый забудет интернациональный праздник, с головой окупётся в свои местные интересы, очень далёкие от интернациональных вопросов.

Я уже говорил, что в состав русской секции входили и жсеры. Они послали весь «цвет» своей партии во главе с Брешко-Брешковской и Азефом. Последний играл выдающуюся роль в их делегации, хотя ни разу не выступал. От них выступал исключительно их заграничный представитель Рубанович. Несколько раз конгресс фотографировали во время заседаний. У меня долгое время хранились снимки. Уже в 1908 г., когда возникли подозрения в провокаторстве Азефа, разоблачивший его Бурцев искал на этих снимках Азефа. Ни на одном его не оказалось. Он очень ловко исчезал каждый раз, когда готовились снимать нас.

За день до окончания конгресса мы получили, наконец, долгожданную посылку с нашей книжкой, которая должна была служить контрдокладом в противовес докладу, составленному якобы от партии Даном. Я рано утром разложил этот доклад, напечатанный на немецком языке, на всех столах, перед каждым делегатом конгресса. Разложил его также и перед нашими соседями-меньшевиками. Сидел я как раз рядом с Аксельродом и Засулич. Как только они просмотрели несколько страничек, возмущённые вскочили с мест. Засулич заявила мне: «Я с вами больше не знакома», а Аксельрод угрожающе прошипел: «За это вы будете отвечать перед Советом партии».

— Ну, что же,— отвечал я,— конечно, готов отвечать, если что-нибудь неверно изложили, но ведь это надо будет доказать.

Иностранцы нашей книжкой заинтересовались. Многие, которым не досталось книжки, приходили просить её у нас. Мы раздали всё, что было напечатано.

После нашего возвращения в Женеву меньшевики горько жаловались на нас в «Искре», но до суда над нами в Совете партии дело почему-то не дошло, нас туда не вызывали, никто нас не допрашивал. А мы очень этого хотели. Получилась бы очень интересная история, если бы действительно члены редакции «Искры», кооптированные единолично Плехановым после того, как съезд не счёл возможным избрать их, судили нас за то, что мы незаконно представляли партию, после того как большинство съезда и большинство партийных комитетов признало нашу линию правильной.

РАЗРЫВ С ЦК

Очень скоро наши разногласия приняли новую форму. До сих пор нам, большевикам, пришлось бороться с редакцией меньшевистской «Искры», ЦК был на нашей стороне. Ленин с полным правом мог считаться представителем ЦК и говорить от его имени. Весь наш большевистский аппарат (т. е. секретариат, касса, типография, экспедиция и нелегальный транспорт) действовал как заграничная агентура ЦК. Такая же агентура была и в России, на севере и на юге. После ухода Кржижановского из ЦК, ареста Ленгника и Эссен (Зверя) три члена ЦК — Красин, Гальперин и Носков, — совершенно игнорируя Ильича и Землячку (последнюю, как работающую в Одесской организации, они считали выбывшей из ЦК), ещё в июле выпустили мирную декларацию в 26 пунктов, в которой решительно высказались против созыва съезда и за соглашение с меньшевиками. Часть этих пунктов появилась в том же августовском номере «Искры», в котором была помещена статья о наших похождениях на Амстердамском конгрессе. Остальную часть декларации ЦК не огласил. А в неоглашённой части три члена ЦК обрушиваются на Ленина и нас, его агентов. Заграничным представителем ЦК вместо Ленина назначается Носков. Твердокаменное большевистское Южное бюро ЦК распускается. Носков взял на себя все заграничные дела, сношения с редакцией, посылку людей в Россию, кассу, экспедицию, типографию, разрешение на печатание в партийной типографии. Ленину была оставлена только обязанность обслуживания литературных нужд ЦК, причём он не имел права что-либо печатать без разрешения всей коллегии ЦК. Одновременно, конечно, я был лишён полномочий заграничного агента ЦК и должен был передать партийную кассу и отчёт Носкову. Помощником Носкова

по всем техническим делам был назначен Копп (Сюртук), ставший тоже на примиренческую точку зрения. Ему поручено было реорганизовать экспедицию и транспорт согласно «выяснившемуся направлению деятельности ЦК». Одновременно цекисты решили включить в ЦК трёх решительных примиренцев: Дубровинского, Карпова и Любимова. Все сотрудники экспедиции во главе с В. Д. Бонч-Бруевич, Л. П. Кручининой, Л. Фотиевой (недавно бежавшей из ссылки и сразу вставшей определённо на нашу сторону) решительно заявили, что они отказываются работать при условии, когда ЦК запрещает распространять литературу большевиков (он пытался запретить отправлять в Россию книгу Ленина «Шаг вперед»), а требует распространять исключительно меньшевистскую литературу. Они все скопом уходят из экспедиции и тем самым развязывают себе руки для свободной агитации за III съезд как за единственный выход из современного хаотического состояния партии.

Носков сейчас же по приезде за границу письменно предложил Ильичу вернуться снова в редакцию «Искры». По его мнению и по мнению всей тройки цекистов, этим был бы полностью восстановлен мир в партии. Одновременно Носков известил Ленина, что так как он ничего не возразил по поводу кооптации трёх примиренцев в ЦК, то, следовательно, они считаются принятыми.

Как сейчас помню, какое тяжёлое впечатление произвела на Ленина декларация ЦК и эта наглая записка Носкова. «Это издёвка над партией,— говорил он.— Это хуже измены Плеханова».

Ильич написал резкий, страстный ответ цекистам. В нём он указывал, что уже два раза предлагал почётный мир меньшевикам. И они на это не соглашались. Напротив того, меньшевики всячески издевались над большинством, над «ленинизмом», которым Ильич хочет будто бы заменить «марксизм», обвиняли его и в бонапартизме, и в анархизме, и в якобинстве, говорили об удавной петле, которую он будто бы приготовил для партии, и после всего этого они заявляют, что борьба прекратится, если Ленин войдёт в их редакцию, где его голос будет подавлен пятью меньшевистскими голосами. Ильич в этом письме заявляет, что большевики не пойдут на

такой постыдный, беспринципный мир, не откажутся от партийной борьбы против кружковщины. Ильич прочёл нам это письмо, мы его целиком одобрили, но начали настаивать на том, что этим ограничиваться не следует. Необходимо, чтобы на эту выходку ЦК ответил не один Ильич, а все мы, большевики. Необходимо идти действительно на решительную борьбу, начать революцию против изменивших партии центральных органов. Помню, что в этом вопросе среди нас, ближайших сотрудников Ильича, не было колебаний.

КОНФЕРЕНЦИЯ «22-х»

Помню, во время одной из таких бесед возникла мысль о созыве конференции большевиков, хотя бы тех, кто сейчас оказался за границей. Ильич сразу ухватился за эту мысль. Надо собраться всем, на кого вполне можно рассчитывать, кто готов твёрдо идти с нами до конца. Нет вовсе надобности, чтобы это была официальная конференция с делегатами от комитетов. После с решениями этой конференции надо будет познакомить наши местные организации; если они с ними согласятся, то в России можно будет собрать одну или несколько официальных конференций партийных комитетов. Помнится, вначале нас собралось 19 человек. Конференция эта собралась не в августе, как обычно пишут, а в сентябре, но решено было для конспирации назвать её августовской. Кто участвовал на этой конференции? Все, кто писал о ней, по-разному определяли её состав. Безусловно участвовали на ней следующие товарищи: Ленин, Крупская, Красиков, Гусев, Лепешинский, Землячка, М. М. Эссен, Бонч-Бруевич, Величкина, Богданов, Ольминский, Воровский, Вольский (Нилов) и Лядов. Раньше я предполагал, что участвовали Луначарский и Десницкий. Но, насколько сейчас припоминаю, их тогда ещё не было в Женеве. Могли участвовать кроме упомянутых Кручинина, Фотиева, двое Ильиных и Пятницкий. Уже после присоединились три большевика, и окончательно обращение было отредактировано от имени конференции «22-х».

На этом собрании ещё не было принято окончательного решения о том, как нам действовать, если наше обращение будет поддержано русскими организациями. Все высказывались за то, чтобы идти напролом. Если наша агитация за съезд увенчается успехом, то организовать его помимо ЦК. На этой конференции ещё не было и речи об организации своего постоянного центра в России

в противовес ЦК. О создании своей газеты говорилось много, но Ильич ответил, что об этом говорить преждевременно, у нас нет материальных средств, нет и достаточных литературных сил. Надо ждать, как отзовется на наш призыв Россия. Пока было решено оформить только брошюрочное издательство под фирмой Бонч-Бруевича и Ленина. Ильич был очень утомлен и нездоров в это время, и мы все настаивали на том, чтобы он прежде всего основательно отдохнул. Он действительно вскоре после этого совещания уехал в деревню, недалеко от Лозанны. Если не ошибаюсь, он прожил там с месяц.

Нам, оставшимся в Женеве, пришлось разделяться с ЦК. Бонч должен был сдать экспедицию, я — кассу и типографию. Типография в лице наборщиков, которые до того времени все считались большевиками, не решилась пойти с нами на разрыв с ЦК. Она подчинилась вновь назначенному агенту — Коппу (Сюртуку). Сотрудники экспедиции, как я уже говорил, решительно отказывались дальше работать под руководством ЦК. Я сдал отчет и наличие общепартийной кассы. Отчет мой был проверен и утверждён самим членом ЦК Носковым. В кассе денег было очень мало, так как все меньшевистские заграничные группы бойкотировали общепартийную кассу, редакция «Искры» и заграничная лига не платили за печатание их изданий. Долгов за ними накопилось около 4 тыс. франков. На соответствующую сумму мы были должны поставщикам бумаги и т. п. На всё это были представлены все необходимые оправдательные документы. Особая комиссия из Носкова, Коппа и представителя лиги Дейча проверила отчет и делопроизводство экспедиции и выдала расписку в том, что всё сдано в исправности и в полном порядке. И тем не менее через несколько дней после этого Дейч вдруг публично стал обвинять нас в том, что мы за время нашего заведования разорили всё партийное хозяйство и передали меньшевикам лишь фиктивные доходы и невероятные долги. Нам пришлось за коллективной подписью всех работников агентуры и экспедиции выступить с резким протестом в отдельном печатном листке, в котором привели выданные нам членами ЦК расписки с подписью того же Дейча.

Дейч был назначен представителем ЦК за границей вместо Ленина. Он страшно боялся, что мы будем перехватывать пожертвования, направленные в «Искру», в

пользу нашей кассы. Даже сейчас, вспоминая тогдашнюю дрязгу, становится противно на душе. На общих собраниях дело почти всегда кончалось чуть ли не дракой. На каждого вновь приезжего из России меньшевики набрасывались, начинали его накачивать всевозможными сплетнями и обвинениями против нас. Нас, в особенности Ильича, обвиняли буквально во всех смертных грехах. И странное дело, казалось, они должны были торжествовать: в их руках была теперь и газета, и транспорт, и ЦК, и все партийные средства, и Совет партии. У нас не было буквально ничего. Но нас боялись и ненавидели теперь гораздо больше, чем когда-либо раньше.

В это время многим казалось, что наша небольшая горсточка женевских большевиков окончательно разбита. Многие из более шатких заграничных большевиков сочли нужным уйти от нас. Так, например, когда на общем собрании всех большевиков в Женеве мы делали доклад о конференции «22-х», из 46 присутствующих на собрании за нас голосовало только 30 человек, 11 голосовало против и 5 воздержалось. Но зато в России число наших сторонников росло непрерывно.

Измена ЦК большевизму, его подчинение меньшевикам, кооптация в состав ЦК трёх самых злостных меньшевиков — Розанова (Мартына), Крохмаля (Фомина) и Фишера (Гальберштадта) — вызвали бурю негодования во всех большевистских организациях. В письмах из России товарищи настаивали на продолжении борьбы, на необходимости создать нам нашу большевистскую газету. Резолюция конференции «22-х» была напечатана Рижским комитетом. Им руководил в то время Литвинов. В его же руках находились и все связи по транспорту литературы. Конечно, передавая ЦК экспедицию и транспорт, мы сохранили за собой все связи. Я помню, когда Надежда Константиновна, которая вела всю переписку с Россией чуть ли не с возникновением «Искры», передавала новым агентам ЦК связи для переписки с комитетами, пришлось помочь ей отбирать наиболее верные адреса и шифры для личных связей со всеми нашими сторонниками. Конечно, этих связей и адресов мы меньшевикам не передали. Точно так же, когда Пятницкому в Берлине и Литвинову в России пришлось отдавать меньшевистскому ЦК границы, лучшие из них, наиболее надёжные, они оставили для нас.

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ЦЕНТР

Первой атакой со стороны большевиков после «Шагов» Ленина была брошюрка «Наши недоразумения» Галёрки и Рядового, т. е. Ольминского и Богданова. Книжка эта вышла, должно быть, в сентябре 1904 г. Мы хотели её выпустить как партийное издание ещё в то время, когда аппарат был в наших руках. Носков от имени ЦК конфисковал в партийной типографии обложку и запретил выпускать эту книжку. Мы выпустили её уже после разрыва с ЦК как издание авторов. Ольминский выбрал свою кличку «Галёрка» после заявления Мартова о том, что только галёрка (т. е. «партийные низы») рукоплещет Ленину. Эта книжка произвела громадное впечатление как за границей, так и в России. Написанная талантливо, остроумно, она показала партии, что Ленин далеко не один, что у большевиков имеются уже наряду с ним литераторы, которые смогут вести серьёзную газету. Дальнейшие издания наши уже выходили под фирмой Бонч-Бруевича и Ленина.

Совет партии пытался было разъяснить, что мы не имеем права пользоваться для наших изданий партийным заголовком, но, конечно, с этим разъяснением мы не считались. Наши брошюры стали выходить регулярно. Вышли Ольминского — «Долой бонапартизм», Шахова — «Борьба за съезд», Воровского (Орловского) — «Совет против партии», Ленина — «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией». В эту последнюю брошюру была помещена случайно попавшая в руки Пятницкого переписка между членом ЦК Носковым и его агентом и между ним же и меньшевиками. Эта переписка служила яркой иллюстрацией подпольного заговора ЦК и редакции против партии, грубого надувательства партии и полного подчинения ЦК меньшевикам.

Необходимо иметь в виду, что именно осенью 1904 г. стало всё более обнаруживаться, что нас разделяют с меньшевиками уже принципиальные разногласия не только по организационным, но и по тактическим вопросам. Аксельрод и Мартынов в своих статьях о начинающемся подъёме среди либералов толкали партию на чисто оппортунистический путь подчинения пролетарской борьбы либеральной оппозиции. Помню, с каким возмущением читали мы последние номера «Искры». Всё чаще и чаще поднимался вопрос о том, что дальше обходиться без газеты нельзя, что во что бы то ни стало нам нужно создать свой центр и в России и за границей, что надо идти на раскол, что если нам не удастся создать съезд всей партии, то надо созвать съезд наших большевистских организаций.

Ильич жил в деревне. Он писал «Земскую кампанию и план «Искры»», в которой разделявал в пух меньшевиков. Мы часто ездили к нему, говорили о необходимости начать издание газеты. Ильич в принципе был вполне согласен. Его останавливало одно — нет денег.

Денег у нас, действительно, не было совсем. Но вот Бончу удалось раздобыть кредит в одной французской издательской фирме на бумагу и печатание. Мне удалось убедить одну русскую студентку, получившую на поездку домой из России 100 рублей, одолжить их нам, вместо того, чтобы ехать домой. Мы были уверены, что часть газеты мы распродадим за границей и это даст нам средства для дальнейших номеров. А как только попадёт наша газета в Россию, придут деньги и оттуда.

Мы снова собрались в Женеве приблизительно в том же составе, как и на конференции «22-х». Теперь было решено наметить практический центр в России и редакцию за границей. В редакцию намечены были: Ленин, Воровский, Ольминский и Луначарский; в практический центр — Гусев, Землячка, Богданов, Литвинов и Лядов, с правом дальнейшей кооптации. Немедленно через Литвинова были извещены наши организации в России. Одна за другой собраны были конференции на юге из представителей Одесского, Николаевского, Екатеринославского комитетов и на севере (в Колпине) — из делегатов Рижского, Петербургского, Московского, Нижегородского, Северного (в состав которого входила вся центрально-промышленная область, кроме Москвы) и Тверского. На

этих конференциях все намеченные кандидаты были утверждены. Вскоре после этого наш выбор был санкционирован и конференцией четырёх кавказских комитетов (Бакинского, Тифлисского, Батумского и Имеретинско-Мингрельского). Таким образом родился первый большевистский центр, названный Бюро комитетов большинства, и первая большевистская газета, названная «Вперёд».

Ясно припоминается наше ночное заседание в Женеве, когда решался вопрос о газете. Ильич сразу преобразился, у него и следа не осталось от прежней усталости. Это был привычный нам всем неутомимый, энергичный, остроумный руководитель Ильич, который твёрдо взял в свои руки всё дело. Если не ошибаюсь, именно он предложил название «Вперёд» после целого ряда неудачных предложений с нашей стороны. Опять закипела работа в нашем доме на Rue de la Colline. Старая экспедиция снова заработала. На меня снова была возложена касса и администрация, на Бонча — издательство и экспедиция.

Ещё перед этим мы убедили Ильича проехать с докладом по колониям. Он выступал в Берне и в Париже. В Париже к его докладу приехал как раз А. В. Луначарский. Они впервые встретились тогда. Луначарский ехал из России ещё далеко не определившимся вполне. Но после короткой беседы с Ильичем уже перед самым докладом Анатолий Васильевич сразу понял всю суть спора и выступил в прениях как убеждённый ленинец, блестяще сразился и с меньшевиками и с кадетами, выступавшими против Ильича.

Ленин вернулся из этой поездки очень оживлённым, с большой зарядкой для дальнейших боёв. Теперь, когда ясно обнаружилось принципиальные разногласия в тактических вопросах, Ленин готов был идти до конца, на раскол, на полный разрыв с меньшевиками.

Эта его позиция ясно сказалась на одном из первых заседаний Бюро комитетов большинства и редакции при составлении декларации о созыве съезда. Богданов тогда верил в возможность дальнейшей работы с меньшевиками и старался найти формулу, при которой меньшевики могли бы оставаться в партии. Ильич не верил в эту возможность и поэтому советовал, не считаясь с формальностями, добиться во что бы то ни стало съезда всех большевистских

организаций с привлечением всех, даже неоформленных, рабочих партийных организаций. Пусть это будет большевистский съезд, если нельзя будет созвать общепартийный. Из членов бюро Землячка и Богданов считали необходимым действовать осторожней, не рвать окончательно с ЦК, действовать пока не открыто от имени бюро, а стараться сагитировать большинство комитетов. Мы, остальные члены бюро, в особенности Литвинов, стояли на точке зрения Ильича.

Однажды, в разгар работы по созданию газеты «Вперёд», Ильич предложил нам отпраздновать начало новой кампании. Это как раз совпало с национальным праздником женевцев — эскаладой. Женевцы в течение трёх дней празднуют уличным карнавалом освобождение Женевы от осады савоярдами. Целой гурьбой человек в двадцать во главе с Ильичем и Надеждой Константиновной отправились мы в кафе Ландольт, там основательно зарядились хорошим мюнхенским пивом. После этого всю ночь колесили по улицам Женевы, пели песни, устраивали хоры вокруг уединившихся парочек, веселились, как дети, и самым весёлым и жизнерадостным среди нас был Ильич. Он так заразительно хохотал, что невольно заражал своим смехом чопорных швейцарцев, с изумлением глядевших на наши шалости. Этот весёлый день навсегда остался в памяти его участников.

Бюро начало понемножку перебираться в Россию. Уехал Богданов, вслед за ним — Гусев. Отъезд затягивался из-за страшного безденежья. Большевики всеми силами рвались на работу в Россию. Большевики отправляли своих целыми табунами, посылая их главным образом в наши организации, а мы из-за денег должны были удерживать своих хороших работников. Надежда Константиновна бомбардировала письмами всех близких нам товарищей в России, чтобы присылали деньги. Мне пришлось с этой же целью объездить наши заграничные группы, терзать их, чтобы под разными соусами устраивали вечера, сборы и т. п. для нашего центра. Приходилось с боем выцарапывать каждую копейку.

С докладами начал выступать Луначарский. Большевики в Женеве пытались было сорвать доклад Луначарского. Во главе с Мартовым и Засулич они устроили кошачий концерт, не давали Луначарскому приступить к докладу. Но нам удалось их перекричать.

Помню, из-за денег мне раз пришлось выдержать большой бой с Бонч-Бруевичем. Как только был решён вопрос о газете, он разработал подробнейший план организации всего дела на чисто коммерческих началах: пустить чисто американскую рекламу о предстоящем выходе газеты, всюду открыть приём подписки, разослав с этой целью подписные книжки, и ещё целый ряд очень дельных предложений. С этим планом он пришёл ко мне и начал развивать картину, какие суммы начнут стекаться к нам со всех сторон. Картина действительно была увлекательная, но дело было за малым: всех наших ресурсов еле-еле хватало на оплату наборщиков за первый номер газеты. Если эти деньги затратить сейчас на рекламу и на подписные книжки, на бухгалтерию, которую Бонч предлагал сейчас же организовать, то на номер у нас не осталось бы ни гроша, и мы залезли бы в долги. Я пытался растолковать это Бончу и заявил категорически, что на всю эту затею я не дам ни гроша. Бонч, возмущённый, полетел к Ильичу с жалобой на меня. Через полчаса возвращается торжествующий:

— А что, Ильич на всё согласен, вы должны дать деньги.

Пошёл и я к Ильичу, спрашиваю, неужели в самом деле отдавать последние деньги на эту затею. Ильич хитро улыбается:

— Что вы, с ума сошли? Ведь вы кассир, вы отвечаете. Бонч пришёл ко мне, бончил, бончил целых полчаса, так сладко и картинно рассказывал, а у меня работа спешная. Я ему поддакиваю, лишь бы поскорей душу на покаяние отпустил. А вы не давайте ни копейки. Куда нам бухгалтерию и рекламу заводить, когда денег нет. Вы — хозяин, и без вас я ничего разрешить не могу.

Так и огорчил я Бонча, не дал ему ни копейки.

Наверное, в конце декабря по новому стилю было готово объявление об издании газеты «Вперёд». Я ждал только его, чтобы двинуться в Россию. Дело за границей уже наладилось настолько, что сидеть там не представлялось необходимым. Из России меня звали остальные члены бюро, надо было ускорить объезд комитетов, надо было во что бы то ни стало ускорить созыв съезда. В конце декабря, заручившись всеми явками и паролями, я отправился через Мюнхен за границу.

1905 ГОД

В Мюнхене я побывал у Михайлова (Политикус). Он решил, что будет благоразумнее, если я изменю свою внешность, так как берлинская полиция хорошо знает и ищет меня, и взялся превратить меня в яркого блондина. И, действительно, в два дня при помощи перекиси водорода я из брюнета превратился в настоящего «рыжего» из цирка. Роба получилась очень нецензурная и мало напоминала мою настоящую, в особенности когда по его же настоянию парикмахер преобразил мою шевелюру в прилизанную причёску немецкого коммивояжёра. Котелок и модное пальто окончательно сделали меня неузнаваемым. В таком виде я уже смело проехал через Берлин и направился в пограничный городок Тауроген. Там, на границе (на русской стороне), сидела старая акушерка, которая ещё со времён старой «Народной Воли» помогала сносить с контрабандистами. Хозяин немецкой гостиницы, у которого я остановился, послал к ней гонца. Но почему-то пришлось прождать два дня в ожидании возможности перехода. Тем временем из Шяуляй приехала ко мне молодая девушка, которая должна была отправить меня дальше. Её звали, если не ошибаюсь, Ириной, она была дочерью инспектора гимназии, убеждённой большевичкой. Благодаря своему общественному положению она много содействовала нашей технической группе по транспорту. Но, понятно, работа эта её не удовлетворяла, и она рвалась в большой рабочий центр на пропагандистскую работу.

Всобщее, должен сказать, что вот такие технические работники, как Ирина, как сотни других, разбросанных по нелегальным складам, подпольным типографиям, представляли из себя настоящих подвижников. Они несли громадную, ответственную работу, без которой немислима

была какая бы то ни было партийная работа. Но в то же время они не получали ни малейшего личного удовлетворения. Они иногда месяцами не видели живого человека, с которым можно было бы обменяться всем продуманным за скучной технической работой. Они урывками узнавали о бурной жизни партии. И всё-таки с каким самопожертвованием они выполняли свои скучные обязанности. Вот к такому типу настоящего крота-подпольщика, оторванного от жизни, но слепо верующего в революцию и в партию, принадлежали и эта Ирина и старуха-акушерка, с которой я через два дня познакомился. Они обе набросились на меня с требованием рассказать им все новости о нашей женеvской жизни, о расколе, о Ленине.

Переезд через границу совершился на этот раз гладко. Пришёл за мной еврей-контрабандист, взял мой чемоданчик и просто провёл меня через границу среди белого дня. Когда натолкнулись на сторожевой пост, он, ни слова не говоря, сунул часовому трёхрублевую бумажку, и мы беспрепятственно вошли в Россию. Тут же задами пробрались в квартиру акушерки. Здесь меня накормили, напоили и на фургоне со всяким барахлом отправили на одну из отдалённых от границы станций.

В Ригу я прибыл вполне благополучно. Разыскал Литвинова (Палашу), к моему удивлению, узнал, что помощником его состоит мой брат Николай Николаевич, которого я не видал уже несколько лет. Передал все поручения от Ильича. Поговорили с Папашей о всех делах бюро. Рассказал он мне подробно о Северной конференции, которую он проводил. По всем вопросам мы с ним оказались солидарными. Только я смотрел несколько оптимистичней, чем он, на наши дела. Он недостаточно, по моему мнению, оценивал наше влияние на массы и переоценивал силу меньшевиков.

В самой Риге работа кипела. Слухи о сильном возбуждении среди питерских рабочих будоражили рижских рабочих. Ряд экономических забастовок, проведённых на крупных заводах, в достаточной степени сплотил массы и показал их силу. В то время и латышские и русские рабочие (т. е. вся масса крупнозаводского пролетариата) признавали руководство нашего, сплошь большевистского комитета. Еврейские рабочие (преимущественно ремесленники и приказчики) шли за Бундом. С Бундом договориться не удавалось. Бундовцы не раз срывали массовые

выступления всех рабочих. Как раз во время моего пребывания в Риге — 5 января — была попытка устроить уличную демонстрацию против войны. Она кончилась избиванием рабочих. Несмотря на предварительный сговор, бундовцы своих на демонстрацию не позвали.

В Риге увиделся с Максимом Горьким. Он жил здесь с Андреевой, которая ушла из Художественного театра и неудачно пробовала в Риге поставить свой собственный театр. Я передал Горькому просьбу Ильича помочь нам материально и статьями. Он обещал сделать всё возможное. Он уже тогда был близок к нам.

Из газет впервые здесь услышал о Гапоне, о начавшейся в Питере под его руководством забастовке. Вначале я был уверен, что всё это движение вроде того, которое организовал провокатор-зубатовец Шаевич в Одессе. Там забастовка превратилась в пьяный погром, с одной стороны, и в сознательное рабочее движение — с другой. Кто такой Гапон? Раз он стоял во главе легального общества, ясно, что он охранник, второе издание Зубатова ¹¹. Но действительно ли вызванное им движение так велико, как об этом пишут в газетах? Тогда наплевать на Гапона, движение вырвется из его рук, пойдёт своим ходом. Справится ли с этим массовым движением наша организация, сможет ли она встать во главе массы? Вот те вопросы, которые невольно вставали при первых известиях из Питера.

Было 6 января по старому стилю, когда я смог выбраться из Риги. В Питер я приехал утром 8 января. Забастовка всеобщая, улицы пустынные, встречные как-то особенно насторожены, магазины закрыты, заколачиваются доски наружные витрины. Бегу на явку. Ни одна не действует. Иду к знакомым на квартиру. Рассказывают подробности движения, о письме Гапона министру Святополк-Мирскому, о напрасных попытках расстроить шествие, о массовых арестах среди социал-демократов. Иду разыскивать организацию. Мне раньше часто везло в этом отношении. Стоит раза два пройтись по Невскому, обязательно кого-нибудь встретишь и таким образом свяжешься помимо явки. На этот раз не везёт: никого не встретил. Иду бродить по рабочим районам. Попал на Васильевский остров, в «Отдел» гапоновский, когда уже стемнело. Народу масса, перед домом толпа. Бесперывно читается и обсуждается петиция к царю. Лица одухотворённые. Самая гуща рабочей массы здесь представлена. Глубокая

вера в правоту затеянного дела. За эту веру вся масса готова идти на смерть, на величайшие муки. Гапон для них символ, знамя их большого правого дела. Можно ли разбить эту веру, поколебать её чем бы то ни было? Нет, нельзя. Пытались отдельные товарищи выступать, говорить, обсуждать. Всё бесполезно, не дают говорить. Я тоже пробовал говорить. «Уходи, ты чужой, ты не с нами». Это море, которое вышло из берегов. Его словами, убеждением не удержишь.

У меня не было ни минуты сомнения, чем кончится вся эта история. Будет пролито очень много крови. Но у меня в то же время была полная уверенность, что эта раз про-снувшаяся масса опять заснуть не сможет. Масса эта потеряет свою веру и превратится в революционный народ. Я всем существом своим чувствовал, что действительно рождается наша революция. Как бы ни развёртывались дальше события, революция уже не замрёт. Я так и остался всю ночь в Василеостровском отделе. Вместе с массой пошёл на Дворцовую площадь. Мне казалось, что уйти сейчас от массы нельзя, надо с ней идти на эту нелепую, безумную авантюру. У меня, как и у всех, не было оружия. Я был уверен, что нас ждёт неизбежный расстрел. Но в то же время я глубоко верил в неизбежное перерождение этой мирной, верующей толпы. Я видел, что многие в толпе шли, подобно мне, не веря в благополучный исход, но шли, потому что в это время нельзя было не идти.

Для меня не было неожиданностью, когда у Дворцового моста мы встретили отряд пехоты и кавалерий. Передние встали, задние ряды продолжали двигаться вперёд в том же благоговейном настроении, когда раздался первый залп. Я наблюдал за лицами моих соседей. Ни у кого не заметил испуга, паники. Не ими сменилось благоговейное, почти молитвенное выражение лиц, а озлоблением, даже ненавистью. Это выражение ненависти, жажды мести я видел теперь буквально на всех лицах, молодых и старых, мужчин и женщин. Революция действительно родилась, и родилась она в самой гуще, самой толще рабочей массы. Достаточно было одного возгласа после залпов — и мирная толпа, только что шедшая с церковным пением, бросилась разбивать железную ограду прилегающих палисадников, вырывать из мостовой булыжники, разгромила оружейную мастерскую, чтобы вступить в кровавый бой с царскими палачами. Тут же начали строить баррикаду.

Часть толпы лавиной двинулась на Неву, чтобы по льду обойти солдат, пробраться на площадь. Я пошёл с толпой. Нас начали обстреливать с моста, но толпа шла. Когда мы добрались до Дворцовой площади, там почти всё было кончено. Навстречу бежала толпа, озлобленная, дикая, тащили убитых, раненых. Проклятья, самые грубые ругательства по отношению к царю, к офицерам доносились отовсюду. Встречных офицеров сталкивали с тротуара, избивали до смерти. Людской поток залил всю улицу. Но это уже была не мирная толпа.

К этому перерождению толпы наша партия не была готова. Не было сделано попыток сейчас же, тут же на месте организовать, направить эту пробудившуюся ненависть, родившуюся революцию. Проклиная наше бессилие, я бросился опять искать организацию. На этот раз мне повезло. Кто-то из встреченных товарищей повёл меня на заседание Петербургского комитета. Если не ошибаюсь, он заседал на этот раз в здании Художественной академии, на квартире какого-то художника.

Тут я застал всех наших членов бюро (Богданова, Землячку, Гусева) и ряд питерцев. Все делились впечатлениями о сегодняшнем дне, приходили новые товарищи, рассказывали разные эпизоды, разные случаи. Несколько товарищей писали прокламации «Ко всем рабочим», «К солдатам», «Ко всем». У многих чувствовалась растерянность, не знали, что дальше делать. О заграничных делах никто не хотел говорить, да и мне самому было не до них в этот вечер. Ждали обысков и арестов, поэтому разошлись довольно быстро.

Я забыл спросить про ночёвку, да как-то и не хотелось в такой день лезть к людям со своим личным делом. Пришлось и эту ночь провести на улице. Ночь была морозная, в центре всюду горели костры и грелись войска и полиция. Вообще город походил на военный лагерь. Я быстро пошёл на окраину и там, среди полного безлюдья, проходил эту жуткую ночь. С нетерпением ожидал открытия извозчиных чайных, чтобы хоть немного согреться и поесть. Не ел я с самого приезда в Питер, т. е. двое суток.

После этого мне ещё пять суток пришлось провести без ночлега. Все обыватели, которые раньше обычно предоставляли нам, нелегальным, место для ночлега, были настолько перепуганы, что отказывались пускать на ночёвку. Наконец, после нескольких бессонных ночей я приспособился

бился: стал садиться на последний ночной поезд Николаевской дороги, доезжал до Любани или до М. Вишеры, там пересеживался на обратный поезд и к 6—7 часам утра возвращался в Питер. Таким образом удавалось в течение нескольких часов поспать в вагоне. Только как-то выскочил я с поезда в М. Вишере и бросился к кассе за билетом, а меня жандарм останавливает:

— Вы ведь только приехали и сейчас же уезжать собираетесь?

Я притворился пьяным, говорю, провожал брата на войну, в вагоне выпили, а теперь надо на службу торопиться. Жандарм поверил и предложил за целковый устроить в спальном вагоне без билета. Я обрадовался, впервые за неделю получив возможность снять ботинки и лечь на мягкий диван.

После этого я уже не рисковал вторично попасть на глаза жандарму. Мне дали ночлег у одного таможенного чиновника. Когда мы уселись с хозяином пить чай, он внимательно посмотрел на меня и говорит:

— Что это у вас, от природы трёхцветное знамя на голове?

Я посмотрел на себя в зеркало, и, действительно, оказалось, что шевелюра моя выглядит довольно странно. Волосы основательно отросли после Мюнхена. Снизу росла чёрная подкладка, середина волос была почти белая (я подмазывал их в Риге другим составом перекиси водорода), а верхняя часть — огненно-рыжая. Пришлось купить машинку для стрижки волос, пойти в номер бани и наголо остричься.

В Питере я тогда проработал почти месяц. Работники были нужны. Петербургский комитет меня сейчас же кооптировал в свой состав. Остальные члены бюро точно так же по уши залезли в местную работу. Мне пришлось довольно часто выступать на летучках, собраниях и митингах. Ещё до моего приезда по настоянию Гусева и Землячки Петербургский комитет предъявил ЦК ультиматум с требованием дать в месячный срок ответ, намерен ли он созвать съезд. Ильич был очень недоволен этими переговорами с ЦК; он считал, что это только затягивает вопрос. Он настаивал, чтобы члены бюро действовали более решительно, объявили бы себя компетентными созвать съезд помимо ЦК. В переговорах с Литвиновым в Риге мы решили вполне поддержать в этом отношении Ильича, и вот

теперь, как только немного улеглась горячка после 9 января, мы приступили к разработке извещения о созыве съезда. 2 февраля это извещение было одобрено Петербургским комитетом. Мне с Землячкой предстояло объехать все организации с тем, чтобы организовать выборы на съезд и фактически организовать отправку делегатов.

Отъезд мой несколько задержался начавшейся кампанией в связи с выборами в комиссию Шидловского¹². Петербургский комитет и Бюро комитетов большинства развили широкую агитацию по поводу выборов в эту комиссию. Действительно, по всем крупным заводам и фабрикам кампания эта прошла под лозунгами ПК. Через несколько дней я выехал в Баку.

Я приехал в Баку в самый разгар февральской армяно-татарской резни, организованной губернатором Накашидзе. Недалеко от Баку, возле станции Баладжары, наш поезд был засыпан снегом. Несколько часов нас откапывали из-под снега. Благодаря этому в совершенно незнакомый для меня город я попал поздно ночью. Снег в Баку — явление очень редкое, а такого заноса, какой встретил меня в феврале 1905 г., никто не запомнил. Ночью пробираться на явку было очень рискованно. В городе шла непрерывная пальба, разъезжали конные патрули. Я решил попробовать остановиться в гостинице, хотя хорошего паспорта у меня не было. Но дело сошло гладко. Утром я отправился разыскивать товарища по совместной работе в Саратовском комитете — доктора Окиншевича. Он служил в промысловой больнице хирургом и, как я знал, был близок к организации.

Сильное впечатление произвели на меня впервые увиденные нефтяные промыслы. Издали они показались мне густым стройным лесом тополей. Поразил меня и многонациональный состав промысловых рабочих: мусульмане*, армяне, грузины, русские, персы. Их шумный говор в вагоне и на станциях надолго остался у меня в памяти. Я знал, что вся эта разноязычная, разноплеменная масса всего лишь несколько месяцев тому назад с удивительным единодушием провела всеобщую забастовку, поразившую всех нас своей организованностью. И вдруг на улицах Баку татары режут армян, армяне татар. Правда, на про-

* Здесь и в дальнейшем автор, говоря о мусульманах и татарах, имеет в виду азербайджанцев. — *Ред.*

мыслах было сравнительно спокойно, случаи резни и погромов были единичные, но на Сабунчинском вокзале среди разношёрстной толпы можно было наблюдать, как столкнулись друг друга рабочие — мусульмане и армяне.

Окиншевич меня скоро связал с организацией и секретарём комитета А. М. Стопани — старым моим знакомым по II съезду. Скоро собрался комитет. Вместе с членами комитета пришёл и весь актив. Помню, что это собрание, на котором я делал доклад, было многолюдное. После петербургской конспирации мне казалось несколько странным такое многолюдное собрание в центре города, в какой-то обывательской квартире. Но публика успокоила: бакинская полиция следить не умеет. Здесь, у Стопани, я встретил ряд знакомых: Бобровских, мужа и жену, я знал по загранице, Окиншевичей — по Саратову; с остальными быстро сошёлся. Большинство из них, в особенности Алёша Джапаридзе, Ваня Фиолетов, Монтин, рыжий и чёрный Георгии, были типичными профессионалами-революционерами в лучшем смысле этого слова. Все бакинцы, закалённые в борьбе с полуменьшевистской, полузубатовской организацией братьев Шендриковых¹³, были твердокаменными большевиками. Привезённое мною извещение о созыве III съезда было принято прямо-таки с энтузиазмом; никто не сомневался в необходимости как можно более быстрого созыва съезда. Помню даже предложение т. Васильева-Южина — выдвинувшегося тогда в Баку молодого талантливого агитатора: пусть Бюро комитетов большинства немедленно соберёт съезд и пусть этот съезд в целом руководит начавшейся уже революцией. После этого мне пришлось на 2—3 районных рабочих собраниях делать доклады о питерских событиях. Одно собрание, устроенное на горе за Биби-Эйбатом, было прослежено и оцеплено казаками. По нас было дано несколько залпов, но всем нам удалось благополучно скатиться по самой круче горы.

Вся рабочая, в особенности промысловая, масса, с которой мне пришлось столкнуться в эти дни, произвела на меня большое впечатление. Это была настоящая революционная масса, готовая к боям.

Тяжёлое впечатление производили в то время узенькие улочки Баку. С обеих сторон они были завалены сугробами снега, который уже начал быстро таять. Очень часто из-под снега виднелись трупы убитых. Хотя резня офици-

ально прекратилась и губернатором Накашидзе был объявлен мир (он заставлял татарских и армянских попов целоваться), но всё же нередки были случаи убийства. Помню такую сцену. На фаэтоне едет богатый, видно, армянин, его охраняют на подножках два казака с ружьями наперевес. На ходу в фаэтон вскакивает мусульманин, ударом ножа убивает армянина и сам падает от пули казака.

В Баку я застал одного из агентов ЦК, который сообщил мне, что в Москве на квартире писателя Андреева арестован почти весь состав Центрального Комитета. Уцелели случайно Красин и Любимов, и будто бы они начали склоняться к соглашению с бюро. Я сообщил об этом Ильичу, хотя сам плохо верил в возможность примирения с ЦК.

Бакинцы отсоветовали мне ехать в Тифлис и Батум, куда я предполагал вначале поехать. Они сами обещали известить тамошних большевиков, которые вели тогда отчаянную борьбу с меньшевиками за Кавказский союз. Я поехал в Одессу, здесь у нас было крепко сплочённое большевистское ядро, которое непосредственно сносилось с Женевой. Здесь уже знали о нашем извещении. Меня решили использовать для платного выступления, чтобы собрать средства для газеты «Вперёд». Под видом свадьбы было собрано большое общество, преимущественно местных либералов, и я прочёл доклад о питерских событиях и начавшейся революции. Не знаю, угодил ли я этой чуждой для меня аудитории, но помню, что денежный сбор нас вполне удовлетворил. Делал я ещё несколько докладов уже для более интересной аудитории, например в Каменоломнях и за вокзалом. Съездил ещё в Николаев, Харьков, Екатеринослав и Гомель. Одесским комитетом избран был делегатом на съезд Владимир Ильич. В Гомеле мне не повезло: пробыл весь день с утра до вечера и никого не мог поймать, все явки оказались перепутанными, так и пришлось уехать ни с чем.

В Киеве жила группа старых искровцев, теоретически сочувствовавших большевикам, но они в это время совершенно не были связаны с рабочими. В организации официально руководили меньшевики, и в то же время среди низовых работников было много большевиков. При отъезде из Женевы Ильич мне поручил обязательно повидать Кржижановского, рассказать ему подробно все перипетии

наших расхождений после ухода его из ЦК и привлечь его снова к нашей работе. Кроме того, он поручал ему во что бы то ни стало связаться с местной организацией, отколоть от меньшевиков периферийных работников и постараться, организовав параллельную меньшевистскому комитету группу, и от неё послать на съезд представителя. Ведь меньшевики не стеснялись создавать с благословения ЦК параллельные нашим большевистским комитетам группы. Отчего нам не действовать так же? Помню длинную беседу у Кржижановских. Особенно живо откликнулась на предложение Ильича Зинаида Павловна Кржижановская. В конце концов все присутствующие, а их было человек 12—15, согласились организовать группу.

Из Киева я поехал на Волгу. Тут мне надо было побывать в Саратове и в Самаре, на этом моя миссия должна была закончиться. В Саратове я застал смешанный комитет, во главе его стоял Топуридзе, участник II съезда; вначале он шёл с большевиками, а в последнюю минуту отшатнулся к меньшевикам. В Саратове он занимал странное положение. Женился на дочери миллионера, породнился таким образом с местным полицмейстером и вместе с ним издавал легальную «марксистскую» газету. В то время он входил в состав Саратовского комитета. Кое-кого из членов организации я знал ещё по прежней работе в Саратове (в 1902 г.). Здесь большинством голосов была принята резолюция за съезд. Такая же резолюция была принята и Самарским комитетом.

Проездом я побывал ещё в Москве, но здесь не задерживался. Я торопился узнать в Питере о положении вещей. За время моих странствований я совершенно оторвался и от границы и от нашего русского центра. Кажется, в Одессе я узнал о соглашении БКБ с ЦК, о том, что образован уже из состава этих двух центров Организационный комитет по созыву съезда, что вся проделанная уже нами работа по созыву съезда признана ЦК. В Питере я никого из наших не застал: все они уехали за границу. Поехал и я по уже знакомой дороге — через Шяуляй.

На этот раз для перехода через границу еврей-контрабандист дал мне паспорт пограничного жителя на право переезда через границу и пребывания в районе тридцати вёрст за границей. Каково же было моё удивление, когда я в паспорте прочёл, что владелец его — девица 17 лет от

роду! Я набросился на контрабандиста с упрёками, что он смеётся надо мной. Но он невозмутимо ответил:

— Разве они посмотрят на паспорт? Они будут считать только карбованцы, которые я им передам.

Вместе со мной отправлялась целая группа молодых людей, очевидно дезертиров. У всех у них были на руках такие же паспорта. Всех нас втиснули в знаменитую еврейскую колымагу, так называемую балагулу. Действительно, когда мы подъехали к таможенной заставе, чиновник, не глядя, отобрал у всех нас паспорта, пересчитал, сколько нас едет, вслед за ним пошёл в контору и наш возница, там произошёл довольно крупный разговор, некоторое время шла торговля. Возница вернулся и грустно заявил, что с него содрали по полтиннику с брата дорожке, чем обыкновенно. Паспортов он нам, конечно, не возвратил: они пригодятся для следующего транспорта. Высадил он нас у харчевни на немецкой стороне, а оттуда мы поплелись поодиночке в город.

Здесь надо было остерегаться, чтобы не попасть на глаза немецким жандармам. Они усиленно ловили русских эмигрантов (в особенности тех, кто походил на старающихся попасть в Америку), насильно отправляли их в баню, дезинфицировали их и затем заставляли покупать билет в Америку обязательно через гамбургскую линию. Это была сделка жандармов с компанией «Германский Ллойд», наживавшей колоссальные деньги на перевозке русских эмигрантов в Америку. Нежелавших покупать пароходный билет отправляли обратно в Россию. Но та и другая перспектива была очень нежелательна для меня. В пограничном городке я зашёл только в приличную пивную, где узнал расписание поездов, чтобы двинуться через Париж в Лондон. Отправляясь из Питера, я постарался снова принять вид немецкого приказчика. Теперь, глядя, как я с чувством попиваю хорошее немецкое пиво, курю плохую немецкую сигару и читаю архибуржуазную немецкую газету, ни один из прусских жандармов не заподозрил во мне русского и не поинтересовался справиться о моём паспорте.

III СЪЕЗД

В Берлине я узнал, что значительное количество делегатов проехало по нашим явкам в Лондон, но часть делегатов вместо Лондона направилась в Женеву. Большевики по дороге перехватывали делегатов и рекомендовали им предварительно заезжать в Женеву для того, чтобы «лучше ориентироваться» в спорных вопросах. Но соблазнить им удалось очень немногих, главным образом уже заядлых меньшевиков. В Лондоне я направился в уже знакомую мне по второму съезду квартиру Алексеева, эмигранта-большевика, уже давно живущего там. В двух маленьких комнатках его квартиры было настоящее столпотворение вавилонское. Часть делегатов тут же на полу устроилась до прискания квартиры со всем своим багажом. Все наперебой рассказывали о своих дорожных приключениях. Среди делегатов ходил Ильич. Внимательно всматривался в каждое новое лицо, расспрашивал, знакомился, как бы впитывал в себя всё то, что делегаты привезли с собой с местной работы. Большинство делегатов впервые попало за границу. Они действительно были настоящими представителями с мест.

Когда я показался в «Алексеевском вертепе» (так прозвали мы эту квартиру), Ильич отозвал меня в сторону и заставил подробно рассказать все впечатления о поездке и в свою очередь рассказал про последние переговоры с меньшевистским Советом, которые сейчас ведутся в Женеве Красиным и Любимовым. Ильич не рассчитывал, что переговоры эти приведут к благоприятному результату. Очевидно было, что меньшевики ни на какие переговоры не пойдут, они хотят сорвать съезд. По имеющимся сведениям, приехали уже за границу почти все делегаты, имеющие право на решающий голос. Из них только несколько человек им удалось сманить в Женеву. Из наличных большинство как будто бы твёрдые ребята, только двое не-

много колеблются, не вполне ещё определились. Надо с ними специально подзаняться.

Меня очень интересовало мнение Ильича, можно ли вполне довериться цекистам Красину и Любимову, не удастся ли опять Плеханову переубедить их. Ильич ответил, что как будто опасаться этого сейчас не приходится, уж очень они обозлены поведением меньшевиков, но, во всяком случае, надо быть начеку, и не мешает в прениях по докладу ЦК дать им хорошую трёпку.

Несколько дней мы провели в ожидании приезда из Женевы цекистов. Тем временем все делегаты знакомились с заграничной литературой, обсуждали отдельные вопросы порядка дня. Создалась хорошая, чисто товарищеская атмосфера. По вечерам собирались в немецком кабаке, который мы полюбили ещё со II съезда. Там в подвале частенько за кружкой пива велась самая непринуждённая товарищеская беседа, не раз пели мы хором русские песни и слушали хорошее пение Гусева. Те товарищи, которые впервые познакомились с Ильичем, прямо влюбились в него. Как часто слышались позгласы после задушевной беседы: «Да, с таким вождём не пропадём, он сумеет сколотить партию». Надежда Константиновна тоже брала всех на исповедь, старалась выжать всякие адреса, устанавливала с каждым личный шифр и личную связь. В свободное время знакомились с городом. Ильич показывал делегатам наиболее интересные места. Он был отменным гидом, очень хорошо знал Лондон.

Наконец, приехали Красин и Любимов. Зато два сомнительных делегата, на которых указывал Ильич, вдруг заявили, что, так как Совет партии против съезда, они считают нужным уехать со съезда, и отправились в Женеву. Оказалось, что меньшевики нарочно подослали их к нам, чтобы изнутри разложить съезд. Один из них — делегат Смоленской организации — вёл себя, как настоящий лазутчик во враждебном лагере. Притворялся большевиком и в то же время проявлял всюду скептическое отношение к правомерности съезда. Увидев, что ничего поделать не могут, они вдруг уехали. Оба после оказались на женевской меньшевистской конференции.

Я не буду останавливаться на работе нашего съезда, о нём уже в достаточной степени писалось. Я только хотел отметить, что именно в ходе работы этого съезда происходила окончательная закалка большевистской идеологии.

И что самое важное, эта закалка создавалась действительно коллективным путём. Пожалуй, III съезд наш был одним из наиболее активных съездов. Каждый делегат высказывался чуть ли не по всем вопросам. Ещё недавно меньшевики глумились над нами, что большевики — это стадо «безмолвных баранов», которые слепо идут за Лениным, единственным своим вождём. На III съезде уже ясно наметилась сильная группа теоретиков и не менее сильная группа практиков, которые на деле показали, что они могут руководить движением.

Приходится страшно жалеть, что на съезде не было стенографисток. Сколько чрезвычайно важных речей Ильича совершенно пропало из-за этого. Протоколы велись следующим образом. Ежедневно двое делегатов съезда по очереди должны были протоколировать прения. Каждый выступающий оратор должен был представлять в секретариат подробный конспект произнесённой им речи. Ленин на съезде вёл всю громадную работу не только на официальных заседаниях, но и во всех комиссиях, в частных совещаниях с отдельными делегатами, наконец, в беседах. Протоколистам приходилось по нескольку раз напоминать ему о необходимости сдать конспект своей речи. Засесть вплотную за конспект Ильичу никогда не удавалось, он обычно на лету записывал несколько важнейших высказанных им положений. С каким затаённым вниманием слушали мы, делегаты съезда, его блестящие, иногда двухчасовые речи, а изложены они сухо, на двух-трёх страничках.

Когда съезд закончился, делегаты разъезжались с сознанием, что мы действительно теперь имеем партию, имеем руководящий центр, который даст нам возможность не на словах, а на деле руководить нашей развёртывающейся революцией. Когда выбирался наш ЦК, к каждой кандидатуре относились более чем осторожно. Все они тщательно и всесторонне взвешивались.

Группа товарищей выдвинула кандидатуру Землячки и мою. Я решительно высказывался против нас обоих. Я говорил:

— Мы можем быть хорошими агентами, но в вожди мы не годимся.

Ильич шутя заявил мне:

— Да, действительно, нет в вас ничего генеральского, а это необходимо для члена ЦК.

Съезд закончился, мы разъехались по местам. Я опять получил задание от ЦК в качестве его агента объехать комитеты с извещением о съезде. Попутно я должен был сделать доклад о работах съезда и о нашем оформившемся расколе в ряде заграничных городов. Помнится, мне пришлось в шестнадцати заграничных городах делать один и тот же доклад. Это была скучнейшая штука, от которой я старался отделаться как можно скорее. Обычно я приезжал утром в какой-нибудь город, делал доклад, заранее предупредив о собрании, и в ту же ночь уезжал дальше. Последний мой доклад был в Мюнхене. Я торопился как можно скорей попасть в Россию и сейчас же, как только кончил с заграничным турне, выехал через австрийскую границу. На этот раз при переходе границы пришлось довольно туго. Несколько раз попадали под обстрел. Пришлось проползать мимо постов. Но в конце концов всё сошло благополучно, и я попал на Волочисск, а оттуда — в Киев.

ЛЕТОМ 1905 г. В РОССИИ

Я был за границей, когда пришла весть о потёмкинском восстании. Меньшевики сильно гордились тем обстоятельством, что ближайшее участие в этом восстании принимала меньшевистская организация. «Вы, большевики, очень много говорите о вооружённом восстании, а мы, меньшевики, их делаем». Это, конечно, была пустая болтовня. Менее всего меньшевистская организация была повинна в потёмкинском и в каком-либо другом восстании. Я говорю о меньшевистских организациях, а не об отдельных меньшевиках, в особенности из рабочих.

В этот раз мне удалось объехать почти весь юг, всё Поволжье и Московский район, побывал я и в Петербурге. Я смело утверждаю, что масса рабочих-меньшевиков ничем не отличалась от рабочих-большевиков и не имела ничего общего с интеллигентскими руководителями меньшевиков. Очень часто меньшевистский комитет выносил единогласно самую злобную резолюцию против решений III съезда, а рабочие массы в сфере деятельности этого комитета на деле проводили решения нашего съезда. Всюду, где бы мне ни приходилось бывать во время этого объезда, рабочие усиленно готовились к вооружённому восстанию и фактически уже начинали партизанскую вооружённую борьбу с правительством. Чисто заговорщический террор отдельных интеллигентов-эсеров летом 1905 г. превратился в массовую, чисто пролетарскую партизанскую войну против всяких представителей государственной власти. Убийства жандармов, полицейских, губернаторов, провокаторов стали повседневным явлением. Очень часто эти убийства совершались помимо какой бы то ни было организации, задумывались и приводились в исполнение отдельными группами рабочих, а иногда под

влиянием рабочих — и отдельными группами крестьян. Почти повсюду создавались боевые дружины, делались почти открыто сборы на приобретение оружия, завязывались широкие связи с войсками.

В целом ряде мест мне пришлось близко столкнуться с боевыми организациями. Они несли большую работу по охране митингов, по предупреждению погромов, по преследованию сыщиков. Помню, например, в Самару я попал накануне какого-то большого праздника. В этот день был митинг в саду. Его хотели разогнать, но это не удалось благодаря вмешательству дружинников. Дружина была очень хорошо организована, разделялась на десятки. Вечером всем дружинникам сообщили, что наутро по случаю праздника ожидается устройство погрома черносотенной организацией. Вся дружина была немедленно мобилизована. В числе десятков была и интеллигентская десятка, в которую входили близкие к партии врачи, юристы и т. п. Когда ночью мне пришлось с боевым организатором обходить штабы, всё было в порядке, кроме интеллигентского десятка; эти дружинники посидели часок, затем, оставив свои телефоны, разошлись по домам. Рабочие-дружинники, наоборот, сидели всю ночь в полной боевой готовности. Утром во время начавшегося в какой-то лавочке пожара началась усиленная антисемитская агитация среди крестьян, съехавшихся на базар. Немедленно появились два десятка рабочих-дружинников и вскоре пресекли готовящийся погром.

В Саратове во время митинга на Зелёном острове многие рабочие явились вооружёнными и здесь на острове упражнялись в стрельбе. В Москве, Нижнем, Костроме, Екатеринославе, Брянске, Одессе и Николаеве точно так же я находил уже вполне готовые боевые дружины.

✓ На боевую работу нашей партии вообще было обращено большое внимание. Наш новый ЦК организовал «Боевую техническую группу», которая готовила бомбы и ввозила оружие через Финляндию. Помню, Литвинов специально заказывал браунинги в Льеже. Затем вместе с эсерами нам удалось в Швейцарии закупить очень дешево довольно большую партию винтовок и патронов швейцарской милиции, которая должна была перевооружаться винтовками нового образца. Это оружие должно было быть перевезено на английском пароходе к финлянд-

ским берегам. В организации этого дела принимали участие Азеф и Гапон. Понятно поэтому, что правительство узнало об этом транспорте. Чтобы пароход не попал в руки правительства, его взорвали недалеко от берега. Всё оружие, за исключением нескольких десятков винтовок, выловленных рыбаками, погибло в море¹⁴.

В Баку я попал опять в августе 1905 г., как и в первый раз, в самый разгар татаро-армянской резни. В противоположность февральскому погрому на этот раз им был охвачен не только город, но и все промыслы. Когда я приехал, промыслы представляли собой жуткую картину. Они горели со всех сторон. Толпы разъярённых мусульман мешали тушить пожар. Всюду раздавались взрывы. Это разрывались резервуары с нефтью. Горящая нефть потоком лилась по улицам. Всё уцелевшее армянское население промыслов собралось в больнице, которая благодаря каменной ограде представляла из себя настоящую крепость. Несколько раз делались попытки поджечь больницу. Больница охранялась вооружёнными дружинниками — рабочими, среди которых преобладали русские рабочие, но были и армяне и татары. Дружинники татарской социал-демократической организации «Гуммет»¹⁵ принимали вместе с русскими дружинниками самое активное участие в борьбе с погромщиками. Но в общем организация была чересчур слаба, чтобы оказать действительное сопротивление погрому. К несчастью, как раз перед погромом наша организация была крайне ослаблена арестами в связи с попыткой организовать всеобщую забастовку, сорванную шендрикковцами.

В связи с пожаром на промыслах началась сильная безработица. Этим обстоятельством воспользовались меньшевики (шендрикковцы) и в союзе с явно черносотенной организацией, возглавляемой Петровым, повели усиленную агитацию среди рабочих за прекращение борьбы против нефтепромышленников. Они добивались выбора делегатов от рабочих для участия на съезде нефтепромышленников.

Мне сразу пришлось окунуться во все эти дела. На заседании комитета было решено созвать широкую межрайонную конференцию. Мы сначала попробовали собраться на горе «Стенька Разин». Но там нас быстро накрыли, и пришлось разбежаться. Кое-кому здорово досталось при этом от казачьих нагаек. Тогда было решено

собраться на Баиловской электростанции. Там машинистом служил Аллилуев, он взялся устроить это собрание ¹⁶. Станция расположена на мысу, окружена с трёх сторон морем. Собралось более 100 человек. Здесь был весь комитет и наиболее активная часть рабочих со всех районов. Я начал доклад о III съезде и в конце должен был затронуть злободневный вопрос о посылке делегатов на съезд нефтепромышленников. Но приблизительно через час прибежали патрульные и заявили, что на нас движется целое войско: пехота и казаки. Выбежать можно было только навстречу солдатам. Они, конечно, расстреляли бы нас. Часть товарищей разбежалась по мастерским и рабочим казармам тут же на станции. Аллилуев тащил и меня в мастерскую, но я задержался, стараясь разубедить нескольких молодых товарищей, во что бы то ни стало желавших оказать солдатам вооружённое сопротивление. Это было бы безумием. У нас имелся какой-нибудь десяток револьверов, а на нас шли не меньше роты солдат и полусотня казаков, затем масса полицейских и жандармов. Мне с большим трудом удалось уговорить товарищей бросить оружие, и только что это было сделано, как с ружьями наперевес влетели солдаты, полицейские и жандармы. Против каждого из нас стояло не менее двух человек вооружённых. Начался обыск и допрос всех присутствующих. Всего нас осталось и было арестовано 67 человек, в том числе 7—8 женщин. Мы тут же заявили, что никаких показаний давать не намерены. Записали нас по тем документам, которые находились при нас. Я числился чертёжником Устиновым. Вместе со мною попали тогда Алёша Джапаридзе, Л. Н. Бархатова, Аллилуев и др. В Баку было тогда объявлено военное положение, и кое-кому из нас, наверное, пришлось бы очень туго, если бы мы были узнаны.

Нас окружили густой цепью солдат и казаков и повели в город. Улица была полна рабочих, они очень сочувственно приветствовали нас. Мы нарочно поставили впереди всех одного очень высокого товарища в красной рубахе. Он изображал из себя наше знамя. Солдатам, когда они шли нас арестовывать, заявили, что им придётся брать очень важных преступников, которые, наверное, будут оказывать сопротивление. Когда мы теперь шли, весело переговариваясь друг с другом и распевая песни, солдаты начали расспрашивать, кто мы такие, и очень

удивились, узнав, что всё наше преступление состоит в том, что мы являемся членами рабочей партии. Нас начали водить по всем бакинским тюрьмам и полицейским участкам. Все они оказались переполненными, и нигде не соглашались принять такую большую компанию. Нам пришлось на ночь разместиться на площади. Конвоиры наши вместе с нами ругательски ругали начальство. Арестовать людей арестовали, а разместить не знают где. Собрали у кого сколько было грошей, послали одного из солдат закупить хлеба и закусок. Конечно, по-товарищески поделились с конвоирами. Солдаты — те сразу согласились разделить с нами трапезу. Казаки сначала как будто стеснялись, но затем размякли и они. В результате получилась довольно забавная картина: мы все, арестанты и солдаты, перемешались и дружелюбно беседовали о войне, о крестьянском движении, о забастовках рабочих. Как-то не приходило никому из нас в голову воспользоваться этим положением и попробовать улизнуть. Возможно, что кое-кто из конвоиров посмотрел бы на это сквозь пальцы.

В конце концов пришло начальство, и нас повели в специально нанятый для нас частный дом в Орловском, кажется, переулке на Шемахинке. Нам, арестованным, в этом доме отвели весь полуподвальный этаж, в котором все окна оказались заделанными решётками. Над нами была частная квартира, а на третьем этаже была размещена полурота солдат, которая должна была нас охранять, и поместился специально назначенный смотритель тюрьмы. Как только мы попали в помещение (совершенно пустое, без малейшего признака мебели), мы с Алёшей бросились прежде всего знакомиться с топографией помещения. Я обратил внимание на то, что в одной из комнат имеется окно во второй этаж. Если вырезать стекло, можно через второй этаж пробраться на волю. Надо через товарищей узнать, кто там живёт, и наладить побег. Алёша решил попробовать сейчас же. Маленьким кинжалом, который был спрятан у него, он быстро вырезал люк и полез на второй этаж. Там оказалась кухня. Кухарка увидела, что лезет снизу человек в папахе, и заорала караул; поднялась тревога. Люк был заделан, и в кухне поставлен постоянный часовой. Первая попытка побега не удалась.

Так как в тюрьму попала почти вся конференция, то мы решили продолжить и мой доклад и дальнейшее об-

суждение порядка дня. В два дня довели конференцию до конца и, воспользовавшись первым удобным случаем, отправили принятые резолюции и корреспонденции в наш центральный орган «Пролетарий».

В дальнейшем решили использовать время наиболее продуктивно. Публика разбилась на несколько групп, и мы установили правильные групповые занятия по политграмоте, а по вечерам обычно устраивались общие доклады и лекции. Очень скоро и в кружковых занятиях и в слушании лекций самое активное участие начали принимать солдаты, охранявшие нас. Большею частью это были призванные из запаса бородачи-крестьяне. Они с озлоблением говорили и о войне и о правительстве, их очень легко и быстро удалось распропагандировать. Очень часто к нашим окнам стали подходить с воли знакомые рабочие. Наружные часовые и не думали мешать нам с ними разговаривать. Наконец, под нашими окнами стали собираться целые митинги, и мы из окна зажаривали самые революционные речи. Одним словом, в тюрьме мы пользовались неограниченной свободой слова и собраний. С волей мы очень скоро установили непосредственную связь, так что оставшиеся на воле и приехавшие из Тифлиса товарищи поручали нам писать прокламации, резолюции и т. д.

Очень скоро у наших ворот появились Степан Шаумян, Миха Цхакая и Окиншевич. Шаумян нам сообщил, что они готовят нам побег. Мы должны добиться разрешения отвести нас в баню, а там, в бане, всё будет подготовлено для побега. В первую очередь предполагали организовать побег Алёши Джапаридзе, Нико Сакварелидзе и мой. Все мы трое были на виду. Если нас узнают, то нам не миновать военно-полевого суда и виселицы. Мы начали шуметь и требовать прихода полицмейстера. Испуганный смотритель полетел сам добиваться прихода начальства. Пришёл полицмейстер с целой свитой полицейских чинов. Мы их обступили и начали жаловаться на невероятные условия жизни в тюрьме: спим на голом земляном полу, нет никакой посуды, питаемся одним хлебом, потому что негде приготовить пищу; все мы уже несколько времени не мылись. Орала мы все основательно, в особенности наседали на начальство наш староста Аллилуев. Во время этой перебранки я вижу, как один из помощников пристава, сопровождавших полицмейстера,

упорно вертит за спиной какую-то бумажку. Я подмигнул Алёше, тот подошёл к нему и спокойно взял эту бумажку. Оказывается, полицейский был своим человеком и принёс нам письма с воли. В конце концов мы добились бани. Но, увы, нас повели не в ту баню, куда обычно водят арестантов и где ребята подготовили побег. Повели нас в другую баню, откуда бежать не удалось.

Тем временем жандармское управление делало попытки вызывать нас на допрос. У них был список, составленный при аресте. Но в тюрьму нас привели скопом. И когда вызывали по фамилиям на допрос, никто не выходил, не откликался на эту фамилию. То же самое проделывали мы и при поверках смотрителем.

— Какое вам дело,— говорили мы ему,— как кого зовут, приняли вы нас чохом, ну и считайте, все ли мы тут.

Как ни бились с нами, мы от нашей тактики не отказывались. Пробовали силком вытаскивать из кучи того либо иного товарища и увозить его на допрос. Большинство и тут не уступало. Были, правда, отдельные более слабые ребята, как, например, будущий вождь бакинских меньшевиков Айолла, который на допросе расплакался со страху. Но это были единицы. Остальные упорно молчали.

Но в городе всё чаще болтали о том, что среди арестованных сидят видные партийные работники, что попался весь комитет, и в том числе представитель ЦК. Конечно, эти слухи доходили и до жандармов, как, наверное, доходили до них слухи о том, как мы проводили время в тюрьме. Надо было во что бы то ни стало бежать.

Наконец, нам сообщили с воли, что нас троих решили сменить, что уже есть охотники сесть на наше место. Необходимо было ближе познакомиться со смотрителем. Они с воли тоже нашли к нему подход. Конечно, нам нельзя было посвятить всех товарищей в затеваемую авантюру. В курсе дел были только кандидаты на побег и наш староста Аллилуев. Аллилуев начал первый знакомиться со смотрителем. Он оказался известным на промыслах бывшим околодочным, прославившимся взятками. Несмотря на то, что смотритель был правоверным мусульманином, он очень любил выпить. Аллилуев предложил ему распить бутылочку-другую вина. Тот охотно согласился, но пред-

ложил распить не в помещении тюрьмы, а у себя на квартире. Вдвоём с Аллилуевым мы пробрались на третий этаж, в квартиру смотрителя, и просидели всю ночь с ним и его женой. Нам пришлось несколько вечеров подряд повторить эту выпивку. Конечно, товарищи стали замечать наши отлучки, и большинство непосвящённых уже начало поговаривать между собой о том, что мы ведём себя неладно.

Очень скоро мы поставили перед смотрителем вопрос ребром, что вот несколько ребят, ни в чём не повинных, попало сюда случайно, конечно, это скоро обнаружится и их выпустят, но тем временем они могут потерять место. Имеются-де охотники заменить их. А ведь смотрителю всё равно, кто сидит у него, лишь бы число сидящих не уменьшилось. Одновременно такая же обработка велась и с воли, через одного инженера. Скоро смотритель поддался, и мы сторговались провести смену по 100 рублей с человека. На воле действительно нашли троих, которые соглашались посидеть за нас. Все трое были людьми легальными, и им грозила лишь опасность просидеть от месяца до трёх за участие в незаконном собрании. В частности, меня должен был сменить хороший партийный товарищ — рабочий Лифаст, по кличке Святой. Мы уже окончательно договорились со смотрителем о том, как и в какой день должна была произойти смена, как вдруг смотритель узнал, что жандармы решили нас, т. е. часть сидящих, отправить в Карскую крепость. Он сразу заартачился, пришлось снова уламывать его, набавить по 50 рублей с человека.

В назначенный день помогавший нам инженер приехал к смотрителю на квартиру со Святым. В этот же час и мы с Аллилуевым пробрались к нему по внутренней лестнице. Смотритель ещё заранее сообщил всем солдатам, что у него будет выпивка с друзьями. У него на квартире мы со Святым обменялись одеждой, и сам смотритель подстриг мою здорово запущенную шевелюру. Затем Аллилуев и Святой пробрались обратно в тюрьму, а я с инженером в сопровождении смотрителя, когда окончательно стемнело, вышли на улицу. Пришлось ещё перед часовым проделать трогательную сцену прощанья с этой полицейской дрянью. Через минуту я был свободен после трёхнедельного тюремного заключения и быстро направился в назначенную квартиру, где меня ждали товарищи. Через

несколько дней после меня таким же образом бежал Алёша, а за ним — и Нико. Наши сменщики просидели до 17 октября.

Мы, правда, в тюрьме получали регулярно, конечно тайным образом, газеты и знали через товарищей обо всём, что делается на свете, но тем не менее, когда я очутился в довольно уютной квартире и увидел здесь Степана Шаумяна и Окиншевича, я накинулся на них с расспросами. Поезд в Москву отходил в час ночи, билет и паспорт были уже готовы, меня переодели, снабдили необходимым багажом на дорогу, и я поехал в Москву. Там уже начали развёртываться крупные события.

ОКТЯБРЬСКАЯ ЗАБАСТОВКА 1905 г.

Итак, я ехал в скором поезде в Москву. По дороге среди пассажиров наблюдалось тревожное настроение. Навстречу ползли слухи о том, что надвигается забастовка. Подъезжая к каждой большой станции, пассажиры выбегали из вагонов и тревожно спрашивались, пойдёт ли поезд дальше, не застрянем ли мы. Особенно сильно тревожился мой сосед по купе, отставной артиллерийский генерал. Он корчил из себя отчаянного либерала, ругательски ругал царя, бюрократию, но не мог понять двух вещей. Во-первых, почему, воюя с царём, рабочие нарушают интересы частных лиц. Он очень сочувствует рабочему движению, но почему же он должен из-за забастовки пострадать и не попасть в Москву, где его ждёт семья. Ведь это несправедливо! Второе, чего никак не мог понять генерал, — это для чего революционерам понадобилось женское равноправие. Дать женщине права, говорил он, — это идти против всех законов природы.

На станции Грязи железнодорожная бригада нам решительно заявила, что дальше Козлова нас не повезут. Действительно, не доезжая нескольких вёрст до Козлова, поезд остановился на запасном пути. Пассажиры нагрузились багажом и пешком двинулись на станцию. Генерал категорически заявил, что пойдёт сейчас же в стачечный комитет и заявит решительный протест. Я тоже пошёл разыскивать стачечный комитет в надежде найти там товарищей и добиться разрешения поехать в Москву с делегатским паровозом. Я нашёл комитет в громадном помещении паровозного депо. Там шёл непрерывный митинг. Собрались все рабочие. Сообщались сведения о ходе забастовки по линиям железных дорог. К великой радости узнал, что забастовка становится всеобщей. Здесь же на

митинге решались хозяйственные дела города. Власти фактически отсутствовали. Всею жизнью в городе управлял рабочий митинг. К этому митингу вздумал обратиться и мой генерал. Он с места в карьер начал ругаться. Его, конечно, подняли на смех. Я разыскал руководителей стачечного комитета. К моему удивлению, все они называли себя эсерами и были высшими железнодорожными служащими. Я рассказал им, что я агент ЦК нашей партии, бежал из тюрьмы, что, конечно, очень сочувствую забастовке, но у меня очень важные и срочные партийные поручения и поэтому очень прошу их разрешить мне поехать в Москву на паровозе, с которым должны поехать делегаты. Мне решительно отказали. Я просил тогда дать мне какую-нибудь работу в стачечном комитете, чтобы не сидеть в такое важное время сложа руки, и связать меня с нашей местной партийной организацией. И в этом мне было отказано. Волей-неволей пришлось примириться с вынужденным бездельем. Правда, я каждый день по нескольку раз выступал на митинге. Но, конечно, это не могло удовлетворить меня.

Мой генерал сначала очень суетился, бегал к начальству. В Козлове как раз застрял вице-губернатор Богданович. Генерал посетил и его и вернулся крайне возмущённым.

— Этот идиот, — говорил он, — рассчитывает, что откуда-то приедут казаки и освободят его и расправятся с рабочими.

Так прошло пять дней. Я уже собирался идти в Москву пешком. Вдруг подходит ко мне с самым решительным видом генерал и шепчет:

— Знаете, я решил украсть поезд и уехать; я умею обращаться с машиной, если хотите быть моим кочегаром, то едем вместе.

Я ответил, что соглашусь только в том случае, если мы обойдёмся без железнодорожных служащих, чтобы не нарушать их забастовки. Генерал ответил, что он сам не хочет идти против забастовки. Я, конечно, не особенно доверял ему и счёл своим долгом предупредить стачечный комитет о генеральской затее. Там только посмеялись: куда, мол, не уедет. Ночью, часа в два, мы отправились с генералом в депо, разогрели паровоз, подъехали на нём к поезду и, не предупреждая никого из пассажиров, без свистков и сигналов двинули поезд. Перепуганные пас-

сажиры, как горох, посыпались из вагонов. В поезде ночевали пассажиры, едущие как в Москву, так и из Москвы. Мы заявили, что берём всех, кто хочет в Москву, с условием, чтобы каждый вагон выбрал старосту и чтобы все пассажиры обещались в пути грузить топливо и добывать воду для паровоза. Ни одного железнодорожника не было на станции. Мы тронулись в путь. Сначала по ошибке двинулись по дороге на Тамбов, но во-время спохватились и отыскивали московский путь. Дорога была нелёгкая. Ехали наугад, не зная, как поставлены стрелки. Ни одного сторожа не встречали на пути.

В Рязске нас встретили начальник станции и жандармский полковник. Последний очень обрадовался, увидев генерала на паровозе. Уверен был, что тот везёт военную силу, которая справится с бунтовщиками. Генерал накричал на жандарма, обозвал его идиотом и отправил к чёрту начальника станции, который предложил отправить поезд. «Без вас приехали, без вас уедем». Мы запаслись топливом и водой и двинулись дальше. Признаюсь, я оказался очень плохим кочегаром. Несколько раз паровоз останавливался на подъёме: не хватало пару. В Рязани нам пришлось сменить паровоз: наш мы привели в полную негодность. Смену мы произвели силами пассажиров.

Я не помню сейчас, сколько времени мы были в дороге, но что-то не меньше двух суток. Наконец, показалась Москва. Встретила она нас далеко не гостеприимно. Нас там тоже приняли за прорвавшийся военный эшелон. Железнодорожные дружинники встретили нас залпом. Я выскочил им навстречу. Нашлись среди них знакомые, я их успокоил, что в поезде нет ни одного вооружённого, что генерал безобидный старикашка, и нас впустили. Здесь я сразу узнал адрес нашего комитета.

Через час я уже был в Техническом училище¹⁷, где заседал наш комитет, расцеловался с Маратом (Шанцером) и другими комитетчиками.

Это было 26 (13) октября 1905 г. Стачка в Москве была в полном разгаре. Во всех аудиториях Технического училища и других учебных заведений шли непрерывные митинги. Все комитетчики потеряли уже окончательно голос. Мне, как свежему человеку, дали сразу кучу нарядов. Я с радостью принялся за их выполнение. На ночном заседании комитета меня кооптировали в члены комитета.

Началась весёлая, бодрая работа в самом центре широко развёртывающихся событий. Я сразу почувствовал себя нужным винтиком в громадном маховом колесе, которое с каждым новым оборотом приближает окончательную развязку.

Всю работу Московской организации направлял Виргилий Леонтьевич Шандер, по кличке Марат. Это был старый революционер, не раз до того бывавший в тюрьмах и ссылках. Он совершенно не умел заботиться о себе, о своей семье. Всякий, кому приходилось с ним сталкиваться, не мог не любить его. Председательствуя на собраниях, он никогда не подавлял своим авторитетом, наоборот, всячески вызывал инициативу остальных. Под его руководством было весело и хорошо работать. Он с одинаковым вниманием относился и к видным партийным работникам, и к рабочему, и к студенту, выполняющему обязанности курьера.

Состав Московской организации подобрался очень спешившийся. Помню, наши заседания проходили деловито, без излишней болтовни. При комитете был вполне налаженный аппарат, составленный главным образом из студентов и курсисток, которые взяли на себя всю техническую работу: курьеров, переписчиков, регистраторов, заявок на агитаторов и пропагандистов. Правильно налажена была работа штабов, как центрального, так и районных. Связь с массами на каждом предприятии была полная. Хотя официально ещё не существовал Совет рабочих депутатов, но в ходе забастовки на каждом предприятии создавался свой коллектив, состоящий из делегатов отдельных цехов, мастерских и т. п. Вот с этим-то фабрично-заводским коллективом были теснейшим образом связаны наши районные комитеты. Через них быстро проводилась в жизнь каждая директива комитета, и, наоборот, у них комитет осведомлялся о настроении масс.

Комитет вёл тогда громадную агитационно-пропагандистскую работу, охватившую самую гущу массы. Шли непрерывные митинги по аудиториям всех учебных заведений. Одна толпа уходила из аудитории, ей навстречу шла новая толпа. Оратор, кончив в одной аудитории, бежал в другую. Такую картину я уже застал 13 октября, когда приехал в Москву, и с каждым днём эта работа в массах всё более и более усиливалась. Наряду с нами

выступали и меньшевики и эсеры. Меньшевики в своих выступлениях в это время подлаживались под наш тон. С ними приходилось редко спорить. С эсерами же спорить приходилось постоянно. Демагогический подход эсеровских ораторов к крестьянскому вопросу очень часто увлекал полукрестьянскую аудиторию, если не было равносильного оратора с нашей стороны. В общем, конечно, масса слушателей ещё плохо разбиралась в речах революционных ораторов, одинаково хлопая и нашему и эсеровскому оратору. Но зато та же совершенно неподготовленная аудитория очень чутко разбиралась при попытках выступлений какого-нибудь либерала или правого. Кадеты очень скоро отказались от попыток выступить перед массой, им буквально не давали говорить.

Необходимо отметить ещё следующее явление, ярко бросавшееся в глаза в октябрьские дни. Всюду на местах наши партийные рабочие сразу выдвинулись в качестве руководителей массы. Когда нужно было выбирать в районные Советы, в стачечные заводские или фабричные комитеты, вообще в делегаты куда бы то ни было, наши партийные рабочие выбирались, именно как наиболее активные, наиболее выделившиеся в качестве руководителей за весь предыдущий период бурного стачечного движения. Было ясно, что Московская организация в октябрьские дни сдала блестящий экзамен своего влияния на массы. Я помню, как во время одновременных выборов в районные партийные комитеты и в районные Советы рабочих депутатов многие беспартийные рабочие недоумевали, почему они могут выбирать в Совет, а не могут выбирать в «свою» партию.

Ещё до 17 октября работа у нас кипела вовсю. Наряду с пропагандистско-агитационной работой велась усиленная подготовка военно-боевой деятельности. Насколько помню, при мне боевой работой руководил Евгений (Кудрявцев), военным организатором был Андрей (Васильев).

В октябре боевая организация не была ещё учтена и организована, но боевики были на каждом предприятии. Оружие каждый добывал на свой риск и страх. Комитету и бюро ЦК (представителем ЦК в Москве был Марат) за лето и осень удалось кое-что приобрести из оружия. Удавалось покупать маузеры и браунинги в оружейных магазинах по очень дорогой цене. Правильно орга-

низовывать боевые силы начали только после 17 октября.

Редакционная работа была сосредоточена в руках Иннокентия (Дубровинского).

Раньше в Москве нам было очень трудно с квартирами, приходилось много хлопотать, чтобы разыскать квартиру для явки или для заседания комитета, иногда организация рисковала, собираясь на уже проваленной квартире. Теперь это радикально изменилось. Каждый район, каждая автономная организация, вроде военной, боевой, пропагандистской, лекторской, имела свой круг сочувствующих обывателей, всегда готовых предоставить квартиру, ночлег или вообще оказать любую услугу. Часто заседали мы в непривычной буржуазной обстановке. Резко изменилось и финансовое положение организации. «Товарищи, жертвуйте на оружие!», «Жертвуйте на помощь забастовщикам!», «Жертвуйте на литературу!» — это обращалась молодёжь перед каждым митингом, перед каждым собранием. И жертвовали очень много, жертвовали и по кровным копейкам, бросали кольца, серьги, георгиевские солдатские кресты, часы, и наряду с этим собирались крупные куши. Специальная финансовая группа, в которой крупную роль играла Олимпиада Николаевна Мицкевич, ловко обирала либеральную «сочувствующую» публику.

15 октября комитету сообщили, что все революционные и оппозиционные партии собираются в Городскую думу выработать общие требования. Предполагается, что и гласных Думы можно будет заставить принять революционную резолюцию. Никто из членов комитета не придавал большого значения этому заседанию. Мы все считали, что гораздо важней для нас провести резолюцию на большом рабочем митинге, чем пытаться договариваться с представителями буржуазных течений. Помнится, Марат сказал:

— Ну, что же, надо поехать и противопоставить их взглядам нашу точку зрения. А хорошо было бы, если бы во время их заседания на площадь перед Думой вывести какой-нибудь район, а ещё лучше какой-нибудь сочувствующий нам полк, вот тогда их можно было бы заставить принять любую резолюцию.

Товарищи из районов заявили, что сейчас уже не успеют устроить демонстрацию перед Думой. Но тут вме-

шалась Землячка, она рассказала, что вчера к ней подошёл офицер казачьего полка и заявил, что сейчас застрял в Москве проездом из Сибири казачий заамурский полк, очень революционно настроенный, готовый по первому зову рабочей демонстрации перед казармами присоединиться к рабочим. Этот полк будто бы расквартирован в Крутицких казармах. Надо сейчас же направить демонстрацию рабочих к этим казармам и повести оттуда и казаков и рабочих на Думскую площадь. Я тогда решительно запротестовал против этого плана, заявил, что вся эта история с случайно застрявшим проездом из Сибири небывалым заамурским полком кажется мне сплошной басней. Очевидно, Землячка стала жертвой какого-нибудь провокатора. Необходимо раньше послать в Крутицкие казармы разведку, узнать, какие там сейчас расквартированы солдаты, каково их настроение, действительно ли они готовы пойти за нами, не есть ли это ловушка, чтобы натравить на рабочую демонстрацию черносотенно настроенную часть. По этому поводу у нас начались в комитете горячие прения. Большинство голосов было принято предложение Марата: сейчас же командировать в Крутицкие казармы разведку из нескольких боевиков и лишь после этого решить вопрос о демонстрации.

Всё это, действительно, оказалось провокаторской ловушкой; наша разведка вернулась вскоре в Техническое училище, в наш штаб, и сообщила, что в Крутицких казармах расположены не казаки, а одна из наиболее черносотенно настроенных гренадерских частей, кажется, Несвижского или Астраханского полка. Он стоял весь этот день в полной боевой готовности и, конечно, в случае демонстрации перед казармами расстрелял бы рабочих. После нам удалось узнать, что Землячку надул переодетый офицером известный провокатор Доброскоков, работавший под кличкой «Николай — золотые очки».

В этот же день ректор Мануйлов попробовал провести в жизнь постановление правительства о запрещении митингов в помещении университета. Из этой попытки, конечно, ничего не вышло. Университетские двери были выломаны. Аудитории снова были заняты бесчисленной толпой народа. В это время на площади перед Думой отряд драгун разогнал толпу, ожидавшую решения Думы. На эту толпу

напали и охотнорядские мясники. Когда об этом узнали в университете, началась паника. Часть студентов разошлась, остальные забаррикадировали все входы в университет и решили выдержать там осаду. Помню, что в комитетском штабе сидело несколько членов комитета, когда прибежал курьер и сообщил нам про бойню перед Думой и об университетской осаде. Мы с Маратом поехали в университет. Сразу стало ясно, что дело тут не серьёзное. Мы стали убеждать публику разойтись и такую же директиву дали от имени комитета нашим товарищам, оказавшимся в университете.

Когда мы с Маратом возвращались из университета, мы увидели, как в Охотном ряду кучки мясников подкарауливали студентов-забастовщиков и избивали их. Мы взяли извозчика, чтобы проехать в Техническое училище. Марата, который часто выступал, сразу узнали черносотенцы. Они окружили наши сани и хотели нас стащить с них. Мне пришлось рукояткой браунинга раскроить череп одному из нападавших. Марат тоже выхватил наган. Это сразу охладило пыл черносотенцев. Извозчик погнал вовсю. Вслед за нами раздалось несколько выстрелов. Мы в свою очередь выпустили по заряду.

Ночевать мне, как и большинству комитетчиков и другой нелегальной братии, приходилось в библиотеке Технического училища. Здесь в любой момент можно было быть в распоряжении комитета и пойти по любому экстренному наряду. Спали мы не раздеваясь, вповалку на полу, подушками служили кипы старых газет. Тут же и питались хлебом и колбасою, иногда удавалось добыть кипяток, и тогда заваривали чай, и становилось очень уютно.

В ночь на 18 октября мы залегли сравнительно рано. Пришлось очень много поработать в этот день, и здорово все устали. Вдруг наш караульный будит нас известием, что явилась какая-то делегация с важным сообщением. Оказалось, что эта делегация прислана кадетским съездом с извещением, что в Питере царём выпущен манифест. От имени съезда делегация должна поздравить Московский комитет с блестящей победой рабочего класса над самодержавием и пригласить весь состав комитета на банкет, устроенный кадетами по случаю манифеста. Помнится, в этот день нас ночевало в библиотеке человек 30—40, тут

были и комитетчики, и пропагандисты, и дружинники-рабочие, и рабочие-районщики. Мы все один за другим начали отчитывать господ либералов:

— Нам ещё рано торжествовать победу, наши бои ещё впереди. Нас царский манифест не успокоит, это вы ему радуетесь.

Конечно, никто из нас на этот банкет не пошёл. А на-завтра утром, ознакомившись с манифестом, Московский комитет единогласно постановил продолжать борьбу и готовиться усиленно к вооружённому восстанию.

УБИЙСТВО И ПОХОРОНЫ БАУМАНА

Я не помню точно, когда был выпущен из тюрьмы Бауман ¹⁸. Я с ним встретился утром 18 октября на заседании Московского комитета. Я не видал его со II съезда и очень ему обрадовался; на II съезде мы все его полюбили не только как хорошего товарища, но и как чудесного человека. Он, увидев меня, начал горячо расспрашивать про заграничных товарищей, в особенности про Ильича и Надежду Константиновну. Он тут же взялся написать прокламацию к солдатам и через полчаса прочёл её Марату и мне. Это была прокламация, написанная страстным, пламенным языком убеждённого революционера. Нам эта прокламация очень понравилась. Бауман положил её себе в карман. Через несколько минут кто-то вбежал с сообщением, что митинг, происходивший в актовом зале, решил сейчас же идти освобождать заключённых из таганской тюрьмы. Мы решили все идти и вышли всем комитетом. Увидели, что толпа уже выстраивается в колонну, откуда-то появилось несколько красных знамён.

Бауман был в очень возбуждённом состоянии. Ещё бы, после одиночки — вдруг громадная толпа, красные знамёна, идут освобождать арестованных из той тюрьмы, из которой он только что сам вышел! Мы шли все вместе и встали впереди колонны. Вдруг Бауман засуетился. Он решил, что можно присоединить к колонне одну из соседних фабрик. Он выхватил у кого-то из рук красное знамя, вскочил с ним на проезжавшие мимо сани и погнал к этой фабрике. В это время мы проходили мимо полицейского участка. Вдруг позади нас раздался выстрел. Мы решили, что это стреляли из участка. Все, у кого было оружие, начали стрелять по участку. Выбежал пристав и начал клятвенно уверять, что из участка никто не стрелял. В это время наши дружинники проносят мимо нас окровавлен-

ное тело. Лицо залито кровью, узнать его нельзя. Говорят, ещё жив, несут в амбулаторию.

Рядом со мной идёт К. Медведева — жена Баумана, спрашивает, кого убили. Говорю, что не знаю. В это время подходит один из нёсших тело и говорит, что на всякий случай он вытащил из кармана убитого всё, что там было, чтобы не попало в руки полиции. Вижу прокламацию, написанную только что Бауманом. Только в эту минуту я догадался, что убит он. Сейчас же решили нести его тело в актальный зал и самим вернуться. По дороге узнали подробности убийства. Из-за ворот выскочил какой-то дворник и железным ломом раскроил ему череп. Кто-то увидел и стрелял в убийцу. Этот-то выстрел мы и услышали, когда начали обстреливать участок.

Немедленно в большом актовом зале возле трупа начали митинг. Зал был переполнен. Мне первому пришлось говорить, с трудом удерживая слёзы: ведь я очень любил Баумана. Но в то же время явилась мысль, что необходимо использовать даже его смерть для самой широкой агитации. Убитый Бауман должен ещё раз повести за собой массу, как не раз вёл её живой. Настроение среди собравшихся в Техническом училище рабочих было наэлектризованное, в особенности после выступления жены Баумана. Она поклялась над трупом мужа всю жизнь отдать на мсть за него. Торжественно поклялась и вся толпа за ней. Жена Баумана своей клятвы не сдержала. Через два года перекочевала в ряды врагов Баумана, по ту сторону баррикады. Поклявшиеся рабочие мстили и отомстили до конца за Баумана и за тысячи других погибших в борьбе.

На летучем заседании МК было решено устроить грандиозную демонстрацию по случаю убийства Баумана, произвести, так сказать, экзамен нашего влияния на массы. Сейчас же, кажется, Дубровинским или Маратом была написана прокламация. Мы мобилизовали буквально все наши пропагандистские и агитаторские силы, всюду, и в районах и во всех вузовских аудиториях, началась бешеная агитация. Конечно, в первую голову были использованы товарищи, только что выпущенные из тюрьмы. Их появление на трибуне действовало особенно сильно на массу. Нам всем тоже приходилось говорить без конца в эти два дня. Я помню, что 19-го я насчитал 17 митингов, на которых мне пришлось выступать.

Мы, конечно, не ограничивались голым призывом к мщению. Для нас самое важное было подчеркнуть в наших выступлениях, что похороны Баумана должны явиться смотром сил пролетариата Москвы, готовых для дальнейших боёв. Мы указывали, что убийство Баумана прежде всего подтверждает наше критическое отношение к царскому манифесту. Агитацию за похороны Баумана мы, таким образом, связали с агитацией идеи вооружённого восстания. Во всех речах наши агитаторы должны были подчёркивать, что мы отнюдь не ручаемся за мирный исход похорон. Возможно вполне, что похороны окончатся кровавой бойней. Пусть все, кто пойдёт на похороны, это хорошо помнят. Пусть тот, кто боится, кто не готов к бою, лучше сидит дома. Мы не скрывали перед массами, что больше шансов за то, что нам придётся биться вокруг трупа Баумана, возможно, что повторится «9-е января». К отпору нужно готовиться. Когда мы ставили так вопрос, а именно так ставили агитацию все наши ораторы, мы были уверены, что на похороны явятся только действительно распропагандированные, революционно настроенные рабочие, что обыватель побойится прийти.

«Союз союзов»¹⁹, в особенности союз адвокатов, предложил нам посредничество для переговоров с генерал-губернатором. Мы ответили, что ни в какие переговоры мы вступать с властями не будем. Мы готовимся к бою, мы явимся вооружёнными. Если они хотят избежать кровопролития, то пусть уберут с пути следования процессии всех полицейских, все военные команды. Я не знаю, кто и как вёл переговоры с начальством, но к нам в штаб, в Техническое училище, явился с официальным ответом местный пристав, просил доложить о себе Московскому комитету РСДРП. Его принял Марат. Пристав сообщил, что генерал-губернатор согласен убрать полицию и войска с пути нашего следования, но просит нас вести процессию не по главным улицам. Мы отказались менять маршрут.

Меня больше всего пугала мысль, удастся ли нам организовать толпу так, чтобы не получилось «Ходынки»²⁰. Помню, когда рано утром, часов в 6, мы с Маратом и другими товарищами вышли на крыльцо Технического училища и увидели уже собирающуюся толпу, эта мысль меня особенно тревожила: достаточно малейшего провокационного выстрела — и среди неорганизованной толпы начнётся паника. Я был уверен, что организованные по

районам рабочие паники не создадут, но страшно было за неорганизованную толпу любопытных, среди которых была масса детей; как удастся нам с ней справиться? А именно первыми-то запрудили улицу любопытные зеваки, посторонние; но очень скоро все наши сомнения рассеялись. С появлением первых организованных колонн рабочих сразу же установился поразительный порядок. Образовалась прочная живая цепь, организованная из толпы любопытных, которая очистила место для колонн, и всё время шествия эта живая цепь не прерывалась, она тянулась вдоль всей процессии. Районные рабочие проявили примерную дисциплинированность. Буквально каждый знал своё место, каждый знал, кого ему нужно слушать, каждый знал, чьё распоряжение обязательно. Служба связи по всем колоннам была безукоризненно организована. Здесь блестяще проявилось действительно коллективное творчество. Коллективная самодисциплина, а не инициатива отдельных вождей создала эту грандиозную революционную демонстрацию.

Помню, вскоре после того, как мы тронулись с места, раздался провокационный выстрел из одного переулка. Говорят, стрелял какой-то подъехавший на извозчике околочный. Среди стоящих на тротуаре любопытных началась была паника. Но она моментально была локализована, публика успокоилась.

В организованных колоннах ни на минуту не было замешательства. Отряд дружинников шёл далеко впереди процессии. Они производили разведку, изучали все прилегающие переулки. Я вначале шёл с этим отрядом и наблюдал, как при виде его быстро уходили с постов полицейские. Подозрительной показалась нам одна чайная, кажется на углу Гаврикова переулка. Эта чайная славилась как любимое гнездо черносотенцев. Мы имели все основания предполагать, что в ней спрятана засада. Несколько дружинников, вооружённых маузерами, вошли в эту чайную и оставались там всё время, пока шло шествие. Остальные дружинники оцепили чайную снаружи и отошли только тогда, когда венки и гроб были пропущены. Всё обошлось благополучно. Далее нам сообщили, что слушатели Межевого института предполагают встретить шествие салютом, их дружина собирается дать три залпа. Мы сейчас же послали сказать межевикам не делать этого, но в то же время боялись, что наш посланный

не успеет во-время сообщить им наше приказание, и решили предупредить всю процессию, что, возможно, нас встретят залпами, чтобы не беспокоились. И действительно, немедленно это известие было передано по всем колоннам. И так каждый раз, когда угрожала опасность какой-нибудь паники, какого-нибудь осложнения.

Сколько было участников похорон? В этом отношении мнения сильно расходятся. Помню, буржуазные газеты, в том числе «Новое время», считали, что участвовало не менее 300 тысяч человек. Можно смело сказать: участвовала активно или пассивно вся Москва. Толпа любопытных зрителей буквально смешалась с активными участниками. Публика на тротуарах организовалась так же стройно, как и рабочие и учащиеся, пришедшие в колоннах; публика не стояла на тротуарах, а шла стройными рядами за цепью.

Я несколько раз пропускал мимо себя всю процессию и затем снова обгонял её. Так делали мы все, комитетские, чтобы следить за порядком. Я при этом прислушивался к разговорам, наблюдал за настроением. И смело заявляю, что все, вплоть до обывателей, в это время были проникнуты одной идеей. Придя в качестве любопытных зевак, они превратились в активных участников революционной демонстрации. Охранка не прекращала своей работы. Между толпой шныряли подозрительные типы, которые распространяли всякие тревожные слухи. Помню, уже недалеко от кладбища к нам подошёл какой-то тип, одетый в студенческий мундир, но с типичной полицейской физиономией и таинственно сообщил, что он только что был на кладбище и видел там целый полк драгун и много казаков. Очевидно, они готовятся к нападению. Вдвоём с одним дружинником мы схватили этого типа, затащили в переулок, там посадили его насильно на извозчика и переулками погнали на кладбище. Конечно, там никаких драгун и казаков не оказалось. Типа этого мы основательно избили, и он быстро улетучился.

Спокойно, торжественно процессия дошла до конца. Без давки, без суетни комитет и делегации вошли на кладбище, остальные колонны повернули назад и разошлись так же стройно, как и пришли, по районам. В 6 часов утра начала собираться толпа перед Техническим училищем, а в 6 часов вечера первые колонны подошли к кладбищу.

Я считал, что дело кончено, что теперь можно поехать отдохнуть. Вдвоём с кем-то из товарищей мы взяли старика-извозчика и поехали домой. И вот извозчик нам всю дорогу рассказывал про Баумана. «Видал,— говорил он,— как хоронили царя Александра II, как хоронили митрополита, но разве сравнить с этими похоронами. Ведь вот арестанта хоронить вышел весь народ; там давка, ругань была, жандармы и полиция матерно ругались, а тут тихо, благородно, ни грубого слова, а порядок-то какой. Да, видно, и вправду проснулся народ, своего-то как хоронит. Не забыть мне этого вовек». Долго говорил на эту тему старик, и ясно было, что эти похороны, может быть, впервые раскрыли перед ним действительную сущность революции. Поздно вечером я узнал про бойню, устроенную перед университетом из манежа, про ряд убитых товарищей, с которыми днём мы вместе шли впереди процессии.

На следующий день после похорон было вынесено постановление комитета прекратить организованно забастовку и готовиться к следующей всероссийской забастовке, которая должна перейти в вооружённое восстание, в решительную схватку с самодержавием. Решение это было принято нашим большевистским комитетом и уже после согласовано с Информационным бюро и остальными организациями. Вообще необходимо отметить, что во всём движении этого времени в Москве решающая роль принадлежала нашей организации. Наши решения передавались уже после через наших представителей — Марата и Васильева-Южина — остальным организациям, имевшим своих представителей в Информационном бюро. И обычно там наши решения принимались почти беспрекословно. Здесь, в Москве, фактически проявилась гегемония, общее руководство нашей партии всем ходом революции.

Рабочая Москва снова доказала свою организованность и дисциплинированность и дружно приступила к работе в назначенный Московским комитетом срок.

ПРОФСОЮЗЫ

Непрерывные митинги, характерные для октябрьской забастовки, сменились новым явлением — собраниями по профессиям. Масса как бы инстинктивно почувствовала необходимость создания наиболее прочной организации. Стихийно, с низов, началась лихорадочная организация профессиональных союзов. Меншевики, как и ко всем вопросам, к вопросу о профессиональном движении подошли схоластически. Говоря о профсоюзах на своей Женевской конференции, они представляли себе, что у нас в России профдвижение начнёт развиваться совершенно по типу немецкого или английского, для чисто экономической борьбы. Меншевики, а вслед за ними и буржуазная оппозиция, вроде «Освобождения», немало крокодиловых слёз пролили по поводу того, что большевики на своём III съезде не вынесли специальной резолюции о профсоюзах, а лишь вскользь упоминали о них в тактических резолюциях. Буржуазия и их меньшевистские подголоски очень были бы рады, если бы русский рабочий класс в 1905 г. действительно пошёл по линии строительства профсоюзов для экономической борьбы. Это, конечно, помогло бы отвлечь рабочие массы от идеи вооружённого восстания, это дало бы возможность буржуазии без вмешательства рабочего класса сторговаться с правительством.

Мы на III съезде дали одну директиву — «использовать все легальные или полуполюгальные рабочие общества, союзы и другие организации для обеспечения преобладающего влияния на них социал-демократии и превращения их, по мере возможности, в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России...»¹. Согласно этой директиве для нас в бурный революционный момент профессиональные союзы являлись

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, Госполитиздат, 1954, стр. 80.

главным образом средством проводить в широкие беспартийные массы наше влияние, организационно связаться с самой гущей рабочей массы.

Буржуазные и мелкобуржуазные элементы, в том числе и интеллигентская часть меньшевиков и эсеров, всеми силами навязывали рабочим массам идею политической нейтральности профсоюзов. Мы с самого начала профсоюзного движения стали звать массы на иной путь. При тогдашних условиях профсоюзное движение прежде всего должно было быть политическим, революционным движением. Входить в профсоюз должны все рабочие — партийные и беспартийные. Но пусть они не обольщаются надеждой, что без торжества революции им удастся долго просуществовать, удастся действительно повести чисто экономическую борьбу. Это утопия. При первом торжестве реакции профсоюзы будут раздавлены вместе со всеми завоеваниями революции. Поэтому прежде всего необходимо все силы союза направить на подготовку вооружённого восстания, на организацию всех рабочих масс, на проведение в их среде решений и постановлений единственно последовательной революционной рабочей партии — РСДРП.

Мне пришлось выступать на целом ряде организационных собраний профсоюзов в этот период (октябрь — ноябрь). Обычно собирались не заводские и не крупно-промышленные рабочие, а ремесленники, приказчики, рабочие мелких мастерских, прислуга. Оно и понятно: рабочие крупных предприятий создали уже свою форму организации, охватывающую всю массу, занятую в предприятии. Рабочие и служащие мелких предприятий в это время чувствовали себя особенно оторванными друг от друга. Для них профсоюз был единственно мыслимой формой организации. И они массой повалили на организационные собрания. К сожалению, до сих пор ещё недостаточно изучено это гигантское движение, это новое проявление коллективного творчества нашей революции. Очень немного времени уходило на чтение и принятие устава профсоюза, но зато до поздней ночи просиживала, большей частью простаивала, масса, заслушивая политические платформы революционных партий. И чаще всего в заключение собрание единогласно принимало резолюцию, что объединённые в профсоюз рабочие постановляют во всех своих выступлениях руководствоваться программой

и решениями РСДРП. Очень часто на таких собраниях центр внимания сосредоточивался на аграрном вопросе. Аудитория очень внимательно выслушивала наших и эсеровских ораторов. Иногда большинство связанных с крестьянством рабочих голосовало за эсеров в аграрном вопросе, а во всём остальном — за нас. Правда, иногда раздавались на этих собраниях отдельные голоса протестующих против политики: «Нам она не пужна, нам наше дело надо обсудить». Но обычно эти отдельные голоса тонули в массе стоящих за политику.

Особенно трудно было проводить собрания среди приказчиков, которых в Москве было очень много. До тех пор они были очень слабо затронуты революционной пропагандой, по условиям жизни большинство из них было в полной зависимости от хозяев, очень многие жили на хозяйских квартирах. В конце концов и они поддались организации. Собрания отдельных секций приказничьего союза проходили с таким же революционным воодушевлением, как и рабочие собрания. Громадной победой мы сочли, когда Седому удалось организовать самую черносотенную часть приказчиков — охотнорядских мясников. Я помню собрание их в «Аквариуме». Первые попытки затронуть перед ними политические вопросы кончились форменным рёвом возмущения. А в конце собрания, после речи Седого, они, правда, очень нестройно и нескладно, но очень дружно и громко подтягивали «Марсельезу». А ведь ещё 18 октября как раз эти молодцы по науськиванию полиции и своих хозяев избивали студентов-забастовщиков.

Наша работа в это время проходила далеко не гладко. В Москве шла громадная работа и по мобилизации черносотенных сил. Было несколько серьёзных попыток организовать настоящие погромы. Одна такая попытка, направленная против евреев, кончилась весьма плачевно. Организованные полицией громилы вместо того, чтобы отыскивать очень редкие еврейские магазины, начали громить первый попавшийся магазин православного хозяина. Полиции пришлось вмешаться и разогнать своих учеников.

Черносотенные дружины вербовались главным образом среди золоторотцев Хитрова рынка ²¹, среди дворников и сыщиков, кое-где втягивали и наиболее тёмных рабочих. Комитет дал директиву нашей боевой организации — стараться проникать в черносотенные дружины. Многие наши

боевики и сочувствующие нам рабочие действительно записывались в черносотенные дружины, получали там оружие и узнавали все предположения и проекты черносотенцев. Наша дружина начала также систематическую скупку револьверов, розданных черносотенным дружинникам. Немалое количество оружия наши дружинники приобрели таким образом.

Мне лично пришлось два раза в это время участвовать в вооружённых схватках с черносотенцами, оба раза во время заседаний МК. Раз мы заседали в университете. Нас охраняла студенческая кавказская дружина — одна из наиболее боевых и лучше организованных дружин того времени. Патрульный сообщил нам, что университет окружён толпой черносотенцев, они хорошо вооружены, в резерве на подмогу им стоит готовая к нападению сотня казаков, спрятанная в манеже. наших дружинников было человек 30, а среди нас, комитетчиков, более или менее боеспособных было человек 10. Мы решили с боем прорваться сквозь осаждающую толпу. Судя по крикам, толпа хорошо знала, что в университете заседает комитет. Толпа, осаждавшая нас, была весьма разношёрстная: массы пьяной голытьбы, но вместе с ними и пузатые чуйки, видно хозяйчики, трактирщики, явно полицейские морды переодетых городских и околоточных. Мы выбрались на Никитскую и оттуда дали несколько залпов. Эффект получился поразительный. С диким рёвом толпа разбежалась, не сделав даже попытки напасть на нас. Мы спокойно разошлись по домам.

Более серьёзное столкновение пришлось пережить в Инженерном училище, тоже во время заседания комитета. Здесь та же картина. Толпа в несколько сот человек осаждает здание Инженерного училища. Вдали маячит казачий отряд. На этот раз нам три раза пришлось отбивать штурм осаждающих. Один раз они уже начали ломать железную изгородь, отделяющую двор, из которого мы стреляли, от улицы. Но, наконец, дружным залпом нам и здесь удалось привести их в паническое бегство. У нас оказалось двое легко раненных. Черносотенцы оставили двух убитых и трёх раненых. Последних нашему Красному Кресту пришлось подобрать и отвезти в больницу. И на этот раз казачий отряд не вмешался в столкновение, он лишь издали наблюдал и немедленно ускакал, как только черносотенцы разбежались.

«НОВАЯ ЖИЗНЬ»

Работая в Москве, мне довольно часто приходилось ездить в Питер для связи с ЦК. Там как раз намечалась организация первой легальной большевистской газеты. Средства на газету достал А. М. Горький, и средств было достаточно много. Для скорости предполагалось купить готовое уже разрешение на газету. Таковое имелось у весьма пёстрой компании — у декадентских писателей Минского и Гиппиус и типичной представительницы литературной богемы Теффи. У них уже был набран целый штат сотрудников, в том числе известный по питерским газетам организатор репортажа Львов. Литературных сил у этой публики было достаточно, но денег мало. Вот с этой-то компанией наш ЦК ещё до приезда Ильича в Питер заключил договор. Политическое руководство газетой было предоставлено целиком нам, господа же Минские и К^о выговорили себе право на очень высокие редакторские оклады и могли помещать свои произведения.

Нас, рядовых партийцев, сильно смущал блок с такого рода господами. Помню, первый раз, когда я приехал вскоре после баумановских похорон в Петроград и зашёл в уже открытую контору «Новой жизни», меня поразили внешний вид и редакции и конторы. Всё это было так непохоже на нашу более чем скромную московскую обстановку. Редакция помещалась на Невском. У входа — роскошный швейцар. Контора и редакция — в громадных, богато обставленных комнатах. Я подумал: «Ну, вряд ли рабочий корреспондент почувствует себя здесь хорошо». В редакции я застал Богданова, Румянцева, Кнунянца и ряд других товарищей. Все они были очень оживлены, возлагали большие надежды на новую газету. Я скромно выразил свои сомнения насчёт возможности сотрудничества с господами минскими, гиппиус и прочими газетными дамами. Богданов тоже далеко не был увлечён этими господами, но говорил, что иного выхода нет. Зато

Румянцев был в восторге, считал, что мы сделали блестящее дело, заключив это соглашение: они, мол, сразу поставят газету на широкие рельсы, она будет иметь большой круг читателей и т. д. Членам редакционной коллегии, как сообщил мне Румянцев, назначили жалование вместе с авторскими что-то по 600 рублей в месяц.

Я ему прямо выпалил, что в общем это безобразие и я уверен, что, как только Ильич приедет в Россию, всё это он заставит изменить. Нам нужна газета маленькая, но газета наша, а не в компании с гиппиусами и прочими лающими на луну поэтиками. Такая газета, какую они затевают, в рабочие районы не попадёт, да если и попадёт, как сможет рабочий разобрать, где кончается Минский и начинается большевизм. Помню, когда я вернулся в Москву, то в разговорах с москвичами очень нелестно отзывался о питерцах. Мы тут каждый грош копили на вооружённое восстание, а они там транжирят деньги на меблировку редакции, на оплату буржуазных сотрудников, на генеральские оклады редакции.

Мне опять пришлось быть в Питере в день появления первого номера «Новой жизни». Действительно, газета превзошла все наши ожидания. Появление первой социал-демократической и притом определённо большевистской газеты, выступившей с первого номера с ярким, чётким лицом (в приложении была дана программа партии), произвело потрясающее впечатление. Публика разбирала номера буквально нарасхват. К вечеру за отдельные номера платили уже по 3 рубля. Если не ошибаюсь, номер разошёлся в 80 тысячах экземпляров. По тому времени это был небывалый тираж.

В редакции было настоящее торжество. На этот раз мне пришлось познакомиться и со второй, ненашинской частью редакции. Оказалось, что все: и Минский, и Гиппиус, и Теффи, и вся прочая шантрапа — вдруг превратились в настоящих большевиков, воспевали «его величество пролетариат всероссийский», этого нового мессию, который несёт всем избавление...

Когда меня познакомили с этой компанией и кто-то, кажется Богданов, сказал им, что я недавно бежал из тюрьмы и несколько лет работаю нелегально, начались охи и ахи. Минский разразился какими-то напыщенными стихами. Стало невыносимо противно, и отравлена была вся радость по поводу первого номера.

ПРИЕЗД ИЛЬИЧА

К следующему моему приезду я застал уже Ильича. Он только что приехал. Помню забавную сцену при первой нашей встрече. Мы должны были встретиться на обычной явке Петербургской организации у зубного врача Лаврентьевой, которая меня очень хорошо знала. Она встретила меня на лестнице и говорит, что вот по нашему паролю пришёл человек, вид у него весьма подозрительный. Будет лучше, если я, прежде чем повидаться с ним, в щёлку посмотрю, тот ли это, кого я жду. Я посмотрел и, действительно, еле узнал Ильича. Он так изменил свою физиономию, что скорей походил на настоящего питерского приказного, чем на самого себя. Ильич отлично понимал, что ещё рано расконспирироваться, и действительно умело и толково скрывал свою личность.

Я страшно обрадовался, когда Ильич после тщательных расспросов про Москву сам заговорил о «Новой жизни» и тоже возмущался постановкой дела там:

— Ну, разве можно нашу партийную газету выпускать на Невском? Да ни один рабочий не войдёт в нашу редакцию!

Ещё его особенно возмущало, что вся хроника по примеру буржуазных газет заполнена придворными и министерскими сплетнями, а настоящей рабочей хроники нет. Надо всех разогнать, кто составляет хронику, набрать настоящих рабочих-хроникёров, они и только они могут дать то, что нам нужно, связать нас с массами. Возмущали Ильича и высокие оклады, которые назначили себе редакторы. Когда я в свою очередь поделился с Ильичем своими впечатлениями от визитов в редакцию, Ильич сказал:

— Ну, вот хорошо. Завтра я соберу партийную часть редакции и кое-кого из старых партийцев. Вы выступайте от имени москвичей, хорошо будет вызвать ещё кого-нибудь из Москвы, надо разогнать всех этих минских и теффи и создать свою газету, в которой мы были бы полными господами.

Я сейчас же после свидания с Ильичем вызвал по телеграфу Марата. Вскоре состоялось заседание расширенной редакции «Новой жизни». Председательствовал Ильич. После краткого отчёта Румянцева, фактического редактора, Ильич внёс предложение немедленно порвать договор с Минским, выгнать из редакции его, Гиппиус, Теффи, выгнать из числа сотрудников Львова и К^о, взять всю редакцию в свои руки, набрать из районов рабочих-корреспондентов и поручить им вести всю хронику; административную и хозяйственную часть газеты возложить на Папашу (Литвинова) и установить как правило, чтобы ни один редактор и сотрудник не мог бы зарабатывать больше (точно не помню) ста или двухсот рублей. После того как Ильич внёс свои предложения, а мы с Маратом от имени москвичей вполне присоединились к ним, Румянцев вскочил, как ошпаренный, и начал доказывать, что нельзя нарушать подписанного договора, что это вызовет скандал во всём писательском мире. Ильич его сразу оборвал:

— Пустяки вы говорите, мы хотим свергнуть самодержавие, живём в революционное время и будем бояться нарушить договор с буржуазными писателями, будем бояться общественного мнения буржуазной газетной братии. Пустяки всё это. Нам интересы партии дороже. Нам нужно создать газету, где каждый рабочий чувствовал бы себя как дома, куда он мог бы прийти со своей малограмотной корреспонденцией и знал бы, что его здесь выслушают, его статейку исправят, печатают.

Питерские работники — помню, там был Красиков, кажется, и Гусев — тоже целиком присоединились к ильичевской постановке вопроса. Согласился без спора и Богданов. На собрании было человек 20, не меньше. Решение было принято, и Румянцеву было поручено немедленно провести его в жизнь. И действительно, с приездом Ильича все декаденты и «без пяти минут большевики» исчезли из редакции и со страниц «Новой жизни».

Помню ещё один приезд в Питер. На этот раз мы поехали вместе с Маратом по поручению МК. Дело было в том, что нас всех сильно смутил лозунг Ильича, только что выброшенный им в «Новой жизни», — «земля и воля», «национализация всей земли». Помню, на одном митинге какой-то видный эсер вдруг выступил с заявлением, что большевики у них украли лозунг «земля и воля». На комитете разгорелись большие споры по этому поводу. Наконец, было решено, чтобы мы с Маратом сейчас же поехали в Питер, поговорили бы с Ильичем и у него лично выяснили, в чём дело. Когда мы увидели Ильича, Марат начал с самым мрачным видом отчеканивать:

— Этот внезапный поворот к национализации ставит нас в самое нелепое положение, нам стыдно теперь спорить с эсерами.

Ильич внимательно выслушал Марата и затем рассмеялся:

— А вы читали мою статью?

Речь шла о статье «Пролетариат и крестьянство». Мы ответили, что читали. Но вот Ильич взял статью и прочёл её с нами вместе, останавливаясь на тех местах, которые нас смущали. Не знаю, то ли действовала на меня интонация голоса Ильича, умевшего особенно подчеркнуть важные места, но уже во время этого чтения я всё более и более убеждался, что дело совершенно ясно. Ильич в нескольких словах объяснил нам, почему именно этот лозунг так необходим нам сейчас, что это не есть лозунг эсеров и что мы должны вложить в него совершенно иное содержание. «Земля и воля» в устах эсеров — это социализация, это фактическое затушёвывание разницы между демократической и социалистической борьбой. Для нас «земля и воля» — это борьба за демократические требования крестьянства. Именно осуществляя этот лозунг, мы осуществим наш основной лозунг — «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Я не помню точных выражений Ильича, но смысл его слов был именно таков. И по мере того как говорил Ильич, мне всё больше и больше становилось стыдно за своё непонимание такого ясного и простого вопроса. Судя по выражению лица Марата, он переживал то же, что и я. Наконец, его лицо прояснилось совсем, он вскочил и говорит:

— Ну, Владимир Ильич, выругайте нас хорошенько теперь за нашу бестолковость. Мы, действительно, ни черта не понимали. Теперь всё ясно.

Ильич рассмеялся, добродушно и лукаво посмотрел на нас.

— Ну, это хорошо, а то как пришли да начали волками смотреть на меня, ну, думаю, сейчас загрызут. Очень хорошо, что так скоро договорились. И впредь давайте так условимся. Будет что неясно в моём писании — вы сразу не ерепеньтесь, приезжайте, потолкуем по-хорошему. Авось договоримся.

И Ильич начал нас подробно расспрашивать о нашей московской работе. Он ею был очень доволен; особенно тем, что москвичам удалось так тесно связаться с массами, тем, что в наш руководящий аппарат и в наш актив втянуто так много рабочих; хвалил Ильич москвичей и за то, что они сумели создать и сохранить руководство всем движением в руках партийной организации.

— В Питере, — говорил он, — не то, совсем не то, здесь партийная организация затёрта Советом. А в Совете всё в говорильню, в рабочий парламент стараются превратить.

Когда мы уходили от Ильича, мы были в восторге.

— Ну, и сваяли мы дурака со своими претензиями, — восклицал Марат, — а всё-таки одной такой беседы с Ильичем достаточно, чтобы надолго вперёд наметить правильную линию; ну и голова же у него, я, знаете, себя перед ним гимназистом чувствовал.

Я должен был признаться, что и я испытывал то же самое. Мы хотели сейчас же возвращаться в Москву, но нас уже догонял посланный от Ильича. Мы застали теперь у Ильича Красина.

— Вот что, вам, Марат, придётся ехать одному в Москву, Лядову надо сейчас же собраться за границу.

Я подумал: «За что же такая немилость? В самое интересное время, когда вот-вот развернутся важнейшие события, уезжать за границу. Это ведь хуже ссылки!». Ильич между тем продолжает:

— Вышло меньшевистское «Начало», они проставили в числе сотрудников чуть ли не всех лидеров международного социалистического движения. Плеханов и Аксельрод за границей, они снабжают своей информацией все социалистические партии. Очень важно убедить, если не

всех, то хотя бы Каутского, Меринга, Розу Люксембург, Гедда, Лафарга, чтобы они внимательней отнеслись к тому, что у нас творится, чтобы они поняли характер нашей революции. Вы должны сейчас же поехать. Вы умеете быстро передвигаться, в 2—3 недели повидаете всех и вернётесь. Мы обсуждали сейчас с Никитичем (Красиным) и решили, что вы лучше всех справитесь с этой задачей. У Никитича всё готово, он даст деньги, есть у него готовый паспорт. Сейчас же надо хорошенько, по-заграничному одеться. Денег не нужно жалеть, надо ехать в спальном вагоне, чтобы там, за границей, не задержали, надо беречь силы. Работы впереди много. Когда можете ехать?

Почесал я в затылке.— Ну, если ехать, то надо скорей, поеду с первым поездом, на который удастся получить билет.

Пришлось распрощаться с Маратом и вместо Москвы вновь отправиться за границу. Побежал на станцию, билет в международный вагон достал без труда. Красин дал мне заграничный паспорт на имя какого-то Жевержеева, оделся я по настоянию того же Красина с ног до головы во всё новое, «по-заграничному», придал у парикмахера приличный вид своей физиономии. Одним словом, опять превратился в «приличного» коммивояжёра и с ночным поездом ехал уже по направлению к Берлину.

Паспорт у меня был «настоящий». Правда, Красин предупредил меня, что у этого паспорта была своя история: владелец его, сынок богатых родителей, задумал жениться; родители были против. Тогда он сбежал за границу нелегально, там женился и оттуда написал матери: «Если не хочешь, чтобы я навеки остался эмигрантом, выправь мне паспорт и с кем-нибудь пришли». Ну, сердобольная мать паспорт выправила и через её поверенного адвоката Малянтовича предложила этот паспорт передать кому-нибудь, кому нужно перебраться за границу, с тем чтобы передать его там сыну. Я не знал наверно, нет ли каких грехов за её сыном и не задержат ли меня с этим паспортом на границе, и поэтому, подъезжая к границе, малость волновался.

Поездка в международном вагоне предоставила громадное преимущество в том смысле, что не надо было выходить на границе из вагона и самому показываться на глаза жандармам. Паспорт отдавался проводнику.

Я улёгся в своём отдельном купе и всё время, пока наш поезд стоял в Вержболове и вагон приспособлялся под заграничную узкую колею, притворился спящим и с нетерпением ждал, когда мне вернут паспорт и поезд тронется. Уже второй звонок, а паспорта всё нет. Ну, думаю, дело дрянь, наверное, провалился мой паспорт, и я вместо Берлина попаду в каталажку. Но в эту минуту послышались шпоры. Кто-то стучит в мою дверку. Я вскакиваю как бы спросонья. Жандармский ротмистр спрашивает, как меня зовут, отвечаю, он протягивает мне паспортную книжку, вежливо раскланивается и уходит. Точно гора с плеч свалилась. Хорошо ехать в международном! В это время поезд уже тронулся. Ещё минута — и заграница; как-то встретят меня немцы? Но и тут купе первого класса спасает меня от назойливых вопросов. Вежливый жандарм, не глядя на меня, перелистывает паспорт и моментально возвращает. Вежливый таможенный даже не заглядывает в баульчик, только спрашивает, много ли папирос, нет ли шоколада. Папирос у меня мало, шоколада нет, и он успокаивается.

Скоро и Берлин. Поддерживаю и тут марку. Еду в хорошую гостиницу, беру хороший номер. Для немцев нежелательными являются лишь те иностранцы, которые не тратят или мало тратят денег. А человек, который готов платить за номер 4 марки, всегда желателен.

Уже по дороге я составил себе точное расписание, чтобы ни одного лишнего дня не провести за границей. Ильич дал мне сроку три недели, я решил ровно через две недели вернуться. Главное — Берлин, Лейпциг, Вена, Швейцария и Париж. Если успею, заеду в Лондон, но это не так важно.

В Берлине я прежде всего зашёл к Каутскому, важно было завоевать его, ведь как-никак он лучший теоретик Интернационала! Принял он меня очень радушно, засуетился, попросил жену приготовить чай:

— Ты знаешь, русские без чаю не могут обойтись.

Я ему долго и подробно рассказывал про нашу революцию, он особенно подробно расспрашивал меня про настроение крестьян, про крестьянские беспорядки, про то, как мы организовали всеобщую забастовку, про кадетов, про «Союз союзов». Видно было, что он внимательно следил за всеми известиями из России, но что известия приходили к нему извращённые, часто фантастические.

— Да, ваша революция совершенно не похожа на наш 1848 год, у вас крестьянство будет играть большую революционную роль. Не правы Плеханов и Аксельрод в нападках на Ленина. Вот только боюсь, что вы очень увлекаетесь техникой вооружённого восстания, ведь это не может стать задачей партии, тут, кажется, правы меньшевики...

Он охотно согласился сотрудничать в «Новой жизни» и обещал всё, что будет посылать в «Начало», посылать одновременно и в «Новую жизнь».

— Я жалею,— говорил он,— что не умею читать по-русски, теперь это так необходимо, недаром Маркс уже стариком взялся за русский язык. Постановка аграрного вопроса у вас открывает совершенно новые перспективы.

Вообще, вспоминая сейчас мою тогдашнюю беседу с Каутским, мне кажется, что именно тогда он ближе всего подошёл к нам. В нём, правда, боролась ещё вся социал-демократическая подоплёка, мешавшая ему понять, что именно при той оценке движущих сил нашей революции, которую он давал совершенно так же, как Ильич, он неизбежно должен был бы сделать ильичевский вывод и о подготовке вооружённого восстания и об отношении к буржуазной оппозиции. Но этот вывод он сделать, видимо, боялся. Я сейчас же послал Ильичу подробный отчёт о моём разговоре с Каутским.

После Каутского я зашёл к Либкнехту. Тот меня принял совсем по-товарищески и настоял на том, чтобы я обязательно завтра вечером пришёл к нему домой, где он соберёт кое-кого из товарищей и я должен буду рассказать все подробности о России. Он был вполне наш в то время, завидовал нашей работе, жалел, что он, как немец, не может сам с головой окунуться в нашу революцию.

— Ведь это настоящая работа, а не то, что мы здесь делаем. Скучно у нас здесь. Вся эта адвокатская и парламентская работа... Мы становимся какими-то чиновниками...

Бebelю мне повидать не удалось, но говорил с Зингером, который обещал передать всё сказанное мною Бebelю. Он уверил меня, что немецкая партия будет одинаково помогать и большевикам и меньшевикам. Это заявление для меня было особенно важно, так как я знал, что именно Зингер управляет партийной кассой.

Я повидал ещё Ледебура. Вообще Ледебур — один из немногих немцев — социал-демократов, который ещё во время моей жизни в Берлине интересовался русскими делами. По своим выступлениям и по своему образу жизни он тоже мало походил на остальных вожаков немецкого движения. Сам он, бывший сельский учитель, во многом напоминал наших революционеров из лучшей интеллигенции. И сейчас он тоже с энтузиазмом расспрашивал меня про русскую революцию, чувствовалось, что он верит в наше движение, верит в нашу силу. Наша октябрьская забастовка произвела на него колоссальное впечатление. Он говорил, что теперь придётся многое пересмотреть в арсенале социал-демократической тактики.

На следующий день я делал доклад в Берлинской колонии. Доклад этот устроил провокатор Житомирский. Вообще к этому времени за границей остались наименее активные, наиболее трусливые эмигранты и состоятельное студенчество, мало заинтересованное в революции. Но доклад мой, касавшийся главным образом фактического изложения хода нашей революции, прошёл с большим подъёмом. Был произведён сбор на отправку желающих поехать в Россию и на приобретение оружия для России. Собранные деньги пошли к Житомирскому, и я так и не знаю, дошли ли они по назначению.

На следующий день я попал на квартиру к Либкнехту. К моему удивлению, он в честь меня устроил настоящий званый вечер. Публика была самая смешанная: наряду с партийными товарищами были и родственники и знакомые его жены. Была и его мать — жена основателя германской социал-демократии Вильгельма Либкнехта. С ней мне особенно приятно было познакомиться: она ведь с мужем была когда-то в эмиграции в Лондоне, часто виделась с Марксом, была близка со всей семьёй Маркса. После того, как я удовлетворил любопытство всех собравшихся и рассказал все подробности о нашей революции, я сам начал выпытывать у старухи Либкнехт всё, что она могла рассказать про своё лондонское житьё, про своего мужа. Она очень гордилась Карлом — своим старшим сыном. «Да, он идёт по стопам отца, он не осрамит его имени». Гораздо холодней отзывалась она о своём втором сыне — Теодоре (защитник эсеров). «Нет в нём революционного темперамента. Может быть, он будет хорошим адвокатом, но боюсь, что вряд ли он будет хорошим

революционером!» Но с особой любовью она говорила о своём младшем сыне-подростке (я забыл его имя). Он, действительно, произвёл на меня самое хорошее впечатление. Он с такой жадностью слушал меня, когда я рассказывал про русские дела.

С жадностью слушал и Карл, он требовал мельчайших подробностей и особенно интересовался нашей боевой деятельностью и нашей агитацией в войсках. Ведь и в Германии он придавал большое значение антимилицаристской кампании. Он с возмущением говорил о том, что германская партия запрещает вести работу в казармах, ведёт антивоенную агитацию только среди молодёжи до поступления в солдаты. Этим многого не добьёшься. Надо использовать опыт русских. По этому поводу разгорелся спор среди присутствующих. Большинство считало для немцев ненужным переход к нелегальным методам работы.

— Нам,— говорили они,— не предстоит переживать такую революцию, какую проделывают русские, у нас есть парламент, мы нашими избирательными бюллетенями победим реакцию.

Спор возник и по вопросу о всеобщей стачке. Здесь Либкнехт нашёл кое в ком поддержку, раздавались голоса о том, что действительно здесь можно кое-чему научиться у русских. В общем у меня ещё более укоренилось впечатление, что Либкнехт в достаточной степени одинок среди своих товарищей по партии. Обидно, что он не русский, что нельзя захватить его с собой в Россию! В наших условиях из него выработался бы настоящий, твердокаменный большевик.

В Лейпциге я видел Меринга. Он стоял тогда вместе с Розой Люксембург во главе наиболее радикальной из всех социал-демократических газет — «Лейпцигер фольксцейтунг». Но я совершенно не могу припомнить, была ли Роза в это время в Лейпциге; кажется, она уже уехала в Польшу. Разговор с Мерингом я очень хорошо помню. Высокий, седой старик, с профессорской складкой, он очень строго экзаменовал меня по поводу мельчайших подробностей нашей партийной работы, нашего отношения к рабочим массам, настроения остальных классов общества, буржуазных партий. Он очень мало сам высказывался. Предложил вечером собрать кое-кого из рабочих — социал-демократов, чтобы сделать им доклад. Вечером

собралось человек сорок; я подробно рассказывал и отвечал на вопросы. Саксонцы и в особенности лейпцигские рабочие считались на левом крыле германской социал-демократии. Здесь и раньше интересовались русскими делами, выражали надежду, что с царём у нас будет покончено, и тогда, дескать, русские социал-демократы быстро пойдут по стопам германской партии. Хорошо, говорили они, что сейчас русские социал-демократы отделились от своих оппортунистов; должно быть, ваши меньшевики похожи на немецких бернштейнов, а с ними нечего считаться:

— Большую ошибку делают наши старики Бебель и Зингер, что оставляют в рядах партии всякую дрянь, которая мешает настоящей классовой революционной работе.

В Вене я пошёл разыскивать старика Адлера. В редакции «Венской рабочей газеты» мне сказали, что он болел, и дали его домашний адрес. Он принял меня, когда узнал, что я только что приехал из России. Рядом с ним был и его сын.

— Вы ведь были в Амстердаме, — вспомнил Адлер, — и дали мне тогда книжку вашего, как его звать... да-да, Ленина; я читал эту книжку; это безобразие что такое!

Я прервал его, говоря, что автором книжки является не Ленин, а я, стоящий перед ним.

— Неужели? А, ну извините за резкость. А всё-таки идиотство писать такие книги! Это чёрт знает что такое! Правда, книга очень интересная, я её всю прочёл, несмотря на то, что она написана плохо и много опечаток. Но безумно проповедовать такие вещи! Вообще все русские — истерики. Почему вы не удовлетворились манифестом 17 октября? Почему вы тащите рабочих на дальнейшую борьбу? У вас в России единственный умный человек — это Пётр Струве. Он и его партия знают, что им нужно. А вы не знаете! Мы не мечтаем об общем избирательном праве, а вам сразу подавай демократическую республику и все свободы. Без этого вы не обойдётесь. Это всё ваш Ленин виноват...

Он ещё долго ворчал на эту тему и почти не давал мне говорить. В заключение поручил сыну отвести меня в редакцию и распросить подробнее для статьи. Там приняли меня более приветливо и подробно расспрашивали. Очевидно, старик Адлер, нападая на нас, большевиков, не

предвидел, что очень скоро венские рабочие заставят его и его партию по примеру России возглавить всеобщую политическую забастовку и добиваться всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права, о котором сам Адлер в разговоре со мной не смел мечтать.

Я наскоро заехал в Женеву, чтобы взять с собой жену, которая оставалась ещё там и рвалась в Россию. Кстати, я захватил в Женеве свой легальный заграничный паспорт, по которому я в 1903 г. выехал из Саратова и который спокойно лежал в Женеве, пока я странствовал под чужими именами по России. Я решил воспользоваться амнистией и переехать обратно границу под своим именем. Оттуда мы поехали в Париж. Здесь ещё жил Линдов; он меня опять повёл по всем жокакам, но прежде всего в редакцию «Юманите», где Лонге меня тщательно проинтервьюировал. На следующий день целый номер газеты (ставшей центральным органом объединённой социалистической партии) был посвящён интервью со мной и вообще русским делам (интервью было перепечатано и во всех буржуазных газетах).

Оттуда мы пошли в помещение гедистов. Линдов рассказал мне, что помещение это историческое: во время Парижской Коммуны здесь заседал Центральный Комитет национальной гвардии. Но — увы! — это помещение я нашёл на грязном заднем дворе, сплошь занятом старьёвщиками с их тряпьем и старым железом. Само помещение гедистов, где раньше находилась редакция центральной газеты «Le Socialiste», помещалось в ветхом, грязном, давно не отремонтированном флигеле. Я подумал, что плохо чтут здесь память парижских коммунаров. Вместо памятника — мусор и грязь там, откуда руководилась первая пролетарская революция!

В это время газеты принесли телеграммы из России о подавлении восстания в Севастополе, о неудачном киевском восстании сапёр, об аресте головки, руководившей почтово-телеграфной забастовкой, о громадном локауте, начавшемся в Петербурге, и о 100 тысячах выброшенных на улицу металлистов. Всё это сильно тревожило и заставляло предполагать, что окончательная развязка близка. Вот об этом главным образом нам пришлось и говорить на гедистском собрании; раздавались голоса, что положение критическое, что буржуазия выступает против революции, что реакция подымает голову, что самодержа-

пис ещё может показать себя. Я доказывал, что мы готовимся к бою, что мы всю нашу тактику строим именно в предположении, что буржуазия изменит революции, но всё же мы верим в силы пролетариата, верим в то, что крестьянство и городская беднота нас поддержат, мы уверены, что самодержавие — накануне финансового банкротства и долго продержаться не сможет. Тут мне задали вопрос: «А что, если наша французская буржуазия, как это ни невероятно, поддержит займом русского царя, в германский император поддержит его своими войсками?!». Я начал доказывать, что обязанность и французских и немецких социалистов сейчас же начать бешеную агитацию против возможности нового царского займа за границей и против военного вмешательства немецких войск в наши дела. Определённого ответа по этому поводу я не получил.

Вечером на большом русском митинге я особенно настаивал на необходимости международной поддержки нашей революции, преимущественно борьбой против займов. Здесь аудитория была гораздо интересней берлинской. Было очень много желающих поехать в Россию на работу. Остановка была только за деньгами. Весь сбор с моего доклада (далеко не такой большой, как в Берлине, ибо Парижская колония много бедней) пошёл на помощь желающим ехать на работу в Россию. Из всего сбора я попросил себе только 50 франков, на которые я решил приобрести хороший браунинг. Я считал себя вправе это сделать, потому что приходилось до сего времени пользоваться браунингом, принадлежавшим комитету, а лишний пригодится кому-нибудь из дружинников. Мне хотелось привезти себе свой из-за границы. Здесь, в Париже, я приобрёл очень хороший, с достаточным количеством запасных обойм. Впоследствии он сослужил мне большую службу в Москве, во время декабрьского восстания.

На следующий день Линдов повёз меня к Лафаргам. Жили они в деревне, в нескольких часах железнодорожной езды от Парижа, жили замкнуто, редко приезжали в Париж. Встретили нас в своём маленьком домике очень радушно. Когда Линдов сказал им, что я недавно из России и принимаю активное участие в нашей революции, они оба захлопотали, чтобы угостить нас по-домашнему. Как сейчас помню, какое сильное впечатление произвела на меня старуха Лафарг — родная дочь Маркса, очень на

него похожая. Мне так было неловко, что она и он — участник Коммуны, основатель французской социалистической партии, ближайший ученик Маркса — так хлопочут, чтобы угостить нас. Но они проделывали это так мило, так радушно, что скоро вся моя робость перед ними прошла, и я почувствовал себя, как в родной семье. Угостив хорошенько, они начали расспрашивать — я стал рассказывать...

До поздней ночи побеседовали мы с Лафаргами. Они ни за что не хотели отпускать нас в Париж раньше утра. Никогда не изгладится у меня из памяти этот день. Трогательно было смотреть на эту пару стариков, проживших вместе большую тяжёлую жизнь и сохранивших весь энтузиазм настоящих революционеров. Они очень нежно относились друг к другу, видно, по-хорошему, по-настоящему любили друг друга. Через несколько лет в этом самом маленьком деревенском домике, чувствуя, что приближается старческая дряхлость, они вместе, будучи в полном сознании, решили покончить с собой, чтобы никому не быть в тягость, чтобы не пережить одному другому... Никогда не забуду этого дня, проведённого у действительно больших, с большой душой, революционеров и людей.

Между прочим, Лафарг очень обрадовался, когда я сказал ему, что ещё 12 лет назад одной из моих первых работ был перевод и переделка для русских рабочих его книжки «Религия капитала» и что эта брошюра пользовалась большим успехом у нас в России.

— Значит, и я,— говорил он,— хоть немного содействовал пробуждению русского рабочего. О, это меня очень радует!

ДЕКАБРЬСКИЕ ДНИ

Тревожные известия из России заставили меня ускорить моё возвращение из-за границы. Я считал свою миссию исполненной. Ряд заграничных товарищей обещали своё сотрудничество в «Новой жизни». В печать важнейших стран мне удалось дать точные сведения о нашей революции. Кое-кому помог опоздать к решительным боям и на работу. Я сам боялся опоздать к решительным боям и поэтому прямо из Парижа поехал, уже никуда не заезжая, в Петербург. Несмотря на амнистию, я не уверен был, что благополучно проеду границу по своему паспорту. Но меня не только не задержали, но даже не обыскали, и я совершенно спокойно провёз свой браунинг, зашитый в рукаве пальто. Жандармы и наши таможенные чиновники как бы сразу превратились в настоящих конституционных чиновников, и даже кое-какие немецкие книжки, бывшие у меня в чемодане, не вызвали никаких сомнений при таможенном осмотре. С меня взяли только подписку, что я по приезде на место уплачу следуемую с меня недоимку за просроченный паспорт.

Я вернулся в Петербург ровно через две недели после отъезда за границу. Первым делом сообщил Ильичу о результатах моей поездки. Ильич в это время весь ушёл в подготовку предстоящего объединительного съезда. Он был уверен, что нам удастся «единым фронтом» большевистских и меньшевистских рабочих действительно создать единую партию «снизу», через головы меньшевистских вождей, без всяких принципиальных компромиссов с ними. Вопрос об объединении и создании единой крепкой партии был тогда для Владимира Ильича вопросом первой важности, он учитывал естественную тягу рабочей массы к централизованному, единому руководству. Именно в Петербурге он наглядно мог видеть, насколько

отсутствие единой партии способствовало тому, что фактическое руководство ходом революции ускользало из рук партии. На плечах меньшевиков вылезали беспартийные демократы, вроде Хрусталёва-Носаря, которые могли завести рабочие массы в настоящее болото.

Кроме того, Ильич понимал, что решительный удар самодержавию мог быть нанесён лишь хорошо подготовленным всероссийским восстанием, которое без сильной централизованной и единой партии невысказанно было организовать. Всё растущая революционная энергия масс расплывется по отдельным стихийным вспышкам, которые неизбежно кончатся так же неудачно, как кончилось сева-стопольское восстание под руководством Шмидта, как неудачно прошла ноябрьская петербургская забастовка, не поддержанная всей Россией.

Реакция начала усиливаться. Промышленная крупная буржуазия пришла на помощь самодержавию, организовав локаут петербургских рабочих. Ноябрьский съезд городских и земских деятелей выражал доверие правительству Витте. Опираясь на эту «общественную» поддержку, правительство решается перейти в наступление, арестовать бюро крестьянского и почтово-телеграфного союза и, наконец, арестовать Хрусталёва. В этих условиях Ильич считал, что все силы партии должны быть сосредоточены на объединении, на окончательном оформлении партии. Именно такого рода директиву дал мне Ильич для Москвы, после того как я передал ему о результатах своей заграничной поездки.

В Москву я приехал 1 или 2 декабря. Здесь я застал напряжённую обстановку. В самый день моего приезда Московский комитет обсуждал вопрос о том, что делать с Ростовским полком: по докладу организатора Васильева (Андрея), можно каждую минуту ожидать выступления этого полка. Выступление это будет, безусловно, подавлено, если оно не будет поддержано выступлением рабочих. Но можем ли мы сейчас призывать к такому выступлению московских рабочих, в то время как Петербургский Совет рабочих депутатов в ответ на арест Хрусталёва-Носаря призывает пролетариат не поддаваться провокации правительства и продолжать готовиться к вооружённому восстанию? Питерцы не считают себя готовыми к бою, они нас не поддержат. После очень больших прений принято было предложение Марата командировать в ро-

стовские казармы наших лучших агитаторов, чтобы всеми силами постараться задержать восстание и в то же время сохранить в полку революционное настроение.

Поздно вечером вернулись в штаб наши агитаторы и сообщили, что им ничего не удалось сделать. Ростовский полк восстал, прогнал офицеров, захватил боевые патроны. Весь следующий день ходили товарищи из всех районов в эти революционные казармы. Там был сплошной митинг. Но мы не могли дать восставшим солдатам указание, что им дальше делать. Их восстание упёрлось в тупик, потому что МК не мог сразу использовать силу восставшего полка на какое-нибудь непосредственное действие. Этого оказалось достаточно, чтобы началось разложение в полку. Оставшиеся в казармах сверхсрочные фельдфебели и унтер-офицеры — «продажные шкуры», как их величали солдаты, — сначала прикинулись сочувствующими восстанию, затем в течение 3-го числа им удалось разложить революционное настроение в пулемётной команде, находившейся тогда в более привилегированном положении, чем остальные гренадеры. Утром 4-го восставшие солдаты были окружены пулемётами и сумскими драгунами и без боя сдались своим офицерам. Военное командование, учитывая настроение и в других полках, немедленно, самым срочным образом провело демобилизацию всех призванных из запаса солдат и удовлетворило почти все экономические требования, выдвинутые восставшими ростовцами. Запасные солдаты представляли собой в московском гарнизоне наиболее восприимчивую к революционной агитации часть солдат. Их быстрая демобилизация и эвакуация из Москвы значительно сократила наши связи в полках, одновременно, правда, значительно сократив и состав московского гарнизона.

Тем временем из Петербурга пришло известие об аресте Исполкома СРД. 4 декабря приехал представитель ЦК Любич (Саммер) с постановлением нашего ЦК и нового Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов об объявлении всеобщей политической стачки. Он разыскал меня, и мы вместе с ним отправились к Марату. Очень долго втроём мы обсуждали создавшееся положение вещей. Мы всячески допытывали Любича, можно ли рассчитывать на то, что объявленная забастовка действительно превратится во всеобщую. Мы здесь в Москве

уверены, что забастовка начнётся дружно, но будет ли она поддержана в других местах и в особенности в Петербурге и по железным дорогам? Насчёт Петербурга Любич передал нам, что там настроение, в особенности после ареста Исполнительного комитета, очень твёрдое, очень боевое, если сейчас не начать забастовку, настроение может ослабнуть. Насчёт железнодорожников надо добиться присоединения к забастовке железнодорожной конференции, которая заседает сейчас в Москве и куда мы, вдвоём с Любичем, решили немедленно отправиться. В это время Марат должен был собрать Московский комитет и там выждать решения железнодорожников.

Железнодорожная конференция заседала в районе Патриарших прудов. Нас при входе поразило, что почти весь состав собрания состоит из интеллигентской верхушки железнодорожников; представителей рабочих и низших служащих почти не было. Настроение собравшихся было далеко не боевое, скорее всего ликвидационное. Это ярко обнаружилось, когда Любич, как делегат Питерского исполкома и ЦК нашей партии, потребовал себе слова для внеочередного заявления и сообщил о петербургских решениях. В ответных речах начали раздаваться голоса о силе реакции, об арестах, о невозможности дальше руководить движением. Очевидно, делегаты больше всего дрожали за свою шкуру. Мы тогда заявили, что так как среди собравшихся не слышно голоса пролетарской части железнодорожного союза, то мы вынуждены будем помимо конференции и бюро союза обратиться непосредственно к массам за решением вопроса. Этого бюро боялось больше всего, и без того действительно пролетарская часть железнодорожников и в особенности все железнодорожные мастерские мало считались с авторитетом бюро союза и работали в полном контакте с нашей партийной организацией. Наш резко заявленный ультиматум благотворно подействовал на собравшихся, и после длительных прений они, наконец, вынесли постановление в том смысле, что, если Московский Совет рабочих депутатов примет постановление о всеобщей забастовке, они от имени 29 дорог, которые представлены на конференции, присоединятся к призыву и примут все меры к тому, чтобы дороги дружно забастовали. При прощании они нас уверили, что за московский узел можно вполне поручиться, что он немедленно забастует.

С этим решением мы отправились в комитет, который был уже собран Маратом и ждал нашего прихода. Здесь началось серьёзное, вдумчивое обсуждение всех шансов за и против. Ни у кого не было сомнений, что Москва очень дружно забастует; настроенные в массе таковы, что, если мы не объявим забастовки, она прорвётся сама собой. Никто не сомневался в том, что забастовка неизбежно перейдёт в вооружённое восстание. Ни о какой забастовке-протесте речи быть не может. Недаром мы в течение двух месяцев об этом постоянно твердили массам. Значит, необходимо говорить не об общей забастовке, а о шансах выдержать вооружённое восстание.

Военный наш организатор Васильев (Андрей) дал подробную сводку состояния московского гарнизона. Насколько помню, в Москве было тогда что-то около 14 тысяч войск. Из этого состава многие демобилизованы и эвакуированы, как призванные из запаса. Часть полков, а именно Ростовский, 1-я гренадерская артиллерийская бригада, Сергиево-Троицкий запасной, часть Астраханского, Киевского и Таврического полков, либо колеблется, либо определённо революционно настроена. Далеко пошло разложение в 1-м казачьем полку, который на ряд митингов присылал своих делегатов с сообщением, что выступать против народа не будет. Значит, если дружно забастуют железные дороги и подвоза солдат из других мест не будет, можно смело рассчитывать, что боеспособных, антиреволюционно настроенных войск в Москве найдётся не больше 4 тысяч (Сумский драгунский полк, Перновский, 21-й второочередной казачий полк, жандармский дивизион и отдельные части остальных полков).

Вслед за этим Кудрявцев (Евгений) — организатор боевых дружин — сделал отчёт о состоянии наших боевых сил. Вполне организованных и вооружённых большевиков-дружинников было человек 300; у эсеров, по их словам, — тоже около того, но в это число входят отряды дружинников из гимназистов, т. е. совершенно ненадёжный народ; у меньшевиков — человек 100; хороша кавказская студенческая автономная дружина — человек 150; и разных других организаций — человек 150—200. В общем вполне надёжных и действительно боеспособных дружинников можно было у всех партий насчитать чело-

век 900—1000. Конечно, как только начнётся вооружённое восстание, число дружинников будет, несомненно, расти; будет расти и количество оружия. Насчёт бомб дело обстоит плохо. Наша лаборатория, правда, изготовила несколько штук; некоторое количество ручных гранат, изготовленных для японской войны, удалось приобрести за деньги у одного интенданта. Вот и все наши боевые ресурсы.

Московский комитет долго обсуждал положение вещей и в конце концов решил предоставить окончательное решение вопроса общегородской конференции, которую необходимо собрать 5 декабря. Было решено, чтобы члены МК не оказывали никакого давления на представителей с мест, чтобы там решение было вынесено совершенно самостоятельно. На том же собрании было решено начать сейчас же по районам усиленную агитацию за проведение в жизнь манифеста Петербургского Совета и революционных организаций о выкачивании вкладов из всех сберегательных касс и банков и об обязательном требовании расплаты исключительно золотом. Одновременно с нашим комитетом происходило заседание пленума Московского Совета. Туда должны были поехать Марат и Васильев-Южин и ещё кое-кто из членов комитета. Они должны были провести на пленуме Совета резолюцию о том, чтобы решение вопроса о забастовке перенести на завтра, а сейчас провести по всем предприятиям общее собрание рабочих, чтобы окончательно проверить настроение в массах.

Все товарищи разошлись по районам, чтобы подготовить завтрашнюю конференцию. Действительно, этот день доказал блестящее состояние Московской организации: на всех предприятиях произошли общие собрания, и всюду был поставлен вопрос о всеобщей забастовке, которая должна перейти в вооружённое восстание. Так что на следующий день, когда собрались в училище Фидлера²² партийные делегаты на общегородскую конференцию, они могли не только передать нам настроение партийных кружков, но и точно отразить действительное настроение всей широкой беспартийной и партийной массы рабочих. Прежде чем вопрос был поставлен на конференции, он действительно был уже решён на всех собраниях на местах, был обсуждён буквально всей рабочей Москвой.

Я отлично помню эту конференцию. Настроение всех собравшихся было чрезвычайно серьёзное. Дружинники тщательно охраняли вход в училище и внимательно проверяли каждый мандат. Марат особенно торжественно открывает собрание кратким вступительным словом, призывает всех очень внимательно и осторожно отнестись к обсуждаемому вопросу. Сейчас нужно не агитировать друг друга, а обсудить и решить серьёзный вопрос, вопрос о судьбе нашей революции, вопрос о жизни или смерти очень многих. Затем подробный доклад сделал Любич, он изложил весь ход событий в Петербурге, рассказал о решении партийных организаций, указал на всё растущее наступление реакции. Во время его доклада царила буквально гробовая тишина, несмотря на присутствие не менее 800 человек. Затем начинают говорить представители районов. Говорят не районные организаторы, даже не передовые партийцы-профессионалы, а рабочие от станка, действительные представители с предприятий. И все их речи были совершенно однообразны: вчера или сегодня обсуждался вопрос по цехам, принято было единогласное решение поддержать питерцев, на заводе имеется такое-то количество вооружённых, мастерские готовят пики, кинжалы, полосы железа для нападения; если Московский комитет не объявит восстания, рабочие восстанут сами, ведь их трудно было удержать ещё во время восстания Ростовского полка.

Я не помню, сколько было произнесено таких речей (их было много), но, наконец, начали раздаваться голоса, что пора прекратить прения. Тогда Марат предлагает дать слово только тем, кто хочет высказываться против восстания. Таковых среди представителей с мест не оказывается. Тогда слово предоставляется Землячке. Она решительно высказывается против восстания. «Мы чересчур слабы, — говорит она, — у нас мало вооружённых, у нас нет надежды на активную поддержку войск, у нас нет прочных связей с другими местами, мы не знаем, не окажемся ли мы одни без поддержки. Всё это нужно учесть, прежде чем принимать то или иное решение». Марат дал ещё слово организаторам — военному и боевому. Сделали они подробный, неприкрашенный отчёт о положении боевых дружин и военной организации. И только после этого Марат поставил вопрос на голосование. Вопрос был решён единогласно (комитетчики не голосовали) — за

начало всеобщей забастовки, которая должна перейти в вооружённое восстание. Местными представителями была внесена только поправка начать забастовку не 6-го, как это предполагали питерцы (6-го — праздник, ни один завод не работает), а 7 декабря. В этот день все должны были прийти на работу и по тревожному гудку ровно в 12 часов прекратить работу.

В своём кратком, но красиво построенном заключительном слове Марат подчеркнул, что до сей минуты у нас могли быть колебания и сомнения, но теперь, когда решение принято, колебаниям и сомнениям не должно быть места; строжайшая дисциплина сверху донизу, беспрекословное подчинение всем руководящим органам, постоянная близость с массами — вот обязанность каждого члена партии. С пением «Варшавянки» и «Марсельезы» конференция разошлась.

Члены комитета остались на заседание комитета. Все чувствовали, что сейчас принято величайшей важности историческое решение. Ни у кого не было полной уверенности, что мы действительно победим на этот раз, но зато большинство было уверено в том, что, если бы мы не подняли в этот момент перчатки, революция была бы наверняка разбита. Реакция, поддержанная теперь открыто всей буржуазией, уже ни перед чем не остановилась бы, она нагнала бы всё больше и больше. Наше, даже неудачное, восстание, безусловно, оттянет окончательную победу реакции, даст нам возможность лучше организовать дальнейший ход революции. Поэтому принятое решение было единственно возможным решением. И нужно принять все меры к тому, чтобы провести наилучшим образом московское восстание и чтобы наш ЦК добился поддержки нашего восстания другими местами, в особенности Петербургом и по линиям железных дорог.

Приблизительно такой именно обмен мнений происходил на Московском комитете. После этого был принят ряд практических мероприятий: было решено выделить Исполнительную комиссию из трёх членов (Марата, Васильева-Южина и меня) и двух кандидатов — Савкова и Лешего (Доссера), всем остальным членам комитета разойтись по своим районам и жить непосредственно в районе всё время восстания; Исполнительная комиссия должна у себя сосредоточить всё руководство восстанием; все районные дружины должны быть непосредственно подчинены

боевому организатору. Было принято решение и насчёт того, чтобы подробная информация о сегодняшней конференции была дана в наших газетах «Вперёд» и «Борьба».

Во время заседания комитета приехал к нам представитель меньшевистской группы с извещением, что их конференция приняла такое же постановление. Московские меньшевики в этом вопросе пошли за нами, а не за своими вождями. После заседания комитета было проведено заседание пленума Московского Совета, на котором также единогласно было принято наше решение. Большинство членов Совета уже голосовало этот вопрос на нашей конференции. Делегаты от железнодорожников своё слово сдержали и немедленно присоединились к решению Московского Совета; об этом решении в тот же день по железнодорожному телеграфу были широко оповещены все железные дороги.

Я не пишу истории московского восстания, как и не пишу истории нашей партии накануне и во время революции. Я поставил себе гораздо более скромную задачу — припомнить и рассказать лишь то, чему я непосредственно сам был свидетелем; поэтому, понятно, изложить всю грандиозную картину восстания я не могу, но ряд картинок резко сохранился в памяти. О них я и попробую рассказать.

6 декабря почти весь день я провёл на улице. Этот праздничный день не походил на обычные праздники: все лавки и базары торговали вовсю, все старались запасти как можно больше провизии, на улицах наблюдалось невероятное оживление. Толпа серьёзная, озабоченная, особенно в рабочих кварталах. На улицах группы рабочих обсуждают завтрашнюю забастовку, о ней все знают, все говорят. Пьяных совершенно нет. Городовые на постах стоят как-то пугливо, озабоченно. Кое-где в районах уже с утра начали снимать городовых с постов и обезоруживать их. Кажется, в Лефортове один подросток обезоружил 6 городовых. Он сделал себе из мыла нечто похожее на браунинг, вычернил его и с этим оружием подходил к постовому, кричал ему «руки вверх» и вытягивал из кобуры настоящее оружие. Было несколько случаев убийства городовых, не желавших отдать оружие. Многие рабочие жаловались:

— Подойдёшь к фараону, крикнешь ему «руки вверх», он стоит, как истукан, с поднятыми руками, обшаришь

его, а у него вместо револьвера косушка водки, толкнёшь его с огорчения...

На вокзалах начался осмотр приезжих офицеров и обезоруживание их. Почти не было случаев сопротивления при отбирании оружия. И тут много было забавных анекдотов о трусости маньчжурских вояк.

Во второй половине дня на Красной площади должна была состояться большая «патриотическая» черносотенная манифестация. От наших лазутчиков — участников черносотенных дружин — было хорошо известно, что эту манифестацию предполагалось превратить в погром. Всё было очень хорошо инсценировано, не даром для инсценировки погрома были специально выписаны такие погромных дел мастера, как питерский доктор Дубровин и кишинёвский Крушеван. Сам митрополит должен был предварительно отслужить на площади молебен. Московский комитет поручил нашей боевой дружине во что бы то ни стало расстроить черносотенную манифестацию. Я пошёл посмотреть, как эта штука произойдёт. Вышло очень забавно. На площади было очень много народу. Несомненно, было немало типичных черносотенных замоскворецких купчиков, трактирщиков, босяков с Хитрова рынка, переодетых городских, попов и сыщиков. Но уже по внешнему виду толпы легко можно было разглядеть, что большинство составляют настоящие рабочие, очевидно пришедшие сюда не для патриотической манифестации. То тут, то там виднелись знакомые физиономии наших дружинников. Как только начал митрополит облачаться для молебна, кто-то из наших крикнул: «Спасайтесь, дружинники идут!». Немедленно началась паника. Черносотенцы вместе со своим духовенством улепётывали во все лопатки. В это время все трёхцветные флаги, заготовленные для патриотической демонстрации, превращаются в красные (просто отрываются синие и белые полотнища), и с Красной площади на Тверскую выходит с пением «Варшавянки» и «Марсельезы» наша демонстрация, которая всё более и более разрастается. Мимо генерал-губернаторского дворца демонстранты идут к «Аквариуму». Дубасов собирался торжественно встретить на своём балконе погромщиков, но вместо погромщиков он из своих окон видит, как дружно маршируют колонны восставших рабочих. Мальчишки ухитрились взобраться на генерал-губер-

наторский дом и развешанные на нём трёхцветные флаги тоже превратить в красные.

Демонстрация загрохотала все помещения «Аквариума» и весь прилегающий к нему сад. Значительная толпа осталась снаружи, она не могла уместиться внутри: в самом «Аквариуме» буквально было негде яблоку упасть. Мне пришлось председательствовать на этом митинге. Настроение бодрое, боевое, после каждой речи поют революционные песни. Конечно, все ораторы говорят о завтрашнем выступлении. Но тут ко мне пробивается один из дружинников и сообщает, что патрули передали о больших отрядах полиции и войск, которые, очевидно, направляются в «Аквариум». Мы в президиуме совещаемся, что делать. Попытаться дать отпор в самом здании или в саду было бы безумием при такой массе народа. Дать же приказ разойтись сейчас же — означало бы создать панику и погнать толпу навстречу войскам. Наконец, решили пока не расходиться, успокоить публику, сообщив ей всё-таки про приближение полиции, и разойтись мирно по требованию полиции. Весь митинг, конечно, не арестуют, а мы, которые уже на виду у полиции, как-нибудь выберемся. Пока мы совещались, полиция и войска уже окружили «Аквариум», заняли все выходы. Мы, насколько могли, успокаивали публику, рекомендовали уходить всем, у кого не было оружия. Без особой паники публика пошла к выходу, правда, кое-кого немного помяли. Мы и дружинники остались в зале, обдумывая какой-нибудь выход из положения. Времени для обдумывания было достаточно: пока вся толпа не пройдёт через узкий проход, полиции не пробраться к нам в зал. Один из дружинников нашёл выход. Стена «Аквариума» непосредственно прилегала к стене Комиссаровского училища. Один за другим мы пролезаем через узкое отверстие во двор училища, оттуда отверстие быстро заделывается. В общем никто не пострадал, наоборот, наши дружинники успели при выходе из зала подобрать несколько брошенных более пугливыми из публики револьверов. Помнится, что-то около 20 револьверов было подобрано дружинниками при отступлении.

С утра 7 декабря мы сидели в штабе и принимали сведения о ходе начала забастовки. Первый день информация была поставлена блестяще: непрерывно присылались районами курьеры с извещениями и сводками. Вообще нужно сказать, что за всё время восстания товарищи,

выполнявшие обязанности курьеров и технических секретарей, проявили громадную работоспособность, а частью — и самопожертвование. Целый ряд курсисток и работниц иногда под обстрелом, ежеминутно рискуя жизнью, пробирались сквозь солдатские цепи и приносили необходимые штабу сведения. Нужно ясно себе представить тогдашнее положение вещей: в нашем распоряжении не было ни постоянной квартиры для штабов, ни телефонов, ни средств передвижения. Каждый вечер технический секретарь центрального штаба должен был сообщать по всем районам, где будет находиться завтра штаб-квартира. Кроме районов постоянная связь была установлена с боевым штабом, с техникой, с редакцией, с военной организацией. Бывало иногда так, что назначенная под штаб квартира обстреливается войсками или в неё невозможно проникнуть, потому что весь район оцеплен. Приходилось менять квартиру и об этой перемене сообщать по всем организациям. Это страшно тормозило сношения: иногда нужно было целый день потратить, чтобы пробраться из района в штаб и наоборот.

Но в первые дни всё шло гладко. Сведения из районов свидетельствовали, что забастовка началась очень дружно. Насильно снимать с работы пришлось лишь несколько мелких фабрик. Большим минусом было то, что наряду с дружно забастовавшим московским железнодорожным узлом не забастовала Николаевская дорога, или, верней, там забастовали только мастерские. Мы сделали большую ошибку, не направив немедленно все силы на насильственное прекращение движения по Николаевской дороге. В первые дни это было вполне возможно. Но мы тогда поверили нашим железнодорожникам, что им удастся убедить николаевцев забастовать. Когда же, наконец, 9-го стало очевидно, что это безнадежно, то оказалось, что уже поздно что-нибудь сделать, чтобы взорвать путь или мосты. Из Твери были брошены первые воинские подкрепления (Петербургский драгунский полк, Тверское кавалерийское училище и 2-я конно-артиллерийская бригада). Именно эти войска оказались наиболее свирепыми в подавлении восстания, и из них была организована охрана Николаевского вокзала, линии и мостов.

8-го в штаб пришёл Евгений (боевой организатор); он рассказал про разгром двух оружейных магазинов; там основательно поживились, кроме того, удалось достать

винтовки в товарном вагоне, адресованном на Дальний Восток и застрявшем на запасных путях. Дружина сильно выросла и перевооружается. Евгений составил и принёс нам для редактирования «Советы восставшему народу». Вместе с Евгением мы тут же проредактировали это воззвание. Всякому, кто действительно хочет познакомиться с характером московского восстания, необходимо тщательно изучить эти «Советы». Вот на этом совещании и было решено придать всему восстанию характер партизанской войны. При имевшемся соотношении вооружённых сил это был единственно возможный способ восстания. Энгельс был вполне прав, когда, изучая современную военную технику, считал невозможным уличное восстание типа парижского или берлинского 1848 г. Там за баррикадами сражались массы рабочих против солдатских масс. И, конечно, при современных скорострельных и дальнобойных ружьях, пулемётах и орудиях никакие баррикады не помогли бы революционным борцам, не вооружённым тем же оружием, выдержать натиск регулярных войск.

Совершенно другое дело — партизанская война. Основная её задача — никогда не давать неприятелю возможности стрелять по большим массам. Небольшие партизанские отряды постоянно атакуют, постоянно тормозят регулярные войска, но систематически уклоняются от непосредственного открытого боя. Войск в Москве было очень мало, их легко можно было утомить в самое короткое время, заставляя перебрасываться с места на место. И действительно, московский гарнизон был окончательно утомлён, как это видно из переписки с Петербургом Дубасова, уже на третий день восстания. И этого мы достигли именно партизанской войной. В листке, выпущенном нами, даётся определённая директива прекратить демонстрации и все силы сосредоточить на беспощадных боевых действиях; даётся и ближайшая цель восстания — захватывать власть в рабочих районах и сейчас же революционным путём проявить там диктатуру пролетариата. Этот листок был отпечатан и расклеен по всем районам уже 9 или 10-го числа. 11-го числа он был перепечатан в № 5 «Известий» Московского Совета рабочих депутатов.

9-го мы снова собрались все трое в штабе. Помню, Марат сердито жаловался на то, что мы вынуждены сидеть

в комнате, когда на улице люди готовятся сражаться. Он выразил только то, что каждый из нас думал. Я лично завидовал районным работникам и в особенности дружинникам: им предстоит столько интересного пережить, а ты вот сиди, получай информацию, направляй в районы новых работников, а главное, узнавай всё из чужих рук. Фактически становилось ясно, что, сидя в кабинете, руководить партизанской войной невозможно даже при блестяще, а не так, как у нас, поставленной службе связи. В таком же положении оказался и штаб боевых организаций: он всё время отрывался от районных выступлений. Помню, мы долго говорили по этому поводу. Забастовка продолжается с подъёмом. Фактически в рабочих районах вся власть перешла в руки районных Советов, или, верней, наших организаций. Полиция и весь правительственный аппарат уже совершенно исчезли. Должны ли мы переходить в дальнейшее наступление? Нужно сейчас откровенно признаться, что в этом отношении вся наша организация и, в частности, мы, члены Исполнительной комиссии, оказались совершенно неподготовленными. Правда, нас в некотором роде оправдывает то, что мы в Москве оказались совершенно изолированными, мы совершенно не знали, что делается в Петербурге, в провинции, даже в ближайших московских уездах. Мы понимали, что раз начато восстание, то надо будет овладеть центральным аппаратом и в первую голову почтой, телеграфом, телефоном, разрушить военный штаб, захватить, наконец, генерал-губернатора. Но перед нами тогда же встал вопрос: нужно ли это сделать?

Насколько сейчас помню, наши тогдашние беседы по этому поводу были следующие: мы начали в Москве восстание по предложению Петербурга; наша задача — продержаться и держать в парализованном состоянии московские власти и железные дороги, чтобы дать возможность петербургскому пролетариату напасть на центральное правительство, изолированное от всей остальной России. Мы предполагали, что с запада, из Польши, Прибалтийского края, правительству ждать помощи не придётся. Тамошних правительственных сил не хватит, чтобы справиться с местным восстанием. Забастовка московского узла и московское восстание не дадут возможности перебросить силы на помощь центральному правительству из всей коренной России. Инициатива наступления и реши-

тельного удара должна принадлежать Петербургу, а не нам.

Конечно, эти рассуждения были в корне неправильными. Раз мы начали восстание, никоим образом мы не должны были топтаться на месте. Мы должны были идти всё вперёд и вперёд. Восстание не может переходить в позиционную, оборонительную войну, оно неизбежно начнёт выдыхаться; восстание должно быть всегда наступательное, и только благодаря этому оно могло бы сразу захватить всю массу населения. Но у нас восстание остановилось на районных победах; оно в дальнейшие дни упёрлось в оборону районных завоеваний и начало терять своё значение. Центр, т. е., в частности, мы, члены Исполнительной комиссии, дав вполне правильную директиву для первого шага восстания — парализовать власть захватом районов, не сумели сделать второй шаг — нанести решительный удар центральной власти, захватить весь центральный аппарат. Я хорошо помню, что именно так, теоретически рассуждая, мы считали нужным действовать, но всё-таки на это не решились, полагая, что действовать так в изолированной Москве нельзя; для такого рода действия мы ждали указаний от Петербурга, мы ждали подтверждения, что там тоже началось восстание. А между тем от Петербурга и от всей России мы были совершенно отрезаны.

Конечно, сейчас можно гадать о том, развились бы события иначе, если бы мы действовали тогда более решительно, если бы мы захватили (как это было вполне возможно до 13—14-го числа) весь правительственный аппарат в Москве. После окончания московского восстания я очень много думал об этом, толковал с многими товарищами и, в частности, с Ильичем. Объективно ничего не изменилось бы. При отсутствии восстания в Петербурге переход даже в удачное наступление в Москве всё равно кончился бы поражением. Наше несчастье было в том, что партия в целом не была подготовлена к руководству единым всероссийским восстанием в 1905 г. Колоссальная революционная энергия, проявленная в 1905—1907 гг. всем российским пролетариатом и крестьянством, из-за отсутствия единого руководящего центра неизбежно должна была вылиться в ряд изолированных, друг с другом не связанных местных восстаний.

Московское восстание при более энергичной деятельности нашего московского центра могло бы продержаться немного больше, но оно не могло бы превратиться во все-российское восстание и поэтому было бы всё равно разбито.

9-го были арестованы Марат и Васильев-Южин. Они пошли в Информационное бюро, где должны были встретиться с представителями меньшевиков, эсеров и железнодорожного союза. Помню, перед их уходом мы намечали, что им необходимо во что бы то ни стало добиться от железнодорожников передачи в наше распоряжение железнодорожного телеграфа. Там же должна была быть принята написанная Маратом прокламация к войскам. Квартира, на которой должна была состояться встреча, оказалась проваленной, и они были арестованы. Охранка, арестовавшая их, была в то время настолько дезорганизована, что отправила их в тюрьму, а весь протокол ареста и вещественные доказательства утеряла. Благодаря этому Марат и Южин отделались от военного суда и верной петли. После восстания никто из производивших дознание не мог вспомнить, при каких условиях и с чем они были арестованы. Между тем у Марата при аресте взяли написанную его рукой прокламацию к солдатам, ряд документов, свидетельствовавших о его роли в восстании, и два револьвера. У Марата однажды во время митинга вытащили из кармана револьвер, вот он и начал с тех пор носить по два: один — в шубе, другой — в брюках.

В этот вечер мне пришлось быть в железнодорожном районе, где-то недалеко от Красных ворот. Вдруг нам сообщают об осаде училища Фидлера. Мы знали, что там должно быть эсеровское собрание, на которое пошли член комитета Горчилин (Гренадер) и ряд других наших товарищей. Мы компанией пошли туда. Уже издали слышны были взрывы и орудийная стрельба. Вдали стояла встревоженная толпа, вокруг училища — цепь солдат и спешенный отряд драгун. Во дворе дровяного склада стояли орудия. Мы подошли к самому моменту сдачи, когда из здания выходили сдавшиеся участники собрания, большей частью самая зелёная молодёжь. Их тут же пьяные в лок драгуны избивали до потери сознания. Это было отвратительное, возмутительное зрелище, но ничего нельзя было сделать. Я поторопился уйти в бессильной злобе. И вдруг встречаю Горчилина. Он был всё время среди

осаждённых в училище, оставался там до последней минуты, а затем, когда было решено сдать, ему и ещё нескольким смелым ребятам удалось удрать, кажется, по крышам. В него вдогонку стреляли, но он остался цел. Я помню, меня поразила бодрость и энергия Горчилина: ни малейшего уныния после только что пережитого.

— Ну, что же,— говорил он,— мы ещё покажем им. Будь в училище не молодёжь и не эсеры, а наши дружинники-рабочие — конечно, так дешёво не досталась бы им победа!

И действительно, уже в этот вечер под влиянием слухов о фидлеровской осаде, о жестокостях пьяной солдатни Москва начала стихийно строить баррикады. Когда уже ночью я подходил к Страстному монастырю, весёлая, радостная толпа строила баррикаду; такую же постройку я увидел на углу Триумфально-Садовой. Дружинники, знакомые мне, рассказывали о столкновении с драгунами, которых они заставили постыдно бежать.

Кто строил баррикады? Буквально все. Несколько дружинников руководили, а строили рабочие и обыватели, строила вся толпа. Знал ли кто, для чего нужно строить? Нет. Но инстинкт подсказывал, что строить надо прежде всего, чтобы мешать передвижению войск, чтобы отгородить определённый участок для свободного передвижения революционеров. В ночь на 10-е вся Москва была на ногах, вся Москва строила баррикады. По крайней мере в районе Садовой шла лихорадочная работа. На Садово-Каретной, на Самотёке, на Сухаревке, на Бронной, на Малой Дмитровке, на Лесной, в Миусах — всюду, где нам удалось побывать в эту ночь и в следующее утро, я видел лихорадочную весёлую работу: снимали ворота, тащили сани, доски, тёс, тащили лари, кое-где даже лепили из снега. В Миусах, по Долгоруковской, опрокидывали трамвайные вагоны. Взрослые и дети, мужчины и женщины — все работали. Обыватели выносили дрова для костров, выносили еду, питьё для дружинников. Дружно пилили телефонные столбы, снимали телеграфную проволоку, устраивали проволочные заграждения. Полиция исчезла во всём этом районе, войска не показывались. Пока не было ещё ни одной попытки нападения на баррикады.

10-го днём картина изменилась — начался оружейный обстрел баррикад. Я не помню, где начали впервые стрелять из орудий по баррикадам — у Страстного или на

Сухаревке. На Сухаревке я сам видел, как стреляли. Это была нелепая, бессмысленная стрельба. Громадная толпа любопытных стояла тут же; она не верила, что стреляют всерьёз, думала, что это только «пугают». Что стреляют серьёзно, поверили лишь тогда, когда несколько человек было убито. Дружинники бросились уговаривать толпу разойтись. Она отходила, но через несколько минут снова возвращалась. Стоит, зло смеётся над солдатами, лушит семечки. Паники, страха нет ни у кого. Не хочется и мне идти в штаб, уходить от толпы, от дружинников. Но всё же благоразумие взяло верх. Я пошёл. Туда пришли и отдельные комитетчики из районов. Все делятся впечатлениями, рассказывают отдельные детали. Пальба слышна всюду: редкие выстрелы из орудий, частая строчка пулемётов и ружейные залпы, одиночные выстрелы. В общем, мы все довольны ходом событий. Восстание у нас действительно всеобщее. Несколько таких дней, как сегодня,— и московские войска окончательно обессилят. Мы уславливаемся баррикад не защищать, продолжать партизанские выступления, избегать совсем митингов, нападать на участки и захватывать их, избивать офицеров, жандармов, высших полицейских чинов.

11-го, в воскресенье, восстание дошло до крайней точки: на улице шла непрерывная стрельба. Я опять брожу по городскому району. У Сухаревки удалось овладеть пушкой, разогнав прислугу, оставленную без прикрытия пехоты. Но никто из нас не умеет стрелять. Мы обдумываем, что делать с орудием. Не хотелось его портить. Все надеялись найти артиллеристов. Пока мы обсуждали, налетел отряд драгун. Пришлось отступить и оставить орудие. Жестокий бой в Каретном ряду и на Цветном бульваре. В Каретном расположены казармы жандармского дивизиона. Жандармы несколько раз пробовали устроить вылазку. Небольшой отряд дружинников, спрятанный во дворе, каждый раз загонял их обратно. В этих перестрелках из дружинников никто не ранен, жандармы потеряли несколько человек. Цветной бульвар весь обмотан проволокой. Десяток дружинников загоняет отряд драгун в эту проволоку и начинает обстреливать их из засады...

Нас подобралась компания из пяти человек. Мы решили произвести разведку у вокзала, узнать, не забастовала ли Николаевская дорога. Оттуда слышалась непрерывная стрельба. Подходя к Красным воротам, мы увидели, как

со стороны Мясницкой шёл полуэскадрон драгун и одновременно с Каланчёвской площади шёл отряд казаков. Недолго думая, мы дали залп по драгунам и залп по казакам, а сами быстро забежали во двор. Оттуда мы увидели, как драгуны начинают беспорядочно палить по направлению к казакам, а казаки в свою очередь залпами отвечали драгунам. Минут пятнадцать продолжалась эта перестрелка. Мы, конечно, спокойно сидели всё время за воротами.

После уже мы узнали, что в этот день шёл отчаянный бой на Каланчёвской площади за Николаевский вокзал. Несколько раз предпринимались атаки, но все они были отбиты. Вокзал не удалось занять.

Проходя опять по застроенным баррикадами улицам, я видел, что данная нами вчера директива выполняется точно. Баррикады нигде не защищаются. Солдаты берут их по всем правилам военного искусства. Сначала обстреливают артиллерийским огнём, затем начинается атака пехотой или спешными драгунами. За баррикадой ничего нет. Дружинники, дав несколько залпов, уже давно перешли за следующую баррикаду. Войска разрушают баррикаду. Но как только они двигаются дальше, вновь появляется толпа и начинает под руководством дружинников строить новую баррикаду. И так продолжалось несколько дней. Так было в ночь на 13-е и в типографии Сытина. Там печатались «Известия Совета». Типографская дружина открыла сильнейший огонь по приближавшемуся отряду войск. Тогда против десятка дружинников, засевших в типографии, были выдвинуты две роты пехоты, эскадрон драгун, сотня казаков и два орудия. Пока войска подходили, дружина непрерывно стреляла, но как только начался обстрел со стороны войск, дружинники и работавшие наборщики спокойно через задние ворота постепенно уходили. И уж когда во всей типографии не осталось ни души, войска открыли ураганный огонь из орудий и винтовок и, не решаясь идти на штурм, предпочли зажечь громадное здание типографии.

Работа нашего штаба делалась всё тяжелей и тяжелей. Рассеянные бои по всему городу всё более и более затрудняли сношение с районами. Вначале мы решили, что центральный штаб обязательно должен находиться ближе к центру. Мы пользовались для штабных квартир преимущественно районом Арбата, Поварской и прилегающих переулков. Мы предполагали вначале, что основная борьба

сосредоточится в рабочих районах, а на центральных улицах будет спокойней, и оттуда легче будет сношаться со всей территорией Москвы. Но уже 11-го стало ясно, что бои на центральных улицах отнюдь не меньшие, чем в рабочих кварталах. Наоборот, главная масса войск была направлена на улицы, прилегающие к Кремлю и к военному штабу. Я помню один вечер, когда я возвращался с Лешим (Доссером) и с женой, работавшей техническим секретарём центрального штаба, на этот раз расположенного где-то в переулке возле Поварской, то мы никак не могли выбраться из этого переулка. Совершенно безлюдные тёмные улицы, а на всех перекрёстках стоят драгунские разъезды и непрерывно палят в темноту вдоль улицы. И очень долго продолжалась эта бессмысленная, нелепая стрельба пьяных драгун. Другой раз, когда мы подходили к квартире, которая должна была служить штабом в этот день, где-то около Смоленского рынка мы увидели, что дом обстреливается артиллерией и туда никоим образом войти нельзя.

Для того, чтобы сношаться с районами, приходилось иногда путешествовать целый день. Поразительное героичество проявляло большинство наших курьеров. Иногда они шли буквально под обстрелом. Я помню одну девушку (имени её не знаю), которая, выйдя из штаба, должна была пройти Смоленскую площадь, но там стоял отряд солдат и пачками стрелял по всем направлениям. Я не решился пройти через эту площадь и в то же время видел, как эта девушка, немного подумав, бегом перебежала её буквально под залпами. Сколько погибло таких безвестных настоящих героев за эти дни! Этого нельзя будет учесть: их имён, увы, никто не помнит! У нас тогда для всех было одно имя — «товарищ», некогда было узнавать настоящее имя.

Должно быть, 13-го или 14-го в штабе собралось большинство комитетчиков. Помню, Землячка первая заговорила о том, что так долго продолжаться не может. Массы рабочих начинают уставать, они скучают без дела, начинается уход в деревню. По всем заставам можно было видеть, как рабочие с котомками за плечами разбредаются по деревням. Мы не знаем, что делается в других местах и, в частности, в Петербурге. Из опроса всех товарищей обнаружилось, что бодрое настроение царит там, где идёт непосредственный бой, где строятся и разрушаются барри-

кады. Там же, где нет открытых столкновений, где нет почти войск, там рабочие не знают, что делать, и действительно начинают разбегаться по деревням. Меньшевики именно в таких районах начали уже агитацию за прекращение забастовки. Кажется, именно Землячка предложила, чтобы я сейчас же поехал в Петербург и получил дальнейшие указания от ЦК, что нам делать. Мы можем развить нашу агитацию и держаться дальше, но имеет это смысл лишь в том случае, если в Петербурге тоже идёт борьба. Так и было решено: мне сейчас же ехать в Петербург, вернуться как можно скорей, а тем временем до моего приезда в Москве продолжать борьбу.

Я выехал 14-го вечером. С большим трудом удалось мне пробраться на вокзал. Несколько раз пришлось подвергнуться обыскам солдат и полицейских. Но, конечно, отправляясь в Петербург, я не захватил с собой ничего компрометирующего. На вокзале пусто, пассажиров почти совсем нет. Опять обыск возле кассы. Вру что-то про хозяйское поручение; наконец, — в вагоне. И здесь пусто. Перед отъездом увидел первую питерскую газету за время восстания. Пришло только «Новое время». Увы, значит, она выходит, значит, в Петербурге забастовки нет. Уже в вагоне разворачиваю газету и убеждаюсь, что там всё спокойно, жизнь идёт обычным ходом, театры открыты, выходят газеты. Обнародован манифест о выборах в Государственную думу. Скверно стало на душе. Значит, всё зря, что мы делаем в Москве, напрасны тысячи жертв, которые московский пролетариат отдал в эти дни. Значит, мы ошиблись, что начали восстание, оно бесполезно. Очень тяжело было думать обо всём этом.

Подъезжаем к Твери. Почему-то поезд остановился, далеко не доехав до станции. Двери вагонов заперты, никого не выпускают. Стоим долго, очень долго. Я один в вагоне, некого расспросить. Вдруг вдали слышится взрыв, орудийная стрельба и ружейные залпы. Всё это продолжается часа два. После этого мимо нас проходят один за другим воинские эшелоны. В темноте трудно разобрать, какие части, но на платформах видны пушки, зарядные ящики. Скоро приходит кондуктор, рассказывает, что тверские рабочие пытались взорвать полотно дороги с петербургской стороны, откуда шли эшелоны с Семёновским и Ладожским полками, но взорвали второпях наш путь из Москвы. Семёновцы обстреляли Тверскую мануфактуру,

рабочие отвечали. Сейчас всё кончено. Скоро починят путь, и поедем дальше. Мы ещё долго стояли в Твери и прибыли в Петербург с большим опозданием.

В Петербурге всё спокойно. На вокзале — обычная свора сыщиков, которая насквозь прошупывает каждого приезжего. Я без вещей, у меня вид человека, приехавшего с ближайших станций. Благополучно выхожу на улицу. Да, действительно, обычная трудовая жизнь. Нет отрядов, не слышно стрельбы, магазины все открыты. Я тороплюсь разыскать явку. Последний раз в Петербурге я был в разгаре свободы, тогда без всякой явки в редакции «Новой жизни» можно было узнать, где кого найти. Сейчас «Новая жизнь» закрыта. Пошёл в столовую Технологического института найти кое-кого. Прошу связать меня с Ильичем и с другими цекистами, мне дают адрес Красина, а он уже будет сговариваться с Ильичем и с другими.

В квартире Максима Горького собирается ЦК*. Я делаю подробный доклад о ходе дел в Москве, с болью в сердце, чуть не плача, рассказываю про тверские события, про то, что семёновцы проскочили в Москву, теперь они задавят нас окончательно. Ильич обрушивается на Красина и на питерцев:

— Неужели вы не могли взорвать мост, сделать невозможным отправку отсюда войск? Ведь есть же у вас все технические средства для этого!

Ильич очень сердился по этому поводу. Оказывается, он уже давно думал об этом, и ему было обещано, что петербургские боевики сделают невозможным отправку войск, прервут сообщение с Москвой. По словам Красина, была попытка взорвать мост. Дружина, вооружённая пироксилиновыми шашками, пошла туда. Но, не имея плана, заблудилась, проплутала всю ночь по болотам и вернулась, ничего не сделав. Ильич резко напал на Красина.

— Ведь вы за это отвечаете! Вот вам блестящий пример, как мы готовились к вооружённому восстанию. Посылаете отряд и не догадались снабдить его картой. Мы заставили москвичей выступить, а что мы им дали? Сколько послали им бомб из нашей техники?

* Автор, очевидно, ошибается, говоря о заседании ЦК в Петербурге 15 декабря с участием В. И. Левина. Как известно, В. И. Ленин 12—17 декабря 1905 г. руководил Первой конференцией большевиков в Таммерфорсе (см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 10, стр. 505). — *Ред.*

Красин признался, что пока ещё не послали, но вот теперь они стали удачно выходить, можно послать.

— Ну, это будет после ужина горчица,— ответил Ильич.— Теперь надо прекращать и стараться в Москве сделать это организованным путём. Как вы думаете: удастся это сделать?

Я заверил, что удастся, в Москве пока настроение хорошее; если бы нужно было, мы могли бы продержаться ещё дольше.

С тем я и вернулся в Москву, выехав в тот же вечер обратно. Из Петербурга было очень мало пассажиров. Очевидно, публика боялась ехать в Москву. Я приехал 16-го днём. Вокзальная площадь была уже в руках войск, но район Самотёк, Садово-Каретной ещё представлял знакомую картину — баррикады ещё стояли. Я узнал, где штаб, и там мне сказали, что Московский комитет уже постановил прекратить борьбу. Очевидно, полученные в день моего отъезда петербургские газеты дали ясный ответ, что на Петербург нам нечего рассчитывать. 17-го собрался МК. Это было ликвидационное собрание. Решили забастовку прекратить 19-го, а сейчас — стараться удержать рабочих от стихийной ликвидации, дружинникам дать совет сейчас же прятать оружие в верных местах и по возможности незаметно исчезать из Москвы, хотя бы на время. Когда пришло известие, что на Пресне продолжают бои, МК постановил принять все меры к тому, чтобы поскорей прекратить бои и эвакуировать дружинников. Я не помню, удалось ли нам сообщить пресненцам о решении МК. Но в последующие дни Пресня оказалась уже отрезанной, обложенной семёновцами, и туда пробраться удалось лишь после того, как всё было кончено, когда уже догорали пожары.

Кажется, на этом же собрании по рекомендации Землячки секретарём комитета был назначен пропагандист Замоскворецкого района Виктор (Таратута). Его мало кто знал из членов комитета. Но мы все были в большей или меньшей степени на виду, каждый из нас мог в любой момент провалиться, поэтому сочли лучшим обязанности секретаря возложить на свежего, мало известного массам товарища.

Не помню, на этом или на следующем заседании комитета Землячка выступила с большой обвинительной речью против всего состава комитета. Она категорически за-

явила, что мы оказались не на высоте положения, не справились с задачей руководства движением и поэтому она предлагает комитету распуститься и поручить военной организации, как единственно выдержавшей экзамен, организовать новый состав комитета. Я помню хорошо, как поразило всех нас это выступление Землячки. Все мы были далеки от восхваления нашей работы, все мы признавали, что, действительно, далеко не оказались на высоте положения. Но мы полагали, что это зависело не столько от наших личных качеств, сколько от общего положения, в которое попала вся Московская организация. Помню, первый восстал против предложения Землячки военный организатор Васильев (Андрей). Он считал, что военная организация несёт ту же ответственность за общую неудачу, как и все остальные отделы. Нелепо поручать военной группе, мало связанной с работой в пролетарских массах, реорганизацию Московского комитета. Другие товарищи тоже напали на Землячку за погребальный тон всей её речи. Дело совсем не так плохо, как она пыталась нарисовать. Настроение в массах отличное, далеко не подавленное. Комитет пользуется авторитетом, доверие к нему не поколебалось. Производить сейчас коренную ломку организации нельзя: это вредно отзовется на работе. Часть товарищей, чересчур известных в районе и расконспирированных, придётся перебросить в другие районы. Некоторым придётся совсем уехать из Москвы. Надо ввести в комитет новых работников. Так и было решено.

Началась тяжёлая работа по ликвидации восстания. В общем, вот теперь, 20 лет спустя¹, можно смело сказать, что Московский комитет с честью справился и с этой задачей. Спокойно, без паники он перестроил всю свою работу на новое, подпольное существование. За два месяца свободы мы не утратили необходимых конспиративных навыков. Мы вышли из подполья в октябре, превратив тогда нашу небольшую нелегальную организацию в широкую рабочую массовую организацию. А теперь, залезая снова в подполье, мы полностью сохранили связь с массами, влияние на массы. Ликвидируя восстание, Московская организация не растерялась и произвела отступление в полном боевом порядке, с очень малыми потерями. Сам Дубасов должен был признать, что все вожаки восстания за преде-

¹ Написано в 1925 г.

лами досягаемости. И это он сказал тогда, когда ни один член Московского комитета не уехал за пределы Москвы, когда все мы были на своих постах, иногда заседали в нескольких кварталах от генерал-губернаторского дворца. Очень мало оружия попало тогда в руки полиции, несмотря на поголовные обыски, которым подвергались целые районы. Основные склады оружия, спрятанного дружинниками, существовали в течение всех лет реакции. Некоторые склады уцелели и до 1917 г. Уцелело от арестов и большинство дружинников и районных работников, непосредственно имевших дело с массами. Это было не паническое, а спокойное отступление на заранее подготовленные позиции. Московская организация не растерялась, она только перешла от бурной открытой работы к подпольной, сумев при этом использовать все легальные возможности, отвоеванные за дни свободы, для продолжения глубокой работы в массах.

Новый, 1906 г. мы встретили в редакции газеты «Вперёд». Собралась вся редакция во главе с Дубровинским и Голубковыми и ещё кое-кто из комитетчиков. Газета «Вперёд» была уже закрыта постановлением генерал-губернатора. Московский комитет хотел выпустить новую газету. Было уже найдено новое помещение для редакции. Старому помещению на Никитской истекал срок аренды 1 января. Вот мы и собрались в этом старом помещении справить поминки по нашему восстанию, по бурным, радостным дням и одновременно отпраздновать начало новой работы. Собралось человек 15, все старые, давно знакомые друг другу товарищи, побывавшие во всех переделках. Мы провели вместе всю ночь, благо раньше 6 утра нельзя было выходить согласно положению о чрезвычайной охране. Надо признаться, выпили мы основательно за эту ночь. Нервы у всех были за всё это время кипучей работы более чем потрепаны. Я вспоминаю разговоры, которые мы вели. Ни у кого ни малейшего уныния, ни малейшего сомнения насчёт будущего нового подъёма. Бодро звучали все речи, искренние, задушевные, произносились тосты. Все чувствовали, что предстоит громадная живая работа и что все мы ещё пригодимся для этой работы. Урок, который мы все пережили за это время, не пропадёт даром. Мы пили много, но как-то никто особенно не пьянел, а только всё задушевнее, сердечнее становились все мы. Утром я настаивал на том, чтобы осторожно разойтись, пока на улицах ещё

не появились шпики. Часть публики соглашалась со мной, но часть решила продолжать пирушку на новой квартире. Я их всячески отговаривал от этого, но бесплодно. Нас несколько человек ушло. Остальные перетащили вещи в новое помещение редакции, и там все были арестованы. Днём их узнали и проследили сыщики.

Особенно поразил меня в эти дни Станислав Вольский. Как-то я пришёл к нему вечером и вижу вокруг него кружок молодых людей. Он им о чём-то с жаром рассказывает, на лицах слушателей удивлённое недоверчивое выражение. Вслушиваюсь в рассказ. К моему удивлению, Станислав говорит про спиритизм, про чудеса индийской магии и про прочую чертовщину. Когда я рассмеялся, он очень серьёзно меня оборвал и начал доказывать возможность мира духов, потусторонней жизни. Я хотел заговорить с ним о наших делах, но он только отмахнулся. Всё это его больше не интересует, политика ему надоела, всё это скучно. Надо найти красоту в жизни. Станислав Вольский — этот любимый массаами агитатор, умевший вести массу за собой — один из первых капитулировал перед надвигающейся реакцией. Он тогда ещё не ушёл окончательно, но уже перестал верить в то дело, которому так горячо служил до сих пор. Вся дальнейшая жизнь Станислава была непрерывной сменой настроений. То он опять с головой окунался в массовую работу, то он уезжал в Аргентину в поисках новых впечатлений, то увлекался анархо-синдикализмом, всякими новыми философиями, снова возвращался к работе, пока, наконец, не очутился окончательно в стане врагов, по ту сторону октябрьских баррикад.

Сейчас же после ликвидации московского восстания отход от революции стал массовым явлением. Первой отшатнулась обывательская улица. В декабре она строила баррикады, с благоговением говорила о дружинниках, с гордостью отмечала, что за всё время господства революции совершенно прекратились кражи, грубости, каждый обыватель торжественно называл другого «товарищ», вкладывая в это слово глубокий смысл. При первом наступлении реакции обыватель этот отшатнулся далеко вправо. «Товарищ» стало бранной кличкой. Он начал выдумывать всякие небылицы про дружинников, революционеров. Он, как близкого, встретил вернувшегося на пост городского. И по первому зову околоточного записывался в «обыва-

тельский комитет», черносотенную организацию, вооружённую резиновыми палками и револьверами.

Вслед за обывателем, за сухаревским лавочником, за канцелярскими писцами, за всей мещанской слободой потянулась и интеллигентская молодёжь. Ей прежде всего захотелось отдохнуть от общественной жизни, от обязанностей, от опасностей. Часть ушла в чистый академизм, большая часть — в личные наслаждения. И те и другие вспомнили прежде всего своё «я», подавленное за время революции вынужденной общественной дисциплиной. Некоторые говорили просто: «Всё это было хорошо, но я устал, больше не могу, хочу пожить для себя». Это ещё были лучшие. Большинство же, как типичные интеллигенты, просто уйти не могли, им нужно было найти моральное оправдание своего ухода, они начали искать и находить теорию, оправдывающую их уход, и начали клеветать, глумиться над тем, чему до сих пор поклонялись. Они не просто дезертировали, а постарались как можно больше напакостить перед своим уходом. Вот такого рода типы, прежде чем окончательно уйти в обывательское политическое небытие в 1906—1907 гг., часто задерживались ещё в меньшевиках.

ПОДГОТОВКА ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА

Из Москвы мне пришлось уехать в конце января. Я уже говорил, что последний раз переехал через границу по своему легальному паспорту. Но, конечно, приехав в Москву накануне восстания, я не счёл возможным прописываться по этому паспорту. Весь декабрь я прожил, как обычно, нелегально. Но как только Дубасов известил о том, что все революционеры за пределами досягаемости, я дал свой паспорт в прописку на квартире одной из деятельных работниц нашей железнодорожной организации. Участок прописал меня как только что приехавшего из-за границы. Таким образом, я стал временно легальным человеком, у которого была квартира и, следовательно, можно было произвести обыск. Обыски — если не ошибаюсь, два — прошли совершенно благополучно: у меня ничего не нашли и меня не арестовали. Но это мешало работе и ясно показывало, что хотя у полиции нет никаких данных о моей работе в Москве с октября, но я всё-таки у неё на виду, как не раз уже привлекавшийся в старые времена, и что за мной, следовательно, установлен надзор.

Вообще в Москве становилось трудно работать, на улице меня часто узнавали слышавшие и видевшие меня на митингах. Ведь в дни свободы я выступал довольно часто, на самых различных собраниях. Решили, что мне лучше уехать из Москвы. Я перебрался в Петербург. Там шла в это время усиленная работа по подготовке съезда, который должен был окончательно объединить партию.

На местах шло стихийное объединение большевистских и меньшевистских партийных низов. Во время московского восстания произошли конференции обеих частей партии. Наша конференция в Таммерфорсе, на которую мы, моск-

вичи, благодаря восстанию не могли послать делегатов, в принципе одобрила объединение центров и выработала основные положения созыва съезда. Были выбраны на паритетных началах Объединённые ЦК и редакция Центрального органа. Я застал усиленную подготовку избирательной платформы нашей большевистской частью ЦК под руководством Ильича, причём, конечно, главная часть работы выпала на его долю: были выработаны 11 проектов резолюций по всем вопросам порядка дня съезда.

До сих пор, на первых трёх наших съездах, делегаты выбирались исключительно узким кругом профессионалов-революционеров, входивших в состав комитетов. Теперь впервые к выбору делегатов должны были быть привлечены все организованные члены партии. Причём организация должна была посылать от 300 человек одного делегата. Перед выборами должна быть обязательно проведена дискуссия на собрании всех членов партии по избирательным платформам большевиков и меньшевиков. Меньшинство организации, собравшее не менее 150 голосов, имело право послать своего делегата. Руководить всеми выборами должны были особо назначенные для этого представители Объединённого ЦК. Если не ошибаюсь, таких представителей было всего назначено шесть (трое большевиков и трое меньшевиков). В качестве одного из представителей от большевиков Ильич выдвинул мою кандидатуру. Так что вскоре мне пришлось поехать в свой избирательный округ. На мою долю выпала поездка в один из наиболее тяжёлых округов: меня назначили проводить избирательную кампанию на Востоке, т. е. в Самаре, на Урале и в Сибири.

Я прежде всего поехал в Сибирь. Здесь предстояла самая трудная задача — провести избирательную кампанию в то время, когда два «доблестных» генерала — Ренненкампф и Меллер-Закомельский — ликвидировали там восстание. Мне предстояло объехать Омск, Красноярск, Томск, Иркутск и Читу, важнейшие центры Сибирского союза. В Красноярск, Иркутск и Читу я попал в самый разгар военных действий. В Красноярске заканчивала уже своё существование Красноярская республика, в Чите Ренненкампф наносил последние удары читинскому вооружённому восстанию, а в Иркутске только что начиналось вооружённое восстание местного гарнизона. По всему

Великому Сибирскому пути шло бесчинство карательных отрядов. Не раз приходилось видеть избиения, порку и истязания, которым подвергались железнодорожные служащие и рабочие. Вся дорога была сплошным кошмаром. Здесь уже не было борьбы, борьба уже кончилась, здесь была голая, ничем не прикрытая месть победителей, глумление над побеждёнными.

Я очень плохо помню отдельные моменты из этой поездки. Помню одно избирательное собрание в Иркутске, которое было окружено казаками. Мы всё же довели его до конца, и затем пришлось улепётывать через заборы. Помню и выезд из Иркутска. На вокзале билетов не продают. Отправкой воинских эшелонов заведует комендант станции. Частные лица должны предъявлять удостоверение о благонадёжности от жандармского начальства, иначе выехать нельзя. У меня, конечно, никаких удостоверений нет, паспорт мой очень ненадёжный, а уехать нужно. Обращаюсь за советом к носильщику. За 25 рублей он устроил меня без билета.

В вагоне исключительно одни офицеры, всё молодёжь. Очень подозрительно смотрят на меня. Разговор среди них самый черносотенный. Взбираюсь на верхнюю полку, притворяюсь спящим. Через некоторое время слышу: шушукуются между собой. Оказывается, приняли меня за сыщика, только притворялись черносотенцами, а на деле все они революционно настроены, все участвовали в Чите в военной организации. Ну, тогда спокойно схожу, прошу их помощи. Моментально ребята достают кто офицерскую тужурку, кто шинель, одним словом, обмундировали меня настоящим офицером. Не успел я переодеться, как поезд останавливается посреди дороги. Мои спутники догадываются, что предстоит обыск и осмотр пассажиров. Немедленно создаётся вполне легальная обстановка. Раскладываются карты, появляется коньяк. Входит шестивие: впереди два сыщика с электрическими фонариками, затем кучка жандармов, обрюзглый генерал, а за ним военная свита. Сыщики освещают каждое лицо, заглядывают повсюду: под лавки, на верхние полки. Наша компания, и я в том числе, очевидно, не внушала никакого подозрения: уж больно типично армейская обстановка у нас получилась. Шестивие проходит дальше. После оказывается, что сам Медлер-Закомельский остановил и проверил наш поезд. Мы видели, как из соседних вагонов выволакивали

двух штатских, из них одного старика еврея — только за то, что еврей. За это «преступление» Меллер вешал или расстреливал на месте.

Помнится мне, нигде не удалось провести выборы так, как того требовала инструкция Объединённого ЦК. При всём желании провести свободное общее собрание всех членов партии в районе военных действий было совершенно немыслимо. Вообще, как это оказалось на съезде, наши большевистские организации, работавшие преимущественно в крупнопромышленных центрах, не имели возможности учесть при голосовании весь действительный состав членов партии. Выборы происходили либо при ликвидации, либо во время вооружённых восстаний. Наоборот, меньшевики посылали своих делегатов из таких мест (мелких городов, ремесленных центров и непромышленных областей), которые никаких массовых выступлений не пережили, где благодаря этому не наблюдалось ещё наступления реакции. При проведении выборов ЦК, в котором главную роль, несмотря на паритетность, играли меньшевики, сумел организовать дело таким образом, что нас, большевиков, отправляли представителями в районы, в которых заведомо ничего нельзя было сделать. Между тем своих, меньшевистских агентов ЦК отправлял в районы, в которых можно было бесконтрольно зачислять в организацию сколько угодно членов. Так, например, по совершенно нерабочему центру — Тифлису — послано было чуть ли не вдвое больше делегатов, чем от всего московского района.

На обратном пути в Москве я ещё застал выборы в самом разгаре. Моя кандидатура была выдвинута, если не ошибаюсь, в городском районе на собрании печатников и городских работников (сюда входили трамвайщики и рабочие городских электростанций). От них я получил мандат на съезд. Нам, делегатам, нужно было пробраться через петербургские явки. Оттуда мы попадали в столовку Технологического института, которая в то время служила главным штабом ЦК. Здесь работала Надежда Константиновна, именно к ней мы направляли наших делегатов²³.

У меня была особая инструкция насчёт одного делегата. Он хотя и работал в Москве, но Московский комитет его кандидатуры не выдвинул, так как совершенно не был доволен его работой и, кроме того, подозревал его в ряде

очень неблагоприятных поступков. К нашему большому удивлению, он всё-таки получил мандат от одной из провинциальных организаций. Именно в это время поступило заявление от одного старого члена партии, обвиняющее его в провокаторстве. Мне было поручено направить этого делегата на совершенно другую явку, откуда он должен был попасть в маленькое финляндское местечко и там уже выждать результатов расследования. Мы все, москвичи, были уверены, что этому делегату вместо съезда придётся остаться в этом местечке навсегда. По крайней мере мне удалось заручиться помощью финских боевиков, чтобы покончить с ним. Я жил с ним в течение нескольких дней, но, наконец, получил известие, что обвинение не доказано и я этого делегата могу направить на съезд. Очень мне этого не хотелось делать, потому что личное убеждение в нечистоплотности его у меня осталось. Но волей-неволей пришлось подчиниться и дать ему на этот раз настоящую явку.

Всех делегатов из Петербурга направили немедленно в Финляндию, в морской порт Ханко. При помощи революционно настроенных финнов («активистов») и финских социал-демократов мы получили для наших делегатов в Ханко несколько переселенческих бараков, где они должны были ожидать. Были заранее закуплены места на одном пароходе для отправки всех делегатов в Стокгольм, причём опять-таки при посредстве финских товарищей было получено обещание не требовать с нас при переезде заграничных паспортов. Когда я приехал, большинство делегатов было уже в Ханко. Они изнывали от тоски в этом маленьком местечке. Помещения, в которых приходилось жить, были далеко не благоустроены, кормили тоже неважно. Целые дни проходили в дебатах между меньшевиками и большевиками. Одно было хорошо — совершенно не приходилось бояться русских сыщиков. Финская полиция оберегала нас от них. Финляндия пользовалась ещё полной свободой.

Наконец, к великой нашей радости, нас погрузили на пароход, очень чистенький, очень комфортабельный. На этом пароходе ехало человек 125—130, почти весь съезд. Вечером мы, наконец, отчалили от Ханко. Ночь была тёмная и сильно туманная. Кроме нас на пароход были погружены скаковые лошади. И вот, чтобы их не укачало, капитан решил держаться шхер и по возможности дольше

не выходить в открытое море. Мы плыли уже несколько часов и уселись ужинать за роскошно сервированный стол, уставленный шведскими закусками. Наши ребята очень заинтересовались громадным самоваром с несколькими кранами, который стоял на конце стола. Особенно стали близко знакомиться с этим самоваром, когда убедились, что в нём не чай, а разного рода водки.

Только что мы почувствовали себя совершенно уютно за столом, как вдруг раздался сильный толчок — со стола полетела вся посуда, второй толчок и сильный треск — мы все оказались на полу в самых занятных позах. Выбежали на палубу — ни зги не видать, вокруг нас густой туман. Мы покачиваемся на одном месте... Команда суетится, командир что-то командует. Спускают лодки. Иду парламентёром к капитану, чтобы узнать, в чём дело. Говорит, что налетели, очевидно, на скалу, но где мы, далеко ли от берега — ничего пока ещё неизвестно. Спрашиваю, есть ли опасность. Говорит, что пока ветра нет, не опасно, а если подыметя ветер, можем перевернуться. Пока исследуют величину пробоины, ничего определённого сказать нельзя. Просит успокоить товарищей. Уславливаемся, что он будет держать меня в курсе дел, но пусть лучше товарищи пока не знают, что есть опасность. Он уверен, что в случае опасности все будут спасены.

Убеждаю Луначарского начать дискуссию с меньшевиками, чтобы занять время и отвлечь внимание. Недаром в тогдашних юмористических журналах любимой темой остроумцев были вечные споры меньшевиков с большевиками. Рассказывали в то время такой анекдот: двое полицейских ведут вешать двоих — большевика и меньшевика. Конвоиры хотят выпить, но боятся оставить арестованных. Однако, узнав, кто они, смело идут в кабак. Будь одни большевики или меньшевики, обязательно убежали бы, а раз те и другие вместе, заспорят и забудут про побег.

Так вышло и сейчас. Кто-то из большевиков изложил свою точку зрения на аграрный вопрос. Маслов стал оппонировать, разгорелся спор, и все забыли о том, что мы сидим на камне и ежеминутно можем опрокинуться.

Капитан мне сообщил, что пробоина очень большая, машины и нижние каюты залиты водой. Он велел раздать

всем спасательные пояса; лодки все спущены, надо ожидать худшего. Из-за тумана совершенно нельзя было определить, на каком мы расстоянии от берега, даже в каком направлении берег. Он начал подавать тревожные сигналы. Завыла сирена, и стали стрелять из пушек. Публика начала серьёзно волноваться, когда начали надевать пояса. Маслов сразу надел для верности даже два пояса. Но надел их так, что, если бы ему пришлось прыгать в воду, обязательно очутился бы в положении ваньки-встаньки: голова оказалась бы под водой. Наши ребята, среди которых Арсений (Фрунзе), Ворошилов, Большакова (Самойлова), Химик (Бубнов), все москвичи, ленинградцы, уральцы, сибиряки и прочие не теряют духа — затевают пение, пляшут вприсядку, чем приводят в умиление всю финскую команду.

Я боюсь только одного: как бы на наши тревожные сигналы не пришла нас спасти какая-нибудь канонерка или миноносец, или другое военное судно, крейсирующее вдоль берегов. От потопления-то она спасёт, но, забрав на свой борт, поинтересуется, каким образом такая большая компания русских попала на судно, идущее в Стокгольм, почему ни у одного из этих русских нет паспорта. Поинтересовавшись этими щекотливыми вопросами, не вздумали бы ещё наши спасители вместо Ханко или другого финляндского порта прямёхонько доставить нас в руки русской охранки. Эта перспектива казалась мне гораздо неприятнее, чем риск вплавь добираться до берега.

Маслов тоже очень беспокоился, но, как казак родом, он уверял всех, что он беспокоится больше всего о том, что если он утонет, то вместе с ним утонет и его аграрная программа, её, кроме него, никто не сможет защитить, а тогда Ленин, который ехал не с нами, наверное, проведёт свою национализацию. Мы смеялись над меньшевиками, говоря, что для пользы партии выгодно, чтобы пароход потонул. Здесь почти вдвое больше меньшевиков, чем нас, большевиков. Значит, с каждым большевиком погибнут двое меньшевиков, а за это стоит пострадать.

За пререканиями, спорами, песнями и плясками мы не заметили, как настало утро. Туман начал рассеиваться. Часов в 6 на горизонте показался дымок. Я пошёл к капитану справиться, какое судно подходит. Оказывается, лёдокол. Когда я узнал, что команда на нём не русская, а

финская, то совсем успокоился. Капитан очень лестно отозвался обо всей нашей компании:

— Если бы сегодня у меня была обычная буржуазная публика, была бы настоящая паника. А вы весело провели ночь, ни с кем истерик не случилось, очень хороший вы, видно, народ, сразу видно, что русские революционеры. Они ничего не боятся.

Нас всех спустили в лодки и пересадили на ледокол. Пароход с командой так и остался на камне. Когда совсем рассвело, стало видно, что мы наскочили на камень всего в нескольких милях от берега.

СТОКГОЛЬМСКИЙ СЪЕЗД

Через несколько часов мы были в Ханко; сейчас же снарядили делегацию в контору пароходства, чтобы добиться нового парохода, на котором мы могли бы с таким же комфортом уехать. Долго сидеть в Ханко было бы опасно. Слухи о крушении нашего парохода и о необычных пассажирах на нём могли проникнуть в печать и дойти до Петербурга. Мы настаивали на том, чтобы пароход был подан сегодня же; наконец, нам этого удалось добиться. Мы снова погрузились и поехали, на этот раз уже совсем благополучно, в Стокгольм.

В Стокгольме нас встретили раньше прибывшие товарищи, в том числе и Ильич. Мы, большевики, сразу сгруппировались вокруг него. Он был очень удручен тем, что нас приехало так мало. Очевидно, съезд будет меньшевистский — они нас будут подавлять голосованием по всем вопросам. А разногласия с ними обостряются всё больше и больше. Нам нужно как можно тесней сорганизоваться и добиваться единства в выступлениях. Авось удастся по некоторым вопросам отколоть от меньшевиков часть колеблющихся местных работников. Мы сильно сомневались в этом: с мест приехали самые заядлые меньшевики, среди которых совершенно не было рабочих. Разногласия у них только по аграрному вопросу. Тут далеко не все поддержат масловскую муниципализацию. В вопросах думских, в оценке революции — все они одним миром мазаны, все пойдут против нас.

Ильич заготовил нам помещение в одной или двух просторных гостиницах, чтобы жить всем вместе и чтобы можно было там устраивать фракционные заседания. Мы очень этому обрадовались. За дорогу мы, большевики, очень спелись и близко сошлись. Нас было 46 человек с решающим голосом и человек 10 — с совещательным; меньшевиков же было 64 с решающим.

Нам всем, большевикам, удалось устроиться вместе. Через молодых шведских социалистов (оппозицию официальной социал-демократии) мы устроились и с обедами в одной рабочей столовой, где нас дешёво и хорошо кормили.

Съезд происходил в рабочем дворце — большом мрачном здании, предоставленном нам для заседаний на всё время съезда. В тот же вечер мы устроили фракционное заседание, выбрали бюро фракции, наметили фракционных ораторов по важнейшим вопросам. Ильич тщательно знакомился со всеми делегатами. Он буквально с каждым новым, неизвестным ему товарищем успел поговорить, расспросить его, прощупать. Он здорово хохотал, когда Ворошилов на вопрос, как его зовут, ответил: Антимекон (меками мы звали меньшевиков, себя — беками, а болотных, неопределённых, — ни бе, ни ме). Вслед за ним и Самойлова решила назваться Большаковой. Ильич сразу почувствовал себя хорошо в нашей компании, и, действительно, подавляющее большинство наших проделали на местах громадную работу, все могли многое порассказать о настоящем массовом движении, в котором они непосредственно и самым активным образом участвовали.

Чем более мы знакомились с меньшевистскими депутатами, тем всё больше убеждались, что они отражают похмельное состояние всей интеллигенции, а не тех рабочих, которые в декабрьские дни случайно шли за меньшевиками. Тогда между нами и рабочими-меньшевиками не было никаких принципиальных разногласий. Они шли с нами вплоть до баррикад и партизанской войны, шли за нами в проповеди активного бойкота Думы, шли в конце концов и на окончательный разрыв с буржуазной оппозицией. Теперь меньшевики были в покаянном настроении. «По младости лет и по неразумению, мол, согрешили с большевиками: ввели они, окаянные, нас в искушение, свели с пути истинного». И, для того чтобы кого-нибудь из них не заподозрили меньшевистские генералы, что они и впредь будут грешить, они петушками забегали вперёд и всячески оплёвывали, вышучивали своё вчерашнее поведение и клялись и божились, что такое же покаянное настроение переживают все рабочие, а не только они.

Уже в первые дни съезда для большинства из нас стало ясно, что никакой единой партии мы с такого рода типами не создадим, что мы вернёмся со съезда с ещё

более острыми и ясно оформившимися разногласиями, чем до съезда. Первое время, в особенности до начала официальных заседаний съезда, Ильич ещё надеялся, что часть меньшевиков, если не по всем, то по некоторым вопросам, отколетя от общей массы меньшевиков. Ильич имел основания на это надеяться. Ряд заведомых меньшевиков категорически заявлял, что они ни к какой фракции не принадлежат и никакой фракционной дисциплине не подчинятся. Конечно, очень скоро это оказалось пустыми фразами. Вначале несколько меньшевиков, ссылаясь на свою нефракционность, просто-напросто требовали для себя права участвовать на наших фракционных заседаниях и играли тут роль меньшевистских лазутчиков. Мы их очень скоро разоблачили и с позором выставили с наших собраний. Правда, было много меньшевиков, искренно несогласных по многим вопросам с меньшевистскими лидерами (например Струмилин), но и они в конце концов подчинялись фракционной дисциплине и голосовали против собственных убеждений.

Помню, некоторые из наших делегатов, когда вполне определилась картина съезда, подымали вопрос о том, стоит ли вообще продолжать эту канитель, не лучше ли сорвать съезд и разъехаться по домам. Ильич на это не соглашался, говорил, что горячиться не нужно, съезд надо довести до конца, что мы объединимся не только с меньшевиками, но и с национальными социал-демократическими партиями. Поляки и латыши, безусловно, пойдут с нами по всем важнейшим вопросам, может быть даже и часть бундовцев. На этом съезде, правда, они ещё не имеют решающего голоса, но зато на следующем вместе с ними мы задавим меньшевиков. Если мы сорвём съезд, националы к нам, к одним большевикам, не присоединятся. А кроме того, говорил Ильич, рабочие массы не поймут сейчас раскола, у них настолько велика тяга к единой партии, что они осудят нас за срыв съезда. Меньшевики, взяв руководство партией в свои руки, на деле докажут, что они руководить не могут, что они фактически боятся революции. Вот тогда массы пойдут за нами в случае раскола.

Помню, мы очень много говорили по этому поводу на наших фракционных совещаниях и в конце концов решили всячески вызывать меньшевиков на полную откровенность, чтобы они договаривали до конца, чтобы по

всем вопросам ставили точки над и. Именно с этой целью мы решили предложить съезду пригласить с совещательным голосом наиболее типичного оппортуниста, который не боится доводить свою мысль до конца,— Акимова. Большевики в революцию не верили, считали её уже разбитой, но открыто об этом сказать боялись, чтобы окончательно не потерять авторитета в глазах рабочей массы. Пусть они теперь открыто отрекутся от Акимова, мы же сумеем сделать из этого практические выводы.

Я не думаю излагать историю работы Стокгольмского съезда: пришлось бы просто перефразировать доклад Ильича об этом съезде своим петербургским избирателям. Он полно и чётко изобразил картину работ съезда. Но я коснусь лишь того, чего Ильич в своём официальном докладе не мог касаться,— характера наших фракционных заседаний. Насколько неинтересно, а иногда прямо тошно становилось на официальных заседаниях съезда, на которых меньшевики проводили обеспеченным большинством голосов заранее заготовленные решения, настолько всё более интересными и поучительными становились наши фракционные заседания. Здесь нам удалось, действительно, учесть весь опыт бурного революционного года и окончательно определить нашу большевистскую тактику на предстоящий период.

Шведская социал-демократия приняла нас хорошо, предоставила нам своё помещение. Брантинг, глава партии, приходил к нам с приветственной речью, но, ссылаясь на необходимость для нас конспирировать, не допускал никакого общения с шведскими рабочими и даже с партийной массой. Более сердечно и тепло принимали нас «молодые», левая оппозиция официальной партии,— через них нам удавалось встречаться и беседовать со шведскими рабочими. Жизнь в Стокгольме и самый город очень нравились нашим делегатам.

Помню наше последнее фракционное заседание, когда решался вопрос, идти ли нам в центральные учреждения партии. Решили тогда в редакцию центрального органа никому не идти: работать с меньшевиками в одной газете, как это доказал опыт «объединительных» месяцев, совершенно невозможно. Нам нужно сохранить свою нелегальную газету «Пролетарий», которая будет впредь выходить как орган Петербургского, Московского окружного и Уральского комитетов и выпускать по мере возможности

легальные большевистские газеты. Мы тут же утвердили свой большевистский центр, который должен был руководить нами, как он и руководил до сих пор.

В заключение была выработана декларация большевистской фракции, в которой мы объявляли, что, поддерживая достигнутое единство всех социал-демократических организаций, мы оставляем за собой право продолжить теоретическую борьбу за проведение наших принципов. Мы попрежнему считаем, что только вооружённым восстанием, в которое под руководством пролетариата должно быть втянуто всё крестьянство, может быть достигнута победа. Далее мы указали на три важнейшие ошибки, которые сделал съезд: в аграрном вопросе, в вопросе о создании социал-демократической фракции в Думе и о вооружённом восстании. Но, несмотря на крупные наши разногласия, мы не пошли на раскол, потому что принятый на съезде организационный устав давал нам возможность использовать демократический централизм и автономию местных организаций для идейной борьбы внутри партии за правильную тактическую линию.

Съезд закончился; мы все уже разными путями разъехались по местам. Я по предложению Ильича должен был поехать на работу в Петербург.

I ДУМА

К нашему возвращению со съезда думская избирательная кампания была в полном разгаре. Наша партия воспользовалась временным ослаблением реакции в связи с выборами и очень широко использовала избирательную кампанию для широкой агитации среди масс. Вся буржуазная оппозиция пыталась поставить в центр внимания масс Государственную думу. Надо, дескать, создать наиболее оппозиционную Думу, добиться большинства голосов в ней, и Дума проведёт все необходимые для народа законы. Нашей задачей было разъяснить массам, что Дума, даже наиболее левая по своему составу, когда самодержавие сохранило в своих руках весь государственный аппарат, всю полноту власти, опирающейся на армию, полицию, жандармерию, суды, тюрьмы, при таких условиях ничего дать не сможет, она бессильна, с ней не будут считаться. Если она не будет поддакивать правительству, она будет попросту разогнана. Особенно важно было разбить «конституционные иллюзии» — слепую веру в Думу среди крестьян. В ожидании решений Думы крестьянские восстания начали было затихать.

Крестьяне полагали, что, дав наказ своим выборщикам провести в Думе решение по земельному вопросу, можно вполне успокоиться, сидеть сложа руки. Дума как средство против вооружённого восстания, как средство прекратить рабоче-крестьянскую революцию — так ставили вопрос все буржуазные партии, так в конечном счёте ставил вопрос и наш вновь избранный меньшевистский ЦК. Если ещё на съезде меньшевики боялись открыто признаться в том, что они не верят в революцию масс, то теперь они сразу забыли свои только что принятые резолюции. Тем самым они нам развязали руки.

Мы развили в массах бешеную агитацию и даже в меньшевистских районах проводили наши резолюции. Я помню большой митинг на Выборгской стороне, на котором мне пришлось выступать и который по преимуществу состоял из меньшевистски настроенных рабочих. Здесь громадным большинством голосов приняли предложенную нами резолюцию. Уже не раз в литературе упоминался ставший историческим митинг в начале мая в доме Паниной, на котором впервые выступил Владимир Ильич ²⁴.

Я до этого часто слышал Ильича на больших собраниях за границей, на съездах, на партийных собраниях, но мне ещё ни разу не приходилось слышать его на большом рабочем беспартийном собрании. Он и раньше всегда умел как оратор подчинять себе аудиторию, даже совершенно враждебную ему. Я помню, как вскоре после раскола на II съезде ему перед женевской колонией пришлось выступать с докладом о Парижской Коммуне. Рядом со мной на этом докладе стояла Засулич. Она от души ненавидела Ильича в это время, считала его единственным виновником раскола. Но, когда Ильич заговорил, когда он начал подробно анализировать значение Коммуны, лицо Засулич (я её наблюдал очень внимательно) осветилось хорошей, сочувственной улыбкой, и она вслух проговорила сама себе:

— Да, он настоящий вождь, он может повести массы.

Вот и сейчас, когда я слушал Ильича в доме Паниной, когда я следил за лицами многотысячной толпы, жадно слушавшей его, я видел, что вся эта толпа, не знавшая его, впервые его увидевшая (никто, кроме немногих товарищей, не знал, что это Ленин, он выступал под никому не известным именем Карпова), сразу признала его вождём. Это была блестящая речь. До него выступал уже ряд ораторов, в том числе меньшевики и кадеты. Но он сразу захватил всю толпу, никто не шелохнулся во всё время его речи. После него уже никого не хотели слушать и единогласно приняли предложенную Лениным резолюцию о неизбежной решительной борьбе рабочих и крестьян вне Думы, борьбе за полную власть народа, за всю землю для крестьян. Этот митинг с выступлением Ильича горячо обсуждался во всём рабочем населении Петербурга и заставил правительство принять самые крутые меры против

всяких митингов и предать суду устроителей митинга у Паниной.

Широко использовали мы и легальную печать. Ещё во время Стокгольмского съезда начала выходить наша газета «Волна», а затем «Эхо». Кроме того, выходил еженедельник «Вестник жизни». Все эти газеты были организованы как настоящие партийные массовые рабочие газеты. В чисто пролетарской обстановке редакции и в конторе газеты каждый рабочий чувствовал себя, как дома. Связь была установлена со всеми районами, с большинством предприятий. Рабочие сразу признали эти газеты своими и принимали все меры к тому, чтобы они действительно попадали в массы. Правительство накладывало арест почти на каждый номер. Но полиции редко удавалось действительно конфисковать номер. Обычно, когда пристав приходил в типографию с предписанием об аресте, он находил в типографии лишь несколько экземпляров. Остальные уже были унесены и разнесены. Началась настоящая игра в перегонки между полицией, с одной стороны, печатниками и разносчиками — с другой. Полиция стала являться в типографию раньше обычного часа выхода газеты, и всё же газета была уже отпечатана и унесена. На местах происходили нередко схватки между городовым, пытавшимся конфисковать у разносчика газету, и между рабочими, расхватывавшими её прямо из рук. В конце концов представители фабрик и заводов дежурили с вечера в типографии, подхватывали только что отпечатанные листы прямо со станка, прятали их под пальто и так разносили по предприятиям. Конечно, только признав газету своей газетой, петербургские рабочие могли проявить о ней столько заботы. Вокруг газеты удалось в это время сплотить широкие массы рабочих, партийных и беспартийных.

Я помню, как радовался Ильич, когда пришла немецкая брошюрка Каутского, в которой он решительно одобряет нашу тактику и по отношению к Государственной думе и по отношению к крестьянам. Ильич заставил меня сейчас же перевести эту брошюрку и написать о ней в «Вестнике жизни». Каутский в это время был ближе всего к нам и решительно несогласен был со всей позицией меньшевиков.

После окончания избирательной кампании и начала работ Думы открытые митинги были запрещены, прихо-

дилось снова устраивать их нелегально. Мы пользовались для этого аудиториями Технологического, Лесного, Политехнического институтов и Высших женских курсов, курсов Лесгафта. Но часто устраивали собрания и в лесу, в поле. Помню очень большой нелегальный митинг в Колпине, на котором мне пришлось делать доклад и который в конце концов был выслежен полицией. Нам, городским, пришлось добираться оттуда пешком, часть товарищей попала в болото и там просидела всю ночь.

Особенно хорошо запомнилось одно собрание в Смоленской школе, за Невской заставой. Большое, трёхэтажное здание каждый вечер было занято рабочими кружками, всякими профессиональными и партийными собраниями. Официально там значились общеобразовательные курсы для взрослых рабочих. И вот под видом этих курсов проводились всякие нелегальные собрания. На этот раз там должен был состояться доклад какого-то эсера по аграрному вопросу. Петербургский комитет (ПК) командировал меня на этот доклад, чтобы разделить эсера. Зал в верхнем этаже был переполнен до отказа, нижние же этажи были заняты другими собраниями. Во время доклада я взглянул в окно и увидел, что полиция и войска окружают здание училища. Публика бросилась к выходу, но вся лестница была уже занята войсками. Мы оказались в ловушке и должны были терпеливо ждать, пока очистят нижние этажи и доберутся до нас. В окно мы видели, как из нижних этажей выводят публику партиями, человек по пяти-десяти, и под конвоем отправляют в участок. Часть окон выходила на задний двор; вначале и там была стража, но потом её сняли, очевидно, для конвоя арестованных. Рядом со мной стоял один рабочий и говорил, что, если бы выпрыгнуть вниз на сарайчик под нами и перескочить через забор, можно попасть на двор фабрики Максвелля, а оттуда уж ничего не стоит выбраться. В это время вижу, как другой рабочий, здоровенный парень, одним ударом выставил раму и прыгнул вниз. Это решило все мои сомнения: я тоже прыгнул; за мной, как горох, начали сыпаться вниз и другие. Всего нас за забором оказалось человек 15. Но, как только мы пошли по двору фабрики, собаки подняли лай, к нам подбежали дворники — они сразу догадались, в чём дело.

— Что, ребята, из школы сиганули? Ну, айда, выведем вас в переулочек, откуда уйдёте!

И, действительно, проводили нас в переулок, там мы распрощались и пошли по разным сторонам. Я имел ещё наглость подойти к воротам школы и спросить городского, что там происходит.

— Проходи, не твоё дело!

Я ему поверил, что теперь уже не моё дело, сел на паровичок и поехал в город. Я застал комитет в университете, в физической аудитории, рассказал об аресте собрания и о том, что, очевидно, следует ждать арестов на квартирах.

Наряду с широкой агитацией, которую развивал в это время ПК, наш центр не прекращал и техническую подготовку к восстанию. Очень конспиративно работало техническое боевое бюро под руководством Красина. Он сам был инженером-химиком и работал в то время лаборантом в Технологическом институте.

Мы всё это время стояли на точке зрения необходимости широкой партизанской войны.

Даже меньшевики на съезде, высказываясь против эксков у частных лиц, не решались категорически запретить широкий массовый террор. Мы вполне сочувствовали такому террору в это время и отнюдь не отказывались от частичных боевых выступлений наших дружин как против отдельных представителей власти, так и для захвата оружия и казённых денег. Мы принципиально ничего не имели и против боевых союзов в этих целях с другими боевыми организациями.

Большую работу проделала в это время и военная организация — связи в войсках росли непрерывно. Даже в Семёновском полку, принявшем самое активное участие в подавлении московского восстания, в это время велась большая работа, и он был в значительной степени «разложен» нашей пропагандой. На солдат, в громадном большинстве состоявших из крестьян, очень сильно действовало отношение правительства к крестьянским требованиям, единодушно предъявленным всеми депутатами в Думу от крестьян. Наша организация сумела отлично использовать этот момент в подходе к солдатам, среди которых, в особенности среди принимавших участие в подавлении восстания, наблюдалось в связи с созывом Думы большое возбуждение.

Сильное движение было в это время среди безработных. В Петербурге их насчитывалось очень много, вслед-

ствие продолжавшегося локаута на многих крупных металлических заводах. Среди безработных составила организация «Совет безработных», во главе которой стоял Сергей Васильевич Малышев, прославившийся в особенности после удачно проведённой под его руководством забастовки каталей. Галерная гавань и весь прилегающий к ней район находились в полном владении безработных. Очень часто, когда хотелось удрать от шпиков, направляешься в Галерную гавань, и самый назойливый шпик не осмеливается заходить в этот район. Там можно было свободно собираться. Василеостровская организация, в которой я преимущественно работал в это время, очень часто пользовалась этим районом для конспиративных целей.

Но в общем в самом Петербурге работать становилось всё труднее. Слежка усиливалась, и всё труднее было подыскивать подходящие для собраний помещения. Тогда было решено использовать для митингов и собраний соседние дачные места в Финляндии. Ильич тоже переселился в Куоккала, в деревню, расположенную недалеко от Белоострова, пограничной станции, отделяющей Финляндию от России. Ильич жил на маленькой дачке «Ваза». Сюда очень часто приезжали петербургские работники. Здесь, на даче, происходило не одно важное совещание. Я тоже поселился в Финляндии на две станции дальше Куоккала — в Тюрсеве. Нанял маленькую сторожку в одну комнату, что-то очень дешёво брали с меня за неё. Каждую субботу из города приезжали рабочие того или иного района, и в Териокском лесу мы устраивали митинги. Кроме меня на этих митингах приходилось очень часто выступать А. В. Луначарскому, приезжали туда и другие члены комитета, а также социал-демократы депутаты I Думы. Кроме нас выступали иногда и эсеры, а иногда даже осмеливались выступать и кадеты, но мы им задавали такую трёпку, что небу становилось жарко. Здесь, в лесу, мы чувствовали себя вполне свободно, на наши митинги приходила иногда и вся дачная публика. Кроме дачников здесь жило много русских рабочих, строительных и огородных. Я решил организовать из этих рабочих вместе с рабочими финнами группу содействия в организации постоянных митингов для петербургских рабочих. С этой группой я вёл постоянную кружковую работу. В распоряжение нашей группы местная финская ор-

ганизация партии предоставила свой рабочий клуб, где можно было собираться в случае дождя. Члены группы организовали охрану митингов и собраний.

Между нами и меньшевиками в это время шли непрерывные бои по вопросам думской тактики. Дан вёл переговоры от имени ЦК с кадетами, обещая поддержать их требование министерства из думского большинства. Вообще ЦК взял курс на сближение с кадетами, отрицал всякую внедумскую работу партии, не направленную на поддержку Думы в целом. Под руководством Ильича ПК по каждому из этих спорных вопросов выставлял свою резолюцию в противовес резолюции ЦК. На всех собраниях особенно много толковали о «чашке чая», на которую приглашали наших цекистов, и в частности Дана, кадетские лидеры. Конечно, об этой «чашке чая» и связанной с ней поддержкой думского министерства было немало споров и на наших териокских митингах.

На одном из этих митингов, на который приехало очень много товарищей из Петербурга и собралось очень много дачной публики, выступали Луначарский, какой-то меньшевик и я. Мы с Луначарским говорили очень резко. Он говорил о зверствах царского режима, причём как-то вскользь сравнил николаевский режим с турецкими жестокостями по отношению к армянам. Большевик говорил о легальной борьбе при помощи Думы, о думском министерстве, которого мы должны требовать. Я в заключение говорил о вооружённом восстании, к которому мы должны готовиться, и, между прочим, сказал, что необходимо крепостьям, у которых сыновья служат солдатами, воздействовать письмами на них, чтобы они не шли против отцов и не стреляли бы в народ. Как после выяснилось, в числе наших слушателей оказался чуть ли не директор департамента полиции, бывший случайной на даче. Надо заметить, что на всех наших митингах неизменно присутствовали финские полицейские, в большинстве случаев члены социал-демократической партии. Они очень плохо понимали русский язык, но присутствовали исключительно для того, чтобы наблюдать за внешним порядком.

Как-то, когда я через несколько дней проходил мимо здания териокского местного суда, оттуда выбегает судья, догоняет меня и говорит: «Слушай, пожалуйста, приходи в субботу в суд, мы тебя судить будем, очень просим прийти,

ленсман (местный исправник) очень просит прийти, мы не знаем твой адрес, потому не можем послать повестку». Я зашёл к Луначарскому и у него узнал, что он, как легально прописанный, получил форменную повестку на субботу. Получил повестку и меньшевик. Меня полиция разыскивала — знает, что меня зовут Лядовым, но, где я живу, не знает. Жил я, конечно, под другим именем. Мы посоветовались, что делать, и решили, что будет даже интересно судиться по финляндским законам.

Действительно, финляндский суд представлял из себя нечто для нас совершенно непривычное. Приехали так называемый коронный судья (юрист) и шесть членов коллегии судебных заседателей из местных крестьян (один из них и пригласил меня таким оригинальным образом). Обвинителем является местный ленсман. Обвиняемые и защитники (а меньшевик, испугавшись, пригласил известного адвоката в качестве защитника) во всё время суда должны стоять. Для нас, правда, сделали исключение и позволили нам сесть. Зал был переполнен местными и петербургскими товарищами. Ещё до суда обвинитель подошёл к нам и извинился за то, что он начал дело: «Я тут ни при чём, это русский департамент полиции потребовал через наш финляндский сенат, чтобы я вас привлёк к ответственности».

Дело началось с того, что судья потребовал от меня, чтобы я назвал себя. Я заявил, что у меня нет никаких оснований скрывать от финляндского суда своё имя и звание, но у меня есть все основания скрывать своё имя от русской полиции. Я могу сказать лишь при условии, если моё имя не будет фигурировать в протоколе и если оно не попадёт в печать. Судья, посоветовавшись с заседателями, обещал, что моё имя останется в тайне. Я на ухо шепнул судье своё настоящее имя, и он, действительно, во всё время разбирательства дела не упоминал о нём. Остальные обвиняемые были суду известны. Ленсман прочёл обвинительный акт. Нас обвиняли в призыве к вооружённому восстанию и в оскорблении царя. По финским законам за эти преступления грозит 20 лет каторжной тюрьмы.

Начался допрос свидетелей — в качестве таковых выступили полицейские. Первым допрашивался местный комиссар. Он говорил, что по долгу службы он узнал про митинг в лесу, присутствовал на нём.

— Лядов был председателем, все были очень довольны и много хлопали, я был также очень доволен, порядок был хороший, никакого скандала не было, я тоже хлопал.

На вопрос судьбы, что же говорили, комиссар отвечал, что он занят был наблюдением за порядком и потому не слышал, что говорили. В таком же роде были ответы и всех остальных свидетелей-полицейских. Дело принимало для нас очень выгодный оборот. Но ленсман просил отложить суд до следующей недели, он обещал представить новых свидетелей, которые дадут более подробные показания.

Сейчас же после окончания этого суда я всем предложил отправиться в обычное место для митинга. На митинг пошли и свидетели и часть судей. Митинг прошёл очень оживлённо и затянулся до последнего ночного поезда. Все присутствующие обещали приехать к следующему разбирательству дела.

В следующее воскресенье ленсман подготовил более удачных свидетелей. Они выяснили, что меньшевик очень просил дать кадетское министерство, Луначарский сравнивал царя с султаном турецким, а я рекомендовал писать письма к солдатам, чтобы они не стреляли. Мы в этих преступлениях чистосердечно сознались, только меньшевик просил отметить в протоколе, что он просил не кадетское, а думское министерство. После краткого совещания судья вынес постановление, что просить кадетское или думское министерство не только не является преступлением, но выражает гражданскую зрелость обвиняемого, что сравнивать царя с другой коронованной особой, какой, несомненно, является турецкий султан, тоже не является преступлением. Поэтому и меньшевик и Луначарский должны быть оправданы. Может вызвать сомнение мой призыв к солдатам. Но ведь я, судя по свидетельским показаниям, не предлагал им убивать кого-нибудь, а, наоборот, предлагал, чтобы они не убивали, значит, и тут нет никакого преступления, поэтому суд и меня оправдал. На этот раз мы устроили митинг прямо тут же в зале суда, так как на дворе шёл дождь. Суд же заседал в помещении Народного дома.

Приблизительно года через полтора я как-то опять попал в Финляндию и случайно встретил ленсмана. Он очень

обрадовался, встретив меня, и рассказал, что по отношению ко мне департамент полиции потребовал, чтобы моё дело рассматривалось вновь в Выборгском окружном суде. Там я тоже был оправдан. А сейчас дело передано в Гельсингфорсский сенат, и он разыскивал меня, чтобы сообщить об этом, но никак не мог меня поймать. Я обещал зайти к нему, чтобы получить копию постановления, но, приходится признаться, надул его. Жил я уже по другому паспорту, и менее всего хотелось иметь дело даже с финляндской полицией. Так я и не узнал тогда, получил ли я в Гельсингфорсе те 20 лет каторги, к которым меня хотели присудить.

РАЗГОН ДУМЫ

Эти собрания в лесу под охраной финляндской свободы мы не прерывали до наступления реакции в Финляндии. Пока же реакция наступала только в России, и наступала самым решительным образом. Живя в Финляндии, я продолжал работать в Петербургской организации. Кроме постоянной пропагандистской работы я получал наряды на выступления в разных районах, довольно часто приходилось ездить на Охту и на Пороховые заводы. На 8 июля за Пороховыми заводами был назначен большой митинг, в котором кроме рабочих должны были участвовать и многие крестьяне из окрестных деревень. На этом митинге кроме меня должен был выступить депутат I Думы меньшевик Рамишвили. С ним мы должны были встретиться рано утром на вокзале. Ожидая его, я купил газету и неожиданно читаю, что Дума разогнана, что в Петербурге объявлено военное положение. Рамишвили ещё ничего не знает, мы с ним советуемся, какой тактики нам держаться на митинге, к чему призывать рабочих и крестьян, которые, наверное, ещё ничего не знают. Ведь собрались они, чтобы заслушать доклад о работе нашей думской фракции. Что же им говорить теперь? Получить директиву комитета я не мог, надо было торопиться на митинг. Я предложил Рамишвили сейчас ни к каким действиям не призывать, но настаивать на усиленной подготовке к совместному выступлению по призыву организации.

Я полагал, что наш большевистский ПК вряд ли призовет в связи с роспуском Думы к восстанию. Плохо верил и в то, что Дума сама решится оказать противодействие роспуску. Рамишвили же был уверен, что Дума не захочет разойтись, что она объявит себя Учредительным собранием и обратится к народу.

Пятитысячная толпа рабочих и крестьян, собравшаяся на митинг за Пороховыми заводами, как мы и предпола-

гали, не знала ещё о разгоне Думы. Известил их об этом в своей речи Рамишвили, и это произвело на них очень сильное впечатление. Настроение было такое, что если бы мы позвали толпу идти сейчас на защиту Думы, то все бы пошли как один человек. Я в своей речи подчеркнул, что наше дальнейшее поведение будет зависеть от того, как отнесётся сама Дума к своему разгону: если она безмолвно подчинится и разойдётся, тогда не стоит такую Думу и защищать, если же она обратится к народу с призывом поддержать её общим восстанием, если она попытается сама встать во главе восставшего народа, то наша партия и все остальные революционные партии примут все меры к тому, чтобы организовать действительно всеобщее вооружённое восстание. Пока надо к нему готовиться, не распылять силы на частичные выступления, надо подготовиться, чтобы выступить по первому призыву. Приблизительно такого содержания резолюция была единогласно принята.

После митинга один из местных товарищей пригласил нас к себе закусить и отдохнуть до отхода поезда. Когда мы после этого подходили к станции, другой товарищ сообщил мне, что подслушал разговор между сыщиком, присутствовавшим на митинге, и жандармом. Они совещались, где удобнее арестовать меня. Здесь они не рискнули, боясь, что рабочие отобьют, и решили проводить до Петербурга и там арестовать. Действительно, мы заметили, что за нами идут два подозрительных типа. Рамишвили, как депутата Думы, они, очевидно, решили не трогать. Я подумал, что если останусь здесь, то при начавшейся слежке могу только подвести кого-либо из местных товарищей, а спрятаться вряд ли удастся. Решил всё-таки ехать в Петербург. Как только мы сели в вагон, на обе площадки вскочили жандармы. Поезд тронулся. Сознание, что на вокзале меня арестуют, было очень неприятным, особенно теперь, когда, несомненно, должны были развернуться крупные события. Небесело было на душе. Но вот на какой-то станции уже около Петербурга на одну площадку вскочил ещё один жандарм. Они о чём-то заговорили. Как только поезд тронулся, мне пришла в голову мысль рискнуть. На мне была белая фуражка; я, ни слова не говоря, бросаю её Рамишвили, стаскиваю с него чёрную широкополую шляпу, напяливаю её на себя и иду по направлению к двум разговаривающим жандармам, прохожу мимо них и соскакиваю

на ходу с поезда. Как я и предположил, они, действительно, не обратили на меня внимания. Я полежал несколько минут под откосом, затем спокойно направился к ближайшему трактиру, взял извозчика и поехал на Финляндский вокзал.

Потом Рамишвили рассказывал мне, что, уже только подъезжая к Петербургу, жандармы, заметив моё отсутствие, сильно заволновались, начали заглядывать под лавки... На вокзале к приходу поезда собралась целая орава полицейских и сыщиков, очевидно, предупреждённых по телефону. Препотешная была картина, когда оказалось, что жандармы меня проморгали.

На Финляндский вокзал я попал как раз к отходу поезда. Первым, кого я увидел в вагоне, в который вскочил уже на ходу, оказался Мартынов. От него я узнал, что в этом поезде едут депутаты Думы в Выборг, чтобы там решить, что делать дальше. Мартынов, как представитель меньшевистского ЦК и руководитель социал-демократической фракции Думы, был в очень подавленном настроении.

— Вот,— сказал он мне,— доигрались, и всё благодаря вашей большевистской тактике. Это вы всё толкали фракцию и Думу на обращение к народу. Теперь Думу разогнали, начнётся реакция, у нас уже не будет парламента. Вместо спокойной органической работы, которая постоянно объединяла бы вокруг себя весь народ, ваш Ленин толкал Думу на революционные выступления. Вот теперь дождались!

Он был очень возмущён и, конечно, во всём обвинял нас, большевиков. Я спрашиваю его, неужели Дума так покорно разошлась без протеста.

— Да, вот едем в Выборг, конечно, не все едут. Будем пробовать провести какое-нибудь решение. Но вряд ли удастся: среди депутатов настроение паническое.

Походил я после этого по вагонам и, действительно, убедился, что настроение более чем паническое. Большинство разговоров сводилось к тому, как кто думает спастись. Некоторые цинично хвастались, что они, предвидя события, предусмотрительно запаслись заграничными паспортами и думают прямо из Выборга махнуть за границу. О каком-нибудь противодействии никто и не думал. Я невольно сравнивал настроение этих трусливых мещан, которые прежде всего думают о спасении своей никчёмной

шкуры, с настроением того митинга, с которого я только что попал в поезд. Там рабочие и крестьяне готовы были идти на смертный бой вот за этих жалких людишек, которые больше всего боятся того, чтобы их не вовлекли в какую-нибудь опасную для них авантюру. Я рад был, что, не зная обстоятельств дела, уговорил собравшихся на митинг спокойно ждать дальнейших событий и не выступать сейчас. Было бы обидно жертвовать хоть одной каплей человеческой крови ради этих трусливых мешан. И нужно прямо сказать, что паникой были одинаково заражены и кадеты и так называемые левые из трудовиков и меньшевиков. За всю дорогу до Выборга я не слышал в вагонах ни одного доброго слова, не видел ни малейшего желания борьбы.

Я направился в Куоккала, к Ильичу, чтобы проинформировать его обо всём. У Ильича я уже застал кое-кого из петербуржцев. Они совещались о том, как реагировать на роспуск Думы. Я передал всё, что видел и на митинге и в вагоне, и самым горячим образом доказывал, что надо провалить лозунг ЦК о всеобщей забастовке как протесте против разгона Думы. Ильич также решительно был против того, чтобы устраивать во имя Думы какие-нибудь забастовки, протесты. Лозунг ЦК, говорил он, необходимо во что бы то ни стало сорвать, как вредный лозунг. Сейчас нельзя говорить о забастовке, не говоря о восстании, в которое неизбежно выльется всякая забастовка при военном положении почти по всей России. Сейчас, без подготовки, это может вылиться в ряд стихийных бунтов, которые — каждый в отдельности — будут подавлены. Под лозунгом «за Думу» общего восстания не вызовешь. Нашим лозунгом должен остаться старый лозунг — полномочное Учредительное собрание после победы всеобщего вооружённого восстания, после свержения самодержавия. К восстанию надо сейчас же готовиться, всюду организуя дружины, десятки вооружённых людей, которые должны вести партизанскую войну, нападать на представителей правительства, на карательные отряды, на помещиков. Особенно важно бросить этот лозунг в деревнях: там эти десятки должны руководить нападением крестьян на барские усадьбы, захватом помещичьих земель.

В разговоре с нами Ильич говорил именно то, что он (кажется в этот же день) начал писать в своей брошюре «Роспуск Думы и задачи пролетариата». Петербургские

товарищи поехали сейчас же в город, чтобы начать кампанию по районам, а мне Ильич поручил направиться в Выборг, разыскать поехавшего на собрание думских депутатов Богданова и посоветовать взяться за обработку рабочих депутатов-трудовиков и представителей революционных организаций, чтобы добиться решения в смысле вышесказанного. Я попал в Выборг поздно ночью. С трудом удалось вызвать из зала заседания Богданова и передать ему поручение Ильича. Он говорил, что вряд ли что удастся сделать. Меньшевики и трудовики в паническом настроении. Сейчас договариваются об общем обращении к народу, но боятся это сделать от имени Думы, признали себя частным совещанием депутатов, о каком-нибудь призыве к восстанию боятся и упоминать. С трудом проходит в комиссии даже призыв к пассивному отказу давать рекрутов и платить налоги. Все хотят остаться на почве лояльности.

Лишь через несколько дней после неудачного «выборгского кренделя», как зло окрестили питерские рабочие злощастное собрание думцев, меньшевистский ЦК уже под давлением резолюций ПК пошёл вместе с эсерами, трудовиками, крестьянским, железнодорожным и учительским союзами на выпуск «манифестов» к крестьянам, солдатам и матросам с призывом к восстанию. А между тем в день роспуска Думы в Петербурге царило такое настроение, что, если бы хотя часть думцев, хотя бы только левое крыло Думы апеллировало к Петербургскому гарнизону, призывало бы его к восстанию, само стало бы во главе восстания, солдаты пошли бы за Думой, и это нашло бы широкий отклик повсюду. Но депутаты Думы, в том числе и левого крыла, оказались настолько мало революционными, что им даже не пришла в голову эта мысль. Первый момент был упущен, вся Дума скомпрометировала себя, и всё движение вылилось в ряд не связанных друг с другом восстаний. Все эти восстания оказались совершенно неподготовленными, неорганизованными и никоим образом не могли вылиться в общерусское восстание.

Между тем Столыпин после разгона Думы пошёл на самые неслыханные репрессии. С одной стороны, военно-полевые суды и карательные отряды, а с другой — разгул организованной правительством чёрной сотни. Одной из первых жертв черносотенных убийц был депутат I Думы кадет Герценштейн. Это был типичный правый кадет,

который больше всего боялся революции, а не самодержавия. Убили его в Териоках. Кадетские и интеллигентские союзы решили организовать ему торжественные похороны. Наша териокская группа решила использовать эти похороны для большевистской демонстрации. Мы знали, что из Петербурга придет много рабочих, и решили чинным кадетским похоронам придать немного революционного духа. Действительно, перед самими похоронами приехало несколько сот рабочих во главе с Сергеем Малышевым. Демонстрация прошла более чем удачно. К великому огорчению кадетов, их кисло-сладкие речи потонули в наших революционных речах.

СВЕАБОРГСКОЕ ВОССТАНИЕ

Цуть ли не на следующий день после похорон пришло известие, что в Кронштадте началось восстание. Я сейчас же поехал в Петербург. Как только я пришёл на явку в столовую Технологического института, мне сообщили, что ЦК постановил отправить меня в Свеаборг, где началось восстание, но где мало наших сил. Надо сейчас же ехать туда. Я просил, чтобы ЦК дал мне директивы, как отнестись к восстанию: расширять ли его или стремиться локализовать и свести на нет; что должен я от имени ЦК сообщить восставшим: могут ли они рассчитывать на поддержку со стороны рабочих, хотя бы в Петербурге? Но, увы, мне было категорически заявлено, что члены ЦК никаких инструкций дать мне не могут — они сами не знают, где ещё можно ожидать восстаний. Со слов эсеровских цекистов знают, что готовится восстание во всём флоте, но, насколько это верно, они не знают. Я должен ехать, и там, на месте, будет видно, что делать; мне поручают действовать там от имени ЦК.

Надо было торопиться, поэтому я не успел заехать к Ильичу и посоветоваться с ним. Я сейчас же отправился в Гельсингфорс. Там у меня были связи среди финских социал-демократов. Они указали мне, что с нашей военной организацией я могу связаться через нашего агента В. М. Смирнова²⁵, который служит библиотекарем в Гельсингфорсском университете. Тут же они мне рассказали, что восстание, очевидно, уже подавлено. Сейчас силы восставших сконцентрированы на Михайловском острове, отсюда слышна сильная канонада и подошли какие-то суда, неизвестно — на помощь восставшим или против них. Смирнов меня свёл с нашими военными работниками. Они меня сейчас же информировали о положении вещей. Дело проиграно. Наша организация самым решительным образом была против восстания, считая его совершенно непод-

готовленным. Восстание в минной роте, находившейся под влиянием эсеров, началось стихийно. Эсеры спровоцировали выступление заявлением, что в Ревеле весь флот восстал, что в Кронштадте восстание продолжается, между тем никаких точных сведений о Ревеле не было, а насчёт Кронштадта уже вчера было известно, что восстание подавлено. Наши связи были главным образом в стрелковых полках и в артиллерии. Когда минёры восстали, волей-неволей пришлось вызвать на поддержку и стрелков. Все силы восставших были сосредоточены на двух островах, оттуда обстреливался Комендантский остров, на котором сосредоточились все власти.

Финская Красная Гвардия обещала содействие, но никакой реальной помощи не оказала. Что сейчас делается, они не знают и не знают, какой им дальше держаться линии. В общем, по их словам, заранее можно было понять, что вся затея была с самого начала обречена на неудачу.

Я высказал своё мнение, что вопреки решениям меньшевистского ЦК я считаю весь этот призыв к отдельным восстаниям авантюрой, что нужно как можно скорей и безболезненней ликвидировать всё дело, начать восставшим переговоры с перепуганным военным начальством, которое охотно пойдёт на мирную ликвидацию, без репрессий. Всех замеченных зачинщиков и вождей из солдат и матросов надо сейчас же переправить за границу. Пока мы обсуждали, пришёл один из товарищей, только что приехавший с острова, и сообщил, что утром показались на горизонте дымки двух приближающихся военных судов. Моряки издали узнали, что суда идут из Ревеля. По сведениям, за достоверность которых ручались эсеры, экипаж обоих кораблей революционный и шли они, очевидно, на помощь восставшим. Считая своими, их допустили за линию обстрела островных тяжёлых дальнобойных орудий, которые могли легко потопить оба судна. Устроили им торжественную встречу, отправили к ним шлюпку, на которой поехали наши товарищи, фактические руководители восстания, офицеры Кохановский и Емельянов. Броненосец «Слава» принял на борт экипаж шлюпки. Оба корабля подошли к острову на такое расстояние, что тяжёлая артиллерия была бессильна отвечать, и начался ураганный обстрел беззащитного острова. Экипаж обоих кораблей оказался сплошь из офицеров и гардемарин. Восставшим пришлось сдаться.

Таким образом, мне вместе с товарищами действительно пришлось вместо руководства восстанием заняться исключительно его ликвидацией и спасением от расстрела матросов и солдат. В этом отношении нам удалось почти всех, кто не был расстрелян при десанте с кораблей, спасти и препроводить за границу. Тут громадную помощь нам оказали финляндские товарищи, в особенности один старый социал-демократ, владелец винного склада. Он лично прятал у себя очень многих и вообще о каждом попавшем к нему на попечение заботился, как родной отец. Я очень жалею, что никак не могу припомнить его имя²⁶. Он вообще с особой нежностью относился к нам, русским, и ни разу и в дальнейшем не отказывал в своей помощи нашей партии. Насколько помню, нам удалось отправить за границу человек 80 наиболее энергичных, активных солдат и матросов.

Вскоре, конечно, начались массовые обыски и аресты. Товарищи ввиду страшного недостатка в работниках в Гельсингфорсе настаивали, чтобы я остался там работать. Меня самого заинтересовала работа, которая здесь велась, и я остался. Кстати, мне хотелось осуществить свою заветную мечту, с которой я давно носился, — засесть за историю нашей партии.

С наступлением реакции нам опять пришлось уйти в подполье. Для меня было ясно, что масса новых товарищей, вовлечённых в наши партийные ряды, совершенно не знает истории нашей партии, наших старых подпольных традиций. Поскольку дело касалось открытой борьбы в бурный 1905 год, когда вся партия перестраивалась для почти легального существования, когда в низах сгладились разногласия с меньшевиками, можно было не интересоваться историей нашей партии. Но теперь, когда снова приходилось работать в подполье, без знания истории партии обойтись было невозможно. Я считал, что, работая в Гельсингфорсе, можно будет параллельно работать и над историей. Для этого были условия, какими я не мог пользоваться в России: во-первых, я мог снять комнату — при нелегальном существовании в России это было бы невозможно; во-вторых, здесь в университетской библиотеке был очень хороший подбор всей нашей нелегальной литературы и вообще всей заграничной литературы других партий. Этой библиотекой я мог пользоваться свободно благодаря нашему товарищу Смирнову, заведовавшему

ею. Кроме того, я рассчитывал, и мне это действительно удалось, выписать из-за границы свою довольно богатую библиотеку, оставленную в Берлине. В результате мне удалось месяца за полтора, проведённых в этот раз в Гельсингфорсе, написать и закончить первую часть «Истории Российской социал-демократической партии»²⁷.

Попутно я вёл пропагандистскую работу как среди солдат, так и среди довольно многочисленных русских рабочих. Одновременно пришлось также близко сойтись с финнами, как социал-демократами, так и «активистами» (радикальная партия). Я поместил несколько статей в «Тюомиесе» (центральном органе социал-демократов, выходящем на финском языке) и в «Арбейторен» (журнале, выходящем на шведском языке). Писал я либо по-русски, либо по-немецки, и мои статьи переводились на шведский или финский язык.

Среди финнов социал-демократов было два течения. Одно сильно напоминало наших меньшевиков. Они стояли на точке зрения исключительной лояльности и законности, переоценивали значение своего парламентаризма, очень отрицательно относились к формированию Красной Гвардии. После неудачного свеаборгского восстания они считали, что будет лучше, если русские революционеры будут бороться с самодержавием у себя в России и не будут впутывать финнов в это дело. К этому течению принадлежала вся интеллигентская и в значительной степени крестьянская часть социал-демократов. Наоборот, почти все социал-демократы рабочие стояли на революционной позиции, входили в ряды Красной Гвардии и очень сочувственно относились к нам, большевикам.

Буржуазные, либеральные и даже радикальные («активисты») финляндские партии после покушения нескольких латышей на ограбление финляндского банка устроили форменную травлю русских революционеров. Я выступил в «Тюомиесе» с резким протестом против этой травли и напомнил, что та свобода, которою финны сейчас пользуются, добыта именно русским пролетариатом, нанёсшим под нашим руководством в октябре — декабре 1905 г. жестокий удар самодержавию. Без этого удара, одними своими силами, им, конечно, невозможно было получить ту демократическую конституцию, которой они сейчас пользуются. И пусть они не утешают себя надеждой, что, если будет сломлена и задущена революция в России, им

удастся сохранить свободу и демократический строй у себя. Как только самодержавие в России восторжествует окончательно над русскими революционерами, дальнейшие удары реакции обрушатся и на финнов. В их интересах, следовательно, помогать нам или, по крайней мере, не мешать нам бороться.

Статья получилась очень сердитая и резкая. Вся социал-демократическая печать её перепечатала, вся буржуазная печать отозвалась на неё. Мне ещё несколько раз пришлось участвовать в сильно разгоревшейся полемике.

Пришлось выступать и на больших собраниях, которые обычно собирались в большом зале Политехнического училища. Помню, на одном таком многолюдном собрании я закончил свою речь патетическим восклицанием: «Если вы нас теперь не поддержите, если поможете царю восторжествовать над русской революцией, ваши дети и внуки будут вас проклинать за это, потому что им придётся на себе испытать всю тяжесть царской реакции!».

Единогласно была принята резолюция, резко осуждавшая те газеты, которые травили русских социал-демократов.

КОНФЕРЕНЦИЯ ВОЕННЫХ И БОЕВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РСДРП

По приглашению Московского и Петербургского комитетов я принимал участие в первой конференции военных и боевых организаций²⁹. Мне было поручено сделать на этой конференции доклад о текущем моменте. Конференция должна была состояться в Финляндии, в Таммерфорсе. Само собой разумеется, что она должна была быть созвана очень конспиративно. Ведь почти всем участникам конференции в случае ареста грозила петля. Особенно важно было соблюдать большую осторожность, так как вокруг проекта созыва такой конференции меньшевики подняли настоящий вой. Инициативу созыва такой конференции взяла на себя питерская военная организация, конечно, с ведома ЦК и нашего большевистского центра. ЦК запретил созыв боевых организаций. Он считал вообще необходимым ликвидировать всякую боевую подготовку и все боевые организации. ЦК вёл переговоры с легальнейшими кадетами, хотел всю партию прилизать на парламентский лад, а тут вдруг боевые организации, разговоры об эксках, о терроре, о партизанских выступлениях и прочей нечисти. За это хорошие господа по головке не погладят, того гляди, Милюков откажется входить в соглашение.

Чтобы сохранить видимость «революционности», ЦК согласился на созыв конференции военных организаций, которые должны были обсудить исключительно вопрос о работе в войсках. На эту свою конференцию он собрал только 8 военных организаций. Ни одного вопроса, действительно связанного с учётом опыта нашей боевой деятельности во время пережитых восстаний, эта меньшевистская конференция не обсудила. Конечно, нас сердитые вопли меньшевистского ЦК остановить не могли. ПК и МК взяли на себя инициативу созыва конференции воен-

ных и боевых организаций. Было создано специальное организационное бюро, которому удалось добиться представительства от 11 военных и 8 боевых организаций, от МК и ПК, от нашего большевистского центра и от редакции газеты «Казарма». Всего на этой конференции участвовало 28 человек, кроме того, участвовали представители от финских красногвардейцев.

Когда я приехал в Таммерфорс, мне сразу бросились в глаза две подозрительные фигуры, которые при виде меня о чём-то пошептались. Один из них пошёл за мной. В вагоне и при посадке я очень осторожно и внимательно следил за всеми пассажирами и не замечал ничего подозрительного, а тут явно следят за мной. Я начал бродить по городу, чтобы отделаться от шпики, но, несмотря на то что исходил очень много, заходил даже за город, в лес, шпики не отставал от меня ни на шаг. Я решил, что делать нечего, надо идти предупредить на явке, что, очевидно, конференция прослежена, что надо переносить её в другое место. Явка была назначена в местной социал-демократической редакции. Таким образом, зайдя на явку, я не рискую провалить её. Но предупредить о слежке необходимо, тем более что подцепил шпики я именно здесь, а не привёз его с собой.

Сказав пароль на явке и получив условленный ответ, я сейчас же сообщил финскому товарищу, что меня шпики проводил до самой редакции.

— Ну, что же, — невозмутимо ответил он мне, — это хорошо, это так и должно быть.

Я вскипел и горячо начал убеждать товарища, что это совсем не хорошо, это значит — конференция выслежена.

— Нет, это только значит, что наши сыщики хорошо работают. Они должны встречать каждого приезжего русского и проследить, куда он идёт. Если он пошёл на явку, то его оставляют в покое, если он не пошёл на явку, то, значит, он шпион и за ним будут следить и, если нужно, арестуют или убьют. На этот счёт у нас будет спокойно, у нас хорошо организовано: ни один русский шпион не попадёт сюда, если только он не знает вашей явки и вашего пароля.

К моему удивлению, я узнал, что конференция наша организована с ведома и при содействии местной полиции, и в частности сыскного отделения. Слежка установлена,

начиная от Гельсингфорса, за каждым русским, едушим по направлению к Таммерфорсу.

Была организована также слежка за передвижением войск из Гельсингфорса. Если б жандармы или войска направлялись в это время к Таммерфорсу, в определённом месте путь был бы взорван дежурившими во всё время конференции финскими красногвардейцами, мы были бы предупреждены об опасности и имели бы время на заготовленной моторной лодке уйти в море и перебраться в Швецию. Так что в отношении безопасности конференция была организована прямо блестяще²⁹.

За время конференции в Таммерфорс прибыли трое подозрительных русских. Двое из них, как только поселились в гостинице, были арестованы полицией, так как их паспорта показались полиции подозрительными. Их выпустили из тюрьмы лишь через несколько дней после того, как уехал последний участник конференции. К третьему цельзя было придраться. Все документы у него были в порядке. Но, как только он устроился в гостинице, к нему ввалился здоровенный финн-рабочий и очень обстоятельно растолковал ему, что в Таммерфорсе живёт 30 тысяч рабочих, все они социал-демократы и все они очень не любят русских шпииков. Если он не хочет сегодня же очутиться в море, то пусть лучше с первым же поездом, который уходит через два часа, едет назад, в Питер: «Я тебя сам провожу до Гельсингфорса». Понятно, субъект не стал упрячиться и уехал в сопровождении красногвардейца.

Чуть-чуть не попал в такую же переделку и член нашего большевистского центра Любич (Саммер). Он приехал поздно, когда уже началось заседание, и пошёл туда, минуя явку. Через четверть часа после его прихода из зала заседания вызывают председателя (Лалаянца). Он возвращается очень смущённый и говорит, что начальник сыскной полиции просит разрешения войти в зал, он хочет показать нам одного русского шпиона, который пробрался к нам. Мы все очень встревожились, но в то же время было как-то странно допустить в зал начальника сыщиков, хоть и финляндских. Но присутствующие финны нас успокоили, заверив, что он вполне свой человек. Он вошёл, подошёл прямо к Любичу, кладёт на него руку: «Пойдём, ты шпион, ты не был на явке». Мы, конечно, расхохотались и успокоили добросовестного служаку.

Работа военно-боевой конференции, несомненно, имела большое значение. В то время как меньшевики вместе с эсерами, спровоцировав отдельные частные выступления в Кронштадте, Свеаборге и Ревеле, с озлоблением начали говорить о неудачных вооружённых восстаниях, оплёвывать всю боевую деятельность нашей партии, всячески открещиваться от боевиков, мы спокойно на этой конференции изучали опыт всех наших выступлений, подводили итоги всем нашим ошибкам и на основании этого изучения намечали дальнейшую работу партии по подготовке все-российского вооружённого восстания. Надо иметь в виду, что как раз в это время значительная часть лучших, передовых рабочих, которая принимала активнейшее участие в боевой деятельности, теперь с трудом мирилась с будничной «мирной» работой. Примеры Кавказской боевой дружины во главе с Камо (Тер-Петросяном), Уральской, технического бюро при ЦК ясно показывали, что там, где партийная организация не открещивалась от боевой деятельности, боевые дружины оказывали громадные и важнейшие услуги всей партии.

Решение Стокгольмского съезда, запретившее экспроприацию казённого имущества, как бы признавало, что мы уже вышли из периода гражданской войны, что мы отказываемся от революционной борьбы с царским правительством. Это решение вызвало громадное недовольство среди большевиков, и в особенности среди боевиков, которым на деле приходилось продолжать борьбу с оружием в руках. Во многих местах партийные организации совершенно упустили из своих рук контроль над боевыми операциями, слагали с себя всякую ответственность за них, хотя нередко пользовались услугами тех же боевиков. Вот это двусмысленное положение, в какое попали боевые организации, состоящие сплошь из партийцев, внесло страшный сумбур в их ряды. Рискую постоянно своей жизнью, продолжая начатую в 1905 г. партизанскую борьбу, нанося непрерывные чувствительные удары правительству, втягивая в боевую деятельность широкие массы рабочих и крестьян, они в то же время как бы извергались из рядов партии, отталкивались от родной для них среды партийных работников. Я глубоко убеждён, что вот этот подход к боевикам больше всего повинен в разложении и деморализации, которые начали среди них наблюдаться.

Военно-боевая конференция наряду с учётом опыта наших восстаний и нашей работы среди войска нашла правильное решение вопроса о взаимоотношениях между партией и её боевыми организациями. До тех пор пока мы не считали революцию ликвидированной, пока мы, учитывая положение крестьян и рабочих, полагаем, что мы находимся ещё накануне грандиозной вооружённой борьбы революционного народа с реакцией, партизанская война не может и не должна кончиться. Когда Ильич ознакомился с протоколами нашей конференции, он решительно выступил в защиту её от нелепых нападок со стороны меньшевистского ЦК ³⁰.

РАБОТА НА УРАЛЕ

Очень скоро после окончания Таммерфорсской военно-боевой конференции Ильич предложил мне поехать на Урал, проводить там выборы во II Думу и выборы на очередной съезд партии. Наверное, меньшевики, говорил он, натаскают своих делегатов из Грузии, там целыми деревнями записывают в члены партии, насчитывают тысячи таких фиктивных членов, а от них посылают делегатов. Неужели мы не можем сейчас развить усиленную работу на Урале, использовать для этого предвыборную думскую кампанию, втянуть в партию вполне сочувствующих нам рабочих и из их же среды выдвинуть делегатов на съезд? Он дал мне задание послать с Урала не меньше 10 делегатов на съезд. Я давно уже не был на Урале и не знал, как там сейчас обстоят дела, какие формы приняла там реакция. Поэтому не мог сказать наверно, выполнимо ли это задание. Во всяком случае я с удовольствием взялся попробовать. Только просил Ильича дать мне с собой пяток хороших агитаторов-массовиков из Петербургской организации. Я знал, что на Урале недавно были большие аресты и надо было на всякий случай для начала иметь хоть кого-нибудь, на кого можно было бы опереться. Ильич согласился на это. В Петербурге мне дали на помощь четырех хороших ребят, и с ними мы двинулись на Урал.

По приезде я скоро убедился, что аресты (в том числе Свердлова) хотя и жестоко потрепали Уральскую организацию, но далеко не оставили пустого места. Там работала выдержанная большевистская партийная организация во главе с Накоряковым (Назаром). Уральская областная организация охватывала Вятский, Пермский, Екатеринбургский, Тюменский, Челябинский и Уфимский комитеты. Более или менее крупные организации были на Воткинском, Ижевском, Мотовилихинском, Чусовском, Невьян-

ском, Лысьвенском, Златоустовском, Нижнетагильском, Миньярском, Устькатовском и ряде других заводов. Работа велась в целом ряде крестьянских уездов. В большинстве мест работали исключительно большевики. В Златоусте было сильное эсеровское гнездо, в Ижевском и Нижнем Тагиле были сильны меньшевики.

Рабочие в массе своей переживали ещё несомненный революционный подъём. Настроение было очень бодрое и напоминало настроение московских рабочих в октябре — декабре 1905 г. Крестьяне тоже переживали ещё весну политического пробуждения. Во всех организациях, в которых мне удалось побывать сейчас же по приезде, меня больше всего обрадовала наличность уже выдвинувшихся передовых рабочих, руководивших всей работой в массах.

Екатеринбург был центром всей партийной жизни. Я передал товарищам задание, полученное от Ильича, — наберовать к съезду не менее 5 тысяч членов.

— Ну, мы наберём вдвое больше, надо только пошире развернуть работу по заводам — уральцы не подведут!

Решили прежде всего поставить несколько газет. Средств у нас, конечно, не было. Был, правда, один сочувствующий миллионер — золотопромышленник Конюхов, попавший в миллионеры из рабочих, но он много не давал, больше помогал квартирой своей и связями с губернатором и прочим начальством. Но зато была хорошая боевая дружина. Удачная экспроприация почтового поезда на мосту через реку Белую дала нам достаточно средств на всю кампанию. Не было шрифта для типографии. Налёт на губернскую типографию — и шрифта оказалось более чем достаточно. Три или четыре газеты были поставлены таким образом. Ими сразу удалось заинтересовать широкую рабочую массу. Вокруг газет создался большой круг настоящих рабочих корреспондентов. Наряду с митинговой работой по всем заводам мы параллельно вели и кружковую пропагандистскую работу. Помню, у меня в Екатеринбурге был кружок в среднетехническом горном училище. Ребята там все были связаны с заводами, и, занимаясь с ними, я заставил их в свою очередь читать лекции по заводам. Таких же два кружка были у меня из передовых рабочих. Другие товарищи вели такие же кружки. Ещё до начала официальной избирательной кампании в Думу, когда на II областной уральской партийной конференции мы начали подсчитывать наши силы, то могли с уверенно-

стью сказать, что зарегистрированных членов мы имеем уже значительно больше, чем 5 тысяч человек. Следовательно, мы наверняка сможем послать на съезд гораздо больше делегатов, чем 10, которых Ильич считал необходимым послать от Урала.

Областная уральская конференция, которую мы со- звали зимой 1906 г., произвела на меня громадное впечат- ление. На Урале была тогда мощная пролетарская орга- низация, которая пустила глубокие корни в самые широ- кие рабочие массы. Весь состав работников, участвовав- ших в конференции, за очень немногим исключением, был твердокаменно большевистским, который очень хорошо знал, на что он идёт. Это были товарищи, которые в лю- бой момент могли превратиться из организаторов, пропа- гандистов и агитаторов в дружинников-боевиков. Очень хорошее впечатление произвели на меня и уральские бое- вники: у них боевая деятельность отлично уживалась с партийно-организационной работой. То, о чём мы говорили на военно-боевой конференции, здесь полностью осуще- ствлено было на деле. Боевая работа не заслонила, не вы- теснила общепартийную, массовую работу, а наоборот, она носила служебный характер для партии.

Сейчас же после областной конференции мы начали из- бирательную кампанию. Мы вели параллельную работу по выборам во II Думу и по выборам на V съезд партии. Ко- нечно, платформой нашей избирательной кампании была платформа, предложенная Ильичем и не принятая мень- шевистским большинством I Всероссийской конференции.

Выступая на избирательных собраниях и среди рабо- чих и крестьян, мы ставили вопрос таким образом: вот пер- ред вами выступают представители разных партий, каж- дый из них обещает вам очень многого добиться в Госу- дарственной думе, если вы их выберёте. Мы, напротив, вам ничего не обещаем и решительно заявляем, что, кого бы вы ни послали в Думу, они ничего вам дать не смогут. Дума бессильна дать что бы то ни было. Если соберётся революционная Дума, она будет разогнана царём, так же как была разогнана I Дума. Если Дума соберётся черно- сотенная или кадетская, она будет помогать царю души-ть революцию, будет защищать помещичью землю от кре- стьян, защищать барыши заводчиков от посягательств ра- бочих. Если вы хотите довести революцию до конца, если вы хотите окончательно прогнать помещика с земли, если

вы хотите отстоять 8-часовой рабочий день для рабочих, то выбирайте членов нашей партии. Они пойдут в Думу не для того, чтобы что-нибудь дать вам, чтобы провести какой-нибудь выгодный для вас закон, а для того, чтобы вместе с вами, вместе со всеми рабочими и крестьянами всей России подготовить вооружённое восстание, решительный штурм против всего царско-помещичьего строя. Выбирайте только тех выборщиками и депутатами, кто сможет организовать всех вас, избирателей, и подготовить к выступлению. Не Дума, а вы сами во главе с wybranными вами депутатами доведёте революцию до конца, отобьёте наступление реакции, отберёте всю помещичью землю. Пусть идут в Думу только те, кто готов вместо Думы попасть на каторгу, на виселицу.

Так приблизительно проводили мы нашу избирательную кампанию, и всюду на заводах наши кандидаты проходили почти без всякой конкуренции с другими партиями. Но тут мы одновременно указывали на значение организации вообще, указывали, что все рабочие должны организоваться, идти за своей партией, входить в партию. Нельзя быть пассивным, только сочувствующим в такое боевое время. И всюду на заводах широкой волной пошли рабочие в ряды партии. Шли не для того, чтобы числиться членом партии. Никаких привилегий это не давало. Шли, чтобы в передовых рядах бороться за интересы рабочего класса.

Не надо забывать, что тогда быть членом партии было нелегко и небезопасно. Каждое наше собрание кроме официальных избирательных собраний с разрешения властей проходило с риском быть схваченным, арестованным, избитым казаками. Собирались иногда ночью, иногда в глубокой шахте под землёй, иногда в лютую стужу в лесу, а раз, помню, мне пришлось делать доклад в купальне посреди замёрзшего пруда. После долгого, утомительного рабочего дня молодые рабочие и старики шли на такие собрания, мёрзли в плохой одежонке, но терпеливо простаивали иногда всю ночь, никто не уходил.

Помню одно собрание на Исетском заводе. Оно должно было произойти в поле, за заводом. Но, когда мы пришли на митинг, оказалось, что весь район и весь завод окружены казаками. Мы уже хотели вернуться, но кто-то из рабочих повёл нас через маленькую щель в заводской стене, достаточную для того, чтобы одному человеку про-

лезть в кочегарку, где уже собрался на митинг почти весь завод. Снаружи ожидали нас казаки, они ждали до поздней ночи, заняли все входы и выходы из завода. А мы в это время свободно митинговали внутри завода. После окончания митинга большая толпа двинулась к главному входу, своим шумом отвлекла к себе всех казаков, а мы опять спокойно вышли через ту же щель.

Среди крестьян мы вели ту же избирательную кампанию, с теми же революционными лозунгами, которые мы объединили в один лозунг — «вся земля через всю волю!». Без всей воли, т. е. без завоевания победоносным вооружённым восстанием полновластного рабоче-крестьянского Учредительного собрания, не видать крестьянам всей земли. Пока не разбито окончательно царское самодержавие, ни о каком разрешении аграрного вопроса не может быть и речи. На крестьянских собраниях нам часто приходилось сталкиваться с эсерами и трудовиками. И они тоже шли под лозунгом «земля и воля», и они не отрицали введённого революционного натиска на правительство. Обычно крестьяне плохо разбирались в различных оттенках между нами и народниками. Но лозунг наш был подхвачен буквально всем крестьянством, даже наиболее состоятельным, даже кулацкими слоями крестьянства. Проходили в выборщики только те, кто принимал этот лозунг. Прошло немало и кулаков, но больше всего крестьян-бедняков, а также нашей и эсеровской крестьянской интеллигенции. Уже на уездных собраниях выборщиков пришлось повести атаку на выбранных кулаков, которые начали заигрывать с выбранными от помещиков. Тут пришлось заключить союз с эсерами и трудовиками и коллективно окончательно разбить все остальные партии. Ни один кадет, ни один правый не прошёл по всему Уралу. Рабочая курия³¹ дала исключительно большевиков.

Немало курьёзов припоминается мне в ходе избирательной кампании. Приезжаю в Челябинск. Наиболее крепкая наша организация там в железнодорожных мастерских. Товарищи жалуются, что местные меньшевики в панике, в страхе перед тем, что может пройти черносотенец. Они хотят выступить с общим списком всех оппозиционных и революционных партий и ведут в этом смысле переговоры с кадетами и даже с мирнообновленцами³², но те упираются, боятся скомпрометировать свой список союзом с левыми. Большевики тогда решили, что лучше

совсем не выставлять своего списка, а просто голосовать за кадетов. Я предлагаю выставить исключительно большевистский список и идти и против чёрных, и против кадетов, и против меньшевиков. Ребята говорят: «Да у нас нет ни одного более или менее известного кандидата, которого можно выставлять в список». Говорю: «Плевать на известного, намечайте рядовых, никому не известных рабочих, пусть голосуют не за лица, а за нашу партию».

Так мы и сделали. Выставили список исключительно рабочих-большевиков, повели ожесточённую кампанию и против черносотенцев, и против кадетов, и всех «левых», в том числе и меньшевиков. Наш список прошёл громадным большинством голосов.

В Уфе мне пришлось выступить на большом предвыборном собрании, устроенном кадетами в дворянском клубе. Аудитория состояла из мелких квартирнанимателей, лавочников, приказчиков, служащих. Первым выступил кадетский кандидат директор земельного банка. На собрание пришли черносотенцы, во главе с толстым дьяконом, пришли специально, чтобы сорвать собрание. Кадет начал свою речь, направленную исключительно против левых и, в частности, против большевиков. Особенно напирал он на нелепость нашего требования захвата помещичьих земель. По его словам, земля уже давно не принадлежит помещику—она им заложена вся в банках. Отнять у него землю—это значит отнять сбережения у трудового народа, которому принадлежат облигации земельных банков. Захват земли у помещиков — это, по его словам, ограбление трудового народа. Как только он начал говорить свою речь, черносотенцы под руководством толстопузого дьякона подняли невероятный крик и шум. Прерывали его буквально на каждом слове. Дьяконовская иерихонская труба заглушала голос несчастного кадета.

Сейчас же после него выступать пришлось мне. Я, конечно, начал с предложения поднять руку тем, у кого имеются облигации земельных или других каких-нибудь банков. При дружном хохоте присутствующих оказалось, что громадное большинство ничего не слышало про облигации, а меньшинство хотя и слышало, но, конечно, никогда ни одной из них не имело. Как только я начал разделять кадета, черносотенцы приняли меня за своего, всё время поддерживали меня своими выкриками: «так его, валяй, знай наших». Аплодировал буквально весь зал. Покон-

чив с кадетами, я принялся за черносотенцев. И тут получился курьёз. Большинство рядовых черносотенцев, не разобравшись как следует, ещё долго продолжало поддерживать меня своими сочувственными криками, несмотря на то что их руководители с дьяконом во главе уже поняли, что я далеко не свой, и пытались прерывать меня. Мне уже удалось овладеть всей толпой. Тогда я перешёл к нашим лозунгам, к развитию нашей платформы. Когда я заговорил о вооружённом восстании как об единственном выходе из положения, вся аудитория прямо рычала от восторга и уже окончательно заглушала всякий протест со стороны главарей черносотенцев. Полицмейстер вскочил на сцену, но, видя настроение толпы, не решался прерывать меня. Я вполне благополучно договорил свою речь до конца. Но, как только слово взял меньшевик и начал было говорить, полицмейстер выскочил вперёд и заявил, что закрывает собрание и требует, чтобы публика разошлась. Затем он с оравой городских бросился ловить меня, но мне удалось спрыгнуть со сцены в самую гущу толпы. Толпа буквально вынесла меня и провожала несколько кварталов, пока мне не удалось незаметно скрыться.

Ответственного распорядителя собрания, князя Кугушева, сочувствующего меньшевикам, члена Государственного совета, привлекли к ответственности за это собрание. Меня им, конечно, привлечь не удалось, так как на собрание я попал и выступал по избирательной повестке, выданной на имя одного уже давно умершего гражданина, которого никак нельзя было, конечно, воскресить для привлечения к ответственности. Вообще мы довольно широко использовали избирательные права «мёртвых душ». Назар (Накоряков), пользуясь такой бумажкой, прошёл даже в качестве выборщика на губернское избирательное собрание.

Руководство губернским избирательным собранием в Перми нам удалось взять целиком в свои руки. Назару в качестве выборщика удалось расколоть всех крестьянских выборщиков на две неравные части. Прошедшие под лозунгом «земля и воля» кулаки блокировались с помещиками, а все остальные крестьяне-выборщики вместе с городскими составили твёрдый блок, который должен был пройти под нашим руководством и который провёл составленный нами в союзе с эсерами и трудовиками левый список, состоящий исключительно из твёрдых, убеждённых и

испытанных революционеров. В частности, по городскому списку от Екатеринбурга (Свердловска) мы провели в Думу приказчика-большевика Петрова, который заплатил ссылкой на каторжные работы за свою краткую думскую деятельность. Так же революционно прошли выборы в Уфимской и Вятской губерниях. Так что наша избирательная кампания, проведённая нами по всему обширному району Уральского областного комитета без малейших компромиссов, по точным директивам нашего большевистского центра, полностью оправдалась. Большевикам удалось повести за пролетариатом крестьянскую массу, изжившую свою наивную веру добиться чего-нибудь одними думскими решениями. Выбирая в Думу, крестьяне организовались для массового революционного действия.

Подводя итоги нашей избирательной кампании, мы могли констатировать, что вся наша организация сверху донизу блестяще справилась со своей задачей.

Как я уже говорил, параллельно с думской избирательной кампанией мы провели и широкую работу буквально на всех заводах по подготовке к выборам на съезд. Это была нелёгкая работа. Надо было оформить все расплывчатые организации, создавшиеся в ходе революционного развития. Надо было точно зарегистрировать всех членов организации, провести в каждой организации по несколько предвыборных собраний и уже после этого выбрать делегатов на съезд. В общем, в конце избирательной кампании мы насчитывали по всей области более 11 тысяч членов и могли, следовательно, провести не менее 22 делегатов на съезд. Причём на ряде дальних заводов мы ещё не успели закончить кампанию.

С этими результатами я поехал в Петербург, чтобы получить дальнейшие указания, куда и как направить наших делегатов. Конечно, прежде всего заехал к Ильичу в Куоккала. Ильич очень обрадовался, когда я сообщил ему о результатах нашей кампании. Уральцы дадут большинство большевикам, это уже было несомненно. Это давало возможность предполагать, что на этот раз нам удастся на съезде провести наши решения. Вообще Ильич был чрезвычайно весел и жизнерадостен. Из сообщений с мест о ходе избирательной предсъездовской кампании ясно намечалось, что все действительно пролетарские районы твёрдо идут за нами. Рабочие массы не разуверились в революции, в нашей последовательно революционной так-

тике. Большевизм стал действительно вождём широких масс. Меньшевики проходят только там, где нет и не было рабочего движения, в непролетарских районах, среди мещанства и интеллигенции, отошедших уже от революции.

Я поехал с официальным донесением в меньшевистский ЦК. Принял меня на явке член ЦК Крохмаль (Фомин).

— Ну что, кончили кампанию? Говорят, вы там набрали много делегатов?

— Есть мало-мало.

— Неужели правда, как говорят, будто вы набрали больше 10 человек?

— Немножко больше.

— Но это возмутительно, мандатная комиссия их не пропустит. На Урале не может быть столько членов.

— Неужели вы думаете, что их на пролетарском Урале меньше, чем в крестьянской Грузии, а ведь оттуда в Стокгольм привезли 11 делегатов.

— Ну, сколько же вы осмелитесь привезти?

Я его долго манежил, пока сказал настоящую цифру. Он прямо в ужас пришёл, сначала долго ругался, наконец заявил, что ЦК сейчас же пошлёт ревизоров на месте проверить нашу избирательную кампанию и аннулировать выборы. И, действительно, ЦК сейчас же назначил двух своих агентов — Игоря (Горева) и Акима (Гольдмана). Один поехал через Самару, другой — через Вятку. Я, конечно, в тот же день поехал обратно на Урал, чтобы самому присутствовать при этой ревизии. Один из контролёров был арестован в Самаре и не добрался до Урала. Другой доехал до Перми и, очевидно, тоже вёз за собой шпионов. Он не только сам провалился, но и провалил нашу Пермскую организацию вместе с двумя уже выбранными делегатами. Пришлось спешно восстанавливать Пермскую организацию и наново провести здесь выборы. Попутно здесь удалось ещё провести выборы на объединённом собрании нескольких мелких заводов. В конце концов мы поехали на съезд в числе 24 делегатов, среди которых не было ни одного меньшевика. Большинство делегатов были рабочие. Я и Семён Шварц получили мандат от Екатеринбургской организации.

ЛОНДОНСКИЙ СЪЕЗД

Уже после того, как все делегаты были выбраны и большинство из них, снабжённое всем необходимым, выехало с Урала на съезд, я тоже двинулся туда. Как и всем делегатам, мне на этот раз пришлось ехать через Финляндию. Мы поехали вдвоём с Ильичем через Або, Стокгольм на Копенгаген. Я был особенно рад этому обстоятельству, так как получил возможность в течение нескольких дней дороги о многом поговорить с Ильичем. Конечно, все разговоры вертелись вокруг предстоящего съезда и вокруг нелепой, прямо преступной тактики меньшевиков по отношению к избирательной кампании в Петербурге, фактически приведшей к расколу Петербургской организации в связи с выборами в Думу.

Помню, когда мы садились в Або на пароход, я предупредил Ильича, что меня частенько укачивает в открытом море.

— Ну тогда,— говорит Ильич,— давайте в разных каютах ляжем, а то и меня заразите, меня редко укачивает.

Мы хорошо поужинали в общей столовой и пошли по своим соседним каютам. Я быстро заснул и, к моему удивлению, когда мы вышли в открытое море, меня вовсе не укачало. Но проснулся я от сильных стонов в соседней каюте. На этот раз Ильича укачало. Я основательно посмеялся над ним по этому поводу.

Мы долго пробродили по улицам Стокгольма в ожидании поезда, который должен был отвезти нас в Копенгаген. Помню, Ильича очень поразило, когда наш поезд весь целиком был вдвинут на большой паром и нас таким образом перевезли через пролив. Вообще Ильича восхищала вся дорога, по которой мы ехали, и тот образцовый поря-док, который повсюду царил.

Приехав в Копенгаген, мы застали там уже почти всех делегатов. Сейчас же по приезде Ильич поручил собрать фракционное собрание. Было нелегко разыскать всех рассеянных по Копенгагену делегатов, тем более что в ожидании съезда все они по целым дням бродили по городу, осматривали достопримечательности, а некоторые знакомились с местными пивными и кофейнями. Организация съезда меньшевиками была ниже всякой критики. Делегатов разместили по отдельным отелям, не предупредили их о том, как сноситься с организаторами, не был поставлен правильный учёт, куда кто размещён. Вообще делегаты, по крайней мере наши, были полностью предоставлены самим себе. Многих не предупредили, что за всё требуемое в гостинице придётся расплачиваться из тех сумм, которые привезли делегаты с собой. Поэтому многие были очень удивлены, когда при отъезде им представлялся очень солидный счёт, который они не в состоянии были оплатить сами. Никаких инструкций и указаний на то, как держать себя, тоже не было дано. Мне невольно вспомнились наши II и III съезды, когда Ильич рисовал каждому делегату точный план, как пройти от квартиры до заседания съезда, когда он всё свободное время проводил в качестве гида делегатов по разным достопримечательностям Лондона.

С большим трудом удалось собрать делегатов на фракционное заседание. Не успели мы приступить к работе, как вдруг кто-то стучится в дверь и сообщает, что просят кого-нибудь из собравшихся выйти для переговоров с полицейским чиновником. Если не ошибаюсь, вышли мы вдвоём с Литвиновым. Нас встретили два важных чиновника, которые нам заявили, что по распоряжению датского министра внутренних дел мы обязаны выехать в течение 12 часов за пределы Дании, что за это время никаких заседаний нам собирать не позволено и что если мы не выполним к надлежащему сроку это распоряжение, то все приехавшие на съезд будут арестованы и высланы в Россию. Помню, как взволновались все наши делегаты, узнав об этом. Ильич ругательски ругал меньшевистский ЦК за то, что тот не мог предварительно через датских эсдеков получить гарантию в том, что нас не тронут.

— Даже съезда не сумели организовать. Куда же они годятся после этого? — говорил Ильич.

В переговорах с полицейскими мы просили оттянуть срок высылки и дать нам возможность собраться всем,

чтобы решить, куда ехать, но нам решительно заявили, что никаких отсрочек не будет и что распоряжение о за-
прещении собираться дано в самой категорической форме.

Отыскав меньшевистский ЦК, мы сообщили им о на-
ших переговорах с полицейскими. Сначала они нам не по-
верили и начали сами звонить к датским эсдекам. Те под-
твердили, причём заявили, что раньше датское правитель-
ство обещало смотреть сквозь пальцы на наш съезд, не
разрешая его официально, но и не препятствуя ему, затем
якобы под давлением русского посла, заявившего, что со-
брание нашего съезда в Копенгагене будет рассматри-
ваться как личное оскорбление императрицы Марии Фёдо-
ровны (сестры датского короля), правительство решило
нас выслать. Меньшевистские вожди, в особенности Дан и
Мартов, очень не прочь были воспользоваться этим слу-
чаем и сорвать съезд. Они предложили просто-напросто
разъехаться по домам. Но против этого решительно запрот-
естовали все остальные фракции: и мы, и поляки, и ла-
тыши, и бундовцы. Не поддержали этого требования даже
некоторые меньшевики.

После долгих дебатов мы решили попробовать снестись
с шведскими эсдеками и выяснить, нельзя ли перенести
съезд в Швецию и во всяком случае нельзя ли на ночь
перехватиться к ним через пролив в ближайший приморский
городок Мальмё. Почти перед самым окончанием назна-
ченного нам срока мы получили из Мальмё сообщение, что
на счёт работ съезда пока неизвестно, но во всяком случае
переночевать в Мальмё мы сможем. Для ночлега нам пред-
оставят Народный дом, в котором, правда, мы не найдём
никакого комфорта, но найдём постели и проспим спо-
койно. Быстро разослали гонцов по всем гостиницам,
чтобы собрать всех наших делегатов. Велели всем прихо-
дить на набережную. Началась спешная погрузка на не-
большой пароходик. Конечно, как всегда, кое-кто запоз-
дал и явился уже после отвала, кое-кто забыл свои вещи
в гостинице, кое-кто забыл там расплатиться. Но в общем
громадное большинство делегатов погрузилось на паро-
ход. На набережной собралась тем временем большая
толпа любопытных, которые с удивлением и всевозмож-
ными самыми нелестными для нас комментариями прово-
жали наш пароход. Лишь на следующий день все газеты
поместили сообщение о высылке русского революционного
съезда, и любопытные датчане, с удивлением смотревшие

на нашу посадку, узнали, что все эти страшные фигуры в таких странных костюмах были русские революционеры.

По дороге мы не могли решить, что делать дальше. Полагали, что, переночевав в Народном доме в Мальмё, мы оттуда утром снесёмся со шведским ЦК партии и он добьётся разрешения собраться в Стокгольме.

В Мальмё мы приехали поздно ночью, нас встретили представители местной социал-демократической организации. Мы выстроились стройными рядами и по их указанию через весь город пошли по направлению к Народному дому. Улицы были совершенно пустынные. Но с самого вокзала нас провожали какие-то господа в котелках. По наивности мы полагали, что это товарищи социал-демократы. Как только мы подошли к Народному дому, то увидели, что площадь перед ним вся оцеплена полицией в полной форме. Полицейские и господа в котелках, оказавшиеся просто-напросто сыщиками, окружили нас со всех сторон. Навстречу нам выступили полицмейстер из Мальмё и тот самый полицейский-датчанин, который высылал нас из Копенгагена. Они вызвали говорящих по-немецки. Шведский полицмейстер объявил нам, что получение категорического предписание шведского министра внутренних дел никоим образом не допустит съезда в Мальмё, поэтому он нам никак не может разрешить войти в Народный дом. Шведские социал-демократы, встречавшие нас, при виде полицейских исчезли, и нам пришлось очень долго убеждать полицмейстера, что в данную минуту мы просим нас впустить в помещение Народного дома не для заседания съезда, а просто для того, чтобы выспаться и отдохнуть там. Утром мы решим, куда ехать дальше. Полицейского убедить нам не удалось. Он возражал, что Народный дом существует не для спанья, а для заседаний. Он нас туда пустить не может. В конце концов я рассердился и заявил ему:

— Ну, если так, то мы вынуждены будем разместиться здесь же на площади перед Народным домом и здесь, на виду у всех, уляжемся спать!

Часть нашей публики, устав стоять, действительно уже расположилась: кто на своих вещах, а кто просто на мостовой. Все сильно устало и проголодалось за целый день. Тогда полицмейстер заявил, что этого он тоже разрешить не может, но вот, если мы хотим, он созовёт сейчас сюда всех владельцев гостиниц и постарается всех нас разме-

стить по гостиницам для ночлега — конечно, за плату. Мы были рады хотя бы такому выходу. И вот началась забавная сцена. Полицейские на велосипедах поехали по всем улицам тащить к нам владельцев гостиниц. Приехали они сильно перепуганные этой ночной тревогой. Полицмейстер сказал им краткую, но видно очень вразумительную речь, после которой их лица прояснились. Разместить по гостиницам 300 приезжих иностранцев — это сулило хороший барыш. Каждый из них заявлял, сколько гостей он может у себя приютить. Мы отбирали соответствующую партию, записывали точно адрес гостиницы и кто именно туда пошёл. В этой работе мы, уральцы, взяли на себя инициативу распоряжения, и нам удалось всех разместить, только для нас — распорядителей — не оказалось свободных коек, и нам пришлось ночевать в каком-то кабаке на биллиарде.

Утром нас как представителей большевиков уже вызвали на заседание представителей всех фракций для решения вопроса о том, куда нам деваться. Шведская полиция, хотя и встретила нас так недружелюбно, в дальнейшем оказалась очень любезной к нам. Для вышеназванного собрания она предоставила нам помещение в полицейском управлении. Для нас было несколько странным заседать в таком месте, но нечего делать. Здесь опять меньшевики начали настаивать на том, что лучше всего признать невозможность приступить к съезду и разъехаться по домам. Мы заявили, что никоим образом на это согласиться нельзя. 300 человек оторвались от работы, все организации потратили массу денег, и после этого сорвать съезд было бы преступлением. Большевики тогда заявили, что у них денег очень немного, на работу съезда, конечно, не хватит, и не на что будет уезжать домой, если мы не разъедемся сейчас. Тогда решено было послать кого-нибудь в германскую партию и там просить денег, но всё-таки никоим образом не разъезжаться. Мы ещё раз все убедились, что у меньшевиков деньги были, но они берегли их исключительно для своей фракции, хотя ЦК должен был обеспечить все фракции. Тогда начались по полицейскому телефону и телеграфу сношения со шведскими социал-демократами и шведским правительством. Приехал Брантинг (вождь шведской с.-д. партии) и заявил нам категорически, что шведское правительство решительно отказывается допустить наш съезд. Такой же кате-

горический ответ мы получили из Христиании от норвежского правительства.

Тогда мы послали телеграфный запрос представителю рабочей партии в английском правительстве Бернсу. Наконец, после долгих ожиданий мы получили от него дипломатический ответ, что английское правительство даёт приют всем политическим эмигрантам и не интересуется тем, чем заняты эти эмигранты в Англии, если они не совершают ничего незаконного, запрещённого английским правительством. Приблизительно таков был смысл полученного нами из Англии ответа. Мы сочли, что на основании этого ответа мы можем рискнуть двинуться в Англию. Начались поиски подходящего парохода, достаточно дешёвого, чтобы с минимальными затратами добраться до Лондона. Наконец, через морское агентство удалось закупить 300 мест на пароходе, уходящем, если не ошибаюсь, из Гетеборга. Ближайший и наиболее дешёвый путь лежал туда опять через Копенгаген. Нам удалось получить разрешение проезда (без права остановки) через Копенгаген и Данию. Брантинг перед отъездом выдавал каждому удостоверение в том, что он действительно политический эмигрант.

Я должен был остаться на два дня в Мальмё, чтобы дожждаться отставших. В Берлин была отправлена делегация к Бебелю за деньгами, а остальные погрузились на пароход и отправились в Копенгаген. Я остался в Мальмё один. Меня сразу обступила целая свора журналистов. Начались бесконечные интервью, на которых приходилось безбожно врать. Вначале я надеялся, что удастся скрыть истинный характер нашего съезда. Я всё время твердил про экскурсию с научной целью, которую предприняла компания русских студентов. Но мне показали телеграммы во всех буржуазных газетах Швеции, в которых передаются все наши приключения, подробности нашей высылки из Копенгагена, подробности нашего приезда и размещения в Мальмё. И всюду было точно указано, что эти приключения испытал съезд русских социал-демократов. Как после оказалось, эти подробности о наших мытарствах попали и в русские газеты. Там были даже сообщения о том, что, не найдя нигде пристанища, мы зафрахтовали пароход и решили на нём провести весь съезд. Я с большим трудом отбояривался от интервьюеров, они буквально следили за каждым моим шагом.

Кроме запоздавших делегатов мне надо было ещё ждать присылки денег из Германии. Деньги должны были быть получены большие, и меня смущал вопрос, выдадут ли мне их на то фальшивое имя, под которым я прописался в гостинице. Но и тут мне на помощь пришла полиция. Когда я, наконец, получил повестку о деньгах, я пошёл к полицмейстеру, и он послал со мною своего помощника удостоверять на почте, что я действительно тот, за кого себя выдаю. Деньги мне были выданы без всяких затруднений. Получил я, если не ошибаюсь, что-то около 10 тысяч марок. После рассказывали, что Бебель ворчал, когда разрешал посылку этих денег.

— Эти, русские, уж очень много болтают на своих съездах. У нас, немцев, большая массовая партия, и мы свои съезды заканчиваем в 5 дней, а они целый месяц болтают. Так им, конечно, никаких денег не хватит.

Насколько помню, мне удалось встретить человек пять опоздавших делегатов. Я их сейчас же направлял в Лондон. Наконец, решил и сам уезжать. Поехал я через Гамбург — Кёльн — Париж — Кале — Дувр. Ехал в скором поезде, чтобы скорей привезти деньги в Лондон. Я знал, где найти ЦК в Лондоне. Прямо с вокзала направился туда и застал насмерть перепуганного Дана, который сообщил мне, что для дешевизны они решили разместить делегатов в ночлежном доме, а те, переночевав, устроили настоящий погром, выломали запертые двери и разбежались. Конечно, сами меньшевики-цекисты в этот ночлежный дом не пошли, а разместили туда наших делегатов. Английский ночлежный дом мало чем отличается от настоящей тюрьмы. Я вполне понимал возмущение товарищей, оказавшихся после стольких мытарств и приключений в таком помещении. Я сказал Дану, чтобы он позаботился о размещении своих, а нам дал причитающиеся на нашу долю деньги, и мы своих разместим по-человечески. Было установлено, что каждый делегат будет получать на жизнь по фунту стерлингов в неделю. На это можно было кое-как существовать, правда, не позволяя себе ничего лишнего.

Разыскал Ильича. Он собрал всех наших, кто знает хотя немного Лондон, и все мы, в том числе Ильич, пошли отыскивать комнаты. наших большевистских делегатов было человек 120 (вместе с делегатами, имевшими совещательный голос), значит, нам надо было разыскать не ме-

нее 60 комнат. В несколько часов мы это проделали, и каждый пошёл разводить по этим комнатам свою партию делегатов.

После этого Ильич сейчас же созвал прерванное в Копенгагене фракционное заседание. Ильич уже точно подсчитал наличие сил на съезде: наших — 103—105 человек, у поляков — 45, у латышей — человек 28, из них 6—7 типичных меньшевиков. Поляки и латыши по большинству вопросов пойдут с нами. Против нас человек 90 меньшевиков и человек 55 бундовцев. Против нас и группа человек в 7—8 во главе с Троцким. На словах они как будто левей меньшевиков, но на деле будут голосовать с меньшевиками, так что выходит, что силы почти равные. Предстоит во многом уступать полякам и латышам, чтобы вместе с ними бить меньшевиков и бундовцев. С поляками и латышами надо во что бы то ни стало договориться по важнейшим вопросам.

Первое пленарное заседание нашего съезда ярко выявило весь характер дальнейших работ. Не могло быть и речи о какой-либо договорённости между нами и меньшевиками. Мы с ними говорили на совершенно разных языках и не могли понять друг друга. Вопрос в том, кто кого осилит. Мы все убеждены, что наступившая реакция не в состоянии окончательно задушить революцию. Необходимо готовиться к новому подъёму и учесть все сделанные нами ошибки, чтобы впредь их не повторять. Меньшевики пришли на съезд, чтобы окончательно похоронить революцию, а вместе с ней и нашу партию. Какая из этих двух точек зрения победит на съезде, зависело от национальных партий. У меньшевиков с бундовцами была полная согласованность почти по всем вопросам. И те и другие были типичными представителями испугавшейся пролетарских бурь мешанской интеллигенции. Нас с поляками связывала общая уверенность в новом подъёме революции, связывала и согласованность в вопросе о роли партии в ходе революции. Но по поводу характера нашей партии у нас с ними согласованности не было. Они не понимали нашего резкого обособления от меньшевиков, не понимали, что на данной стадии истории нашей партии уже не может быть и речи о компромиссах между большевиками и меньшевиками. По всем решениям они пытались перекидывать мостик между нами и меньшевиками, боялись решительной победы большевиков на съезде. Ещё хуже обстояло

дело с латышами: у них самих было сильное меньшевистское крыло, которое разъедало латышскую партию изнутри. Революционное настроение латышского пролетариата фактически заглушалось уже в это время реакцией, наступившей в Латвии среди значительной части крестьянства. Латышские социал-демократы в годы революции объединяли и крестьян и рабочих. Сейчас крестьяне, утомившись от революции, тянули в оппортунизм и пролетарскую часть партии. За всё время съезда латыши колебались между нами и меньшевиками, никогда нельзя было быть уверенным, что они пойдут с нами до конца.

В противоположность прежним съездам каждая фракция уже до пленарного заседания имела готовое решение по каждому вопросу, поэтому рядовым делегатам почти не приходилось выступать. Фракции все сразу и чётко определились. Уже в первый день, когда мы пришли к церкви, которая была снята под наши заседания, мы нашли меньшевиков на месте, они заранее сговорились занять левую часть церкви и после этого всегда с гордостью говорили о левой части съезда. Мы много шутили по этому поводу и спокойно уселись на правых скамьях. Между нами середину заняли поляки, латыши и бундовцы. В общем заседания проходили скучно. Выступали лидеры всех фракций. По каждому вопросу приходилось выслушивать не менее пяти докладов. После этого начиналась потасовка, которая, конечно, никого не убеждала, у всех было уже готовое решение. Затем вносились проекты резолюций. Если за основу принималась большевистская резолюция, то меньшевики и бундовцы пытались вносимыми поправками окончательно исказить её текст. Помнится, в проект резолюции об отношении к буржуазным партиям меньшевики пытались внести свыше 70 поправок. Конечно, то же самое делали и мы с меньшевистскими проектами.

Съезд всё больше и больше превращался в бесплодную говорильню, спорили до одурения, а резолюции принять не могли. Так, по некоторым вопросам никаких резолюций и не приняли. Между тем привезённые из Германии деньги были проедены, а до конца ещё было далеко. Начались обсуждения, где нам раздобыть деньги.

Среди гостей на съезд приехал Алексей Максимович Горький с женой Андреевой. Если за всеми нами, рядовыми делегатами, по стопам бегали журналисты и всячески старались заснять нас, то Горького они буквально

осаждали. Его портреты с самыми фантастическими интервью постоянно попадали то в ту, то в другую буржуазную газету. Его имя было известно всем. О нашем съезде тоже ходили самые фантастические рассказы.

Через постоянных лондонских жителей — эмигрантов попробовали заинтересовать в нашей судьбе либеральное общество, основанное ещё Гладстоном, — «Общество друзей русского народа» (точно названия не помню). Это общество существовало ещё со времён народовольческой борьбы с царизмом. И сейчас от имени этого общества нас пригласили на парадный банкет, чтобы, так сказать, чествовать нашу революцию. Наши лидеры рассчитывали на этом банкете заинтересовать общество в работах съезда и попробовать пощупать их насчёт денег.

Одно затруднение было с банкетом. По английским обычаям даже на обычный обед надлежало ходить в парадной чёрной паре, а дамам — в бальных костюмах. Ну, а у нас не только бальных, но и вообще приличных костюмов ни у кого не было. Кое-кто с грустью рассматривал свои рваные, протёртые штаны; кое-кто старался раздобыть иголку и принимался сам чинить их. Многим помогла в этом отношении Мария Фёдоровна Андреева, вообще очень тепло относившаяся к нам. Наконец, получили все делегаты пригласительные билеты, а на них было жирным шрифтом подчеркнуто, что на банкет можно являться *в обычных костюмах*. Кто-то предупредил устроителей, что без этого объяснения они рискуют не получить ни одного из наших гостей. Много было толков и разговоров про этот банкет. Делегаты тщательно мылись и причёсывались, чтобы не ударить лицом в грязь. Более опытные учили совсем серых, как следует обращаться с ножом и вилок и т. п.

На самый банкет я не пошёл, но товарищи рассказали много забавного. Центральными фигурами нашими были выдвинуты Горький, Ленин и Плеханов. Вокруг них всё время толпился кружок одетых по-бальному кавалеров и дам, которые разглядывали их буквально, как зверей в зоологическом саду. Ильич страшно сердился, очутившись в таком положении. По его словам, он хотел уже плюнуть на всё и уйти. Он всё ждал: «скорей бы начинали» торжественную часть с речами, тогда бы можно было высказаться и отвечать. Но англичане молча глазели на них и почти не задавали вопросов или задавали самые нелепые,

вроде тех, какие задавали журналисты жёлтой печати. Ильич всё подталкивал вперёд Плеханова, чтобы тот начал говорить, но тот упорно молчал и говорить отказывался. Тогда Ильич не выдержал и начал речь на русском языке.

Речь была далеко не дипломатическая. Он говорил приблизительно так: мы знаем, что вы наши классовые враги, что вы не можете понять нашей пролетарской революции. Но вы, как буржуи и капиталисты, должны быть заинтересованы в победе нашей революции над царизмом, потому что эта победа даст вам возможность в более культурную свободную Россию ввозить гораздо больше товаров, чем сейчас. Вот поэтому в ваших интересах поддержать нашу партию, которая одна может довести революцию до конца...

Конечно, никто из присутствующих англичан этой речи не понял. Плеханов должен был перевести её на английский язык. Он, разумеется, перевёл её по-своему, сгладив все резкие углы. Англичане похлопали и повели ужинать. О деньгах никто ни слова. Так и вернулись делегаты с этого банкета.

Если не ошибаюсь, кажется, через Кропоткина, наконец, отыскался какой-то чудаки, который обещал дать денег, но с обязательным условием на долгом обязательстве расписаться всем делегатам съезда³³. Мы, конечно, согласились, предупредив его, что распишемся мы не своими настоящими именами, а конспиративными кличками. Он не возражал против этого. Он знал, что это обязательство, конечно, не имеет никакого юридического значения, но полагал в случае неплатежа продать со временем автографы видных русских революционеров, собравшихся на съезд, и выручить за эти автографы гораздо больше, чем дал нам денег. Уже после договора с Англией наша советская торговая миссия в Лондоне выкупила это обязательство, уплатив полностью с процентами взятый в 1907 г. долг. Сейчас подлинник нашей расписки с фантастическими подписями делегатов V (Лондонского) съезда хранится в Музее революции. На эти деньги мы могли закончить съезд и вернуться домой. Без них нам, пожалуй, пришлось бы застрять в Лондоне, голодать там и не знать, как выбраться.

Я уже говорил, что в течение всего съезда нас донимали репортёры. Они пытались снимать нас группами и в

одиначку, мы, конечно, всячески отбрыкивались от них, но иногда им удавалось сделать тот или иной снимок, и он появлялся в газетах. Так, в одной из распространённых жёлтых газеток мы увидели очень хорошо знакомый портрет одной делегатки — иваново-вознесенской ткачихи. Под ним подпись: «Дочь генерал-губернатора княжна такая-то (приведено очень экзотическое какое-то имя), одна из самых страшных террористок в России. По её словам, она в России всегда носит в муфте по две бомбы и за свою короткую жизнь убила уже многих губернаторов и других высших чиновников». Каково было смущение нашей бедной делегатки, когда ей перевели эту надпись!

Для англичан мы были, конечно, сборищем отчаянных террористов, которые в любой момент могут бросать бомбы, иначе они не представляли себе нашей революции. Поэтому понятно, что за каждым из нас была установлена самая тщательная слежка. Английская полиция знала наперечёт все комнаты, в которых были поселены наши делегаты, и обычно при прогулках группами за каждой группой виднелась пара сыщиков. Иногда эти сыщики в пивной или в трактире просто подсаживались к нашим делегатам и заводили с ними разговоры. Помню, раз мы сами завели разговор с нашими соглядатаями. Нам интересно было выяснить, работают ли они за счёт английской полиции или русской. Мы угостили наших сыщиков пивом и начали их допытывать. Они клялись, что одинаково следят и за нами и за русскими шпионами, которых понаехало немало вслед за нами. Мы это знали и без них и поэтому стали настаивать на том, чтобы как можно скорей закончить съезд и разъехаться по домам. Обсуждение важнейших вопросов порядка дня было закончено. Оставались формальные вопросы и выборы в ЦК. Эту работу могли закончить от имени всего съезда представители фракций, избранные пропорционально определившемуся составу каждой фракции. После долгих прений такое решение было принято. Было решено оставить от каждого пяти делегатов одного, а остальных отправить сейчас же по домам. Ещё на первом заседании съезда по моему предложению было принято решение собрать анкету о личном составе съезда. На последнем заседании я огласил такую анкету, разработанную мною по фракциям. Получилась интересная картина. Наше левое крыло было наиболее пролетарским по составу, наиболее активным по

проделанной революционной работе. Меншевики и бундовцы дали наибольший процент интеллигентов, и среди них меньше всего было активных участников революции. Меншевики злобно обвиняли меня, что я нарочно подтасовал факты, но самая тщательная проверка анкет дала полное подтверждение правильности сделанных выводов.

Была выбрана Конспиративная комиссия, которая должна была позаботиться о конспиративной отправки делегатов по домам. От нас, большевиков, в эту комиссию вошли Литвинов и я. И тут произошло не мало курьёзов. Все хотели ехать наиболее близкой и спокойной дорогой, а мой брат Одиссей (А. Мандельштам), которого очень укачало при морской поездке, всячески убеждал меня отправить его обязательно сухопутным путём. «У тебя, наверное, есть такой путь, ты его бережёшь для генералов, а нам дать не хочешь». Тщетно убеждал его, что никак невозможно с острова, которым, к сожалению, является Англия, попасть на континент сухим путём, но он так и не поверил мне. Ребята окрестили его после этого «сухопутным Одиссеем».

Нас осталось заканчивать съезд человек 50. Последнее заседание мы проводили уже не в комфортабельной церкви, а на каком-то чердаке. При скверном освещении в маленьком низком помещении происходили последние съездовские бои, которые чуть-чуть не привели к окончательному расколу. Но на путь раскола не хотели тогда идти ни громадное большинство делегатов с мест, ни Ильич. Он полагал, что именно в годы реакции рабочие массы не поймут необходимости раскола, раскола не поддержат даже такие поистине пролетарские партии, как польская и латышская, и поэтому приходится мириться с создавшимся положением вещей и продолжать борьбу внутри партии в условиях подпольного существования, продолжать подготовку к новому подъёму революции.

На этом я заканчиваю свои воспоминания из жизни партии накануне и в годы первой революции. Конечно, эти воспоминания не передадут полностью жизнь нашей партии за это время, но я полагаю, что такого рода воспоминания могут помочь молодым товарищам, не представляющим себе конкретно жизни партии в те далёкие годы. Я старался писать объективно всё то, что я сам видел, слы-

шал, что сам переживал вместе со всей нашей партией. Пережить мне пришлось в эти годы очень много. Но вопрос в том, сумел ли я это точно передать. Многие очень важные уже забыто, многое, что казалось тогда чрезвычайно важным, теперь кажется мелким и не стоящим пересказа. Может быть, кое-что из пересказанного покажется мелочным и неинтересным современному читателю. Я старался писать не о себе, а о партии. Возможно, как и во всех воспоминаниях, я чаще, чем нужно, говорил о себе. Это вышло невольно. Я был рядовым, маленьким винтиком в громадном и сложном механизме, каким была и является наша партия. Как тогда, так и теперь наш партийный механизм приводился в движение классовыми интересами русского пролетариата. Именно этот пролетариат в ходе своей борьбы постепенно создавал этот сложный механизм, выдвинул к нему подходящих кочегаров, смазчиков и машинистов. Счастье для нашей партии и для русского пролетариата, что в качестве машиниста, направлявшего работу всей нашей партийной машины, выдвинулся Ильич.

*Дом отдыха ВЦИК'а, Архангельское.
8 декабря 1925 г.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На левом берегу Сены, к югу от центра, находится известный Латинский квартал, где расположено значительное число высших учебных заведений и проживает много французских и иностранных студентов. В описываемый период в числе последних были и студенты из России.

² «Союз освобождения» — политическая организация российской либеральной буржуазии, возникшая в начале XX в. Союз издавал двухнедельный журнал «Освобождение», выходивший в Штутгарте и затем в Париже под редакцией П. Б. Струве. «Освобожденцы», провозгласив свою оппозицию самодержавию, на деле стремились добиться мелких уступок и реформ в интересах буржуазии и вели борьбу против марксизма. С образованием в 1905 г. партии кадетов, ставшей главной партией русской буржуазии, «освобожденцы» составили основное ядро этой партии. Контрреволюционный характер «Союза освобождения» беспощадно разоблачался В. И. Лениным (см. его статьи «Политическая борьба и политиканство», «Рабочая и буржуазная демократия», «Освобожденцы и новоиеросалимиты», «Монархисты и жирондисты» и др.).

³ Стремясь максимально привлечь иностранных капиталистов к помещению своих капиталов в русскую промышленность и транспорт, а также в целях получения иностранных займов царское правительство содержало за границей значительное число своих шедро оплачиваемых финансовых агентов, распространявших дутые сведения о мнимом экономическом и политическом благополучии самодержавия.

⁴ Теодор Либкнехт был в числе четырёх иностранных защитников (Э. Вандервельде, Т. Либкнехт, К. Розенфельд и А. Вотерс), направленных II Интернационалом в Москву на происходивший в июне 1922 г. процесс правых эсеров. Явно провокационное поведение представителей жёлтого Интернационала, стремившихся устроить на процессе эсеров политическую демонстрацию и лживыми доводами опровергнуть перед мировым общественным мнением советское правосудие, вызвало гневное возмущение широких масс трудящихся. 20 июня, в 4-ю годовщину убийства эсерами В. В. Воровского, на демонстрацию протеста вышли 300 тысяч московских рабочих, требовавших сурового наказания эсеровских лидеров. Опасаясь полной политической дискредитации, иностранная «защита» уже на пятый день суда была вынуждена отказаться от дальнейшей защиты эсеров и убраться восвояси.

⁵ Совет партии как высший партийный орган был создан по решению II съезда РСДРП летом 1903 г. В силу того что по Организационному уставу, принятому съездом, Центральный Комитет и редакция Центрального органа («Искры») были наделены равными полномочиями, на Совет партии возлагалось объединение и согласование деятельности ЦК и редакции ЦО, представительство партии в сношениях с другими партиями, а также роль высшего арбитра в партии, решающего спорные вопросы, могущие возникнуть между ЦК и редакцией ЦО.

Совет партии утверждался непосредственно партийным съездом в составе пяти членов (из них два в качестве представителей ЦК, два — от редакции ЦО и один избирался съездом).

Председателем Совета партии был избран Г. В. Плеханов, не оправдавший, однако, доверия партии. Вместо объективного рассмотрения разногласий между большевиками и меньшевиками, принявшими столь острый характер на II съезде и особенно после съезда, Плеханов, перешедший на позиции меньшевиков, содействовал завету меньшинством руководящих органов партии.

Помимо этого, практика показала, что создание Совета партии вело к излишнему усложнению центрального руководящего аппарата партии. По решению III съезда партии (апрель — май 1905 г.) Совет партии был ликвидирован и впредь больше не избирался.

⁶ Гапоновщина — попытка царизма отвлечь русских рабочих от участия в политической борьбе посредством организации якобы для защиты интересов рабочего класса рабочих союзов, финансируемых и направляемых полицией и стремившихся укреплять монархические настроения в народе. В 1904 г. агент охраны священник Георгий Гапон по заданию Зубатова на деньги, полученные от министра финансов Витте, создал «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга». К концу 1904 г. гапоновское «собрание» насчитывало около 9 тысяч членов и имело в Петербурге 11 отделений.

В страхе перед нараставшим в стране революционным движением царизм задумал посредством «кровопускания» сбить революционную волну. По заданию охраны Гапон взялся за организацию безоружной манифестации рабочих с петицией к царю. Большевики, с самого начала борющиеся против «полицейского социализма» и гапоновщины, разоблачали замысел царских властей, но не смогли убедить рабочих отказаться от шествия к царю. Кровавое воскресенье, 9 января 1905 г., явилось началом первой русской революции.

Гапон бежал за границу, где близко сошёлся с эсерами. Затем вернулся в Россию и восстановил свои связи с охранкой. В марте 1906 г. как предатель был повешен рабочими.

⁷ В период революционного подполья большевики часто использовали в качестве явок приёмные сочувствовавших революции врачей, занимавшихся частной практикой. В этих приёмных приходившие под видом больных революционеры-подпольщики встречались для обмена необходимой информацией.

⁸ Ф. В. Ленгник был арестован не весной, а летом 1904 г. Всю весну 1904 г. Ф. В. Ленгник совместно с Н. Э. Бауманом, П. А. Красиковым, Е. Д. Стасовой и другими работал в Северном бюро ЦК и вёл активную борьбу против примиренцев, шедших на уступки меньшевикам.

⁹ *Международное социалистическое бюро* (МСБ) было образовано в 1900 г. как исполнительный и информационный орган II Интернационала. С 1905 г. в состав МСБ входил В. И. Ленин, представлявший РСДРП. С этого момента и по лето 1914 г., когда фактически перестали существовать и МСБ и II Интернационал в целом, В. И. Ленин вёл упорную борьбу с правоцентристским большинством МСБ, которое стремилось свести роль бюро к роли «почтового ящика», служащего средством сбора информации о положении рабочих в различных странах и рассылки протоколов конгрессов II Интернационала по организациям.

¹⁰ В 1899 г. депутат от социалистической партии Франции Мильеран вошёл в качестве министра торговли в состав кабинета Вальдека-Руссо, что явилось первым в истории рабочего движения случаем участия социалиста в реакционном буржуазном правительстве. В этом правительстве «социалист» Мильеран оказался рядом с палачом Парижской Коммуны генералом Галифе.

Предательство Мильерана не получило отпора со стороны лидеров западноевропейских социалистических партий и фактически было одобрено II Интернационалом (1900 г.).

В. И. Ленин беспощадно разоблачал мильеранизм как «практическое бернштейнство», вскрыл его социальные корни, показал его вред для рабочего движения.

После Октябрьской революции Мильеран играл видную роль в организации антисоветской интервенции.

¹¹ *Зубатовщина* — предпринятая в начале XX в. провокаторская попытка царизма отвлечь рабочих от активной политической борьбы и ограничить её кругом узких экономических требований. Связана с именем организатора этой провокации жандармского полковника Зубатова и известна также под ироническим названием «полицейский социализм». Первая зубатовская организация возникла в Москве в 1901 г. Позднее подобные организации были созданы в Петербурге, Одессе, Минске, Киеве, Николаеве, Харькове и других городах. В Петербурге Зубатов привлёк на службу в охранке Гапона. Зубатовцы пользовались поддержкой «экономистов» и Бунда.

«Полицейский социализм» успеха не имел. В 1903 г., когда достигла особой силы стачечная борьба рабочих, проходившая под руководством революционной социал-демократии, царизм оказался вынужденным распустить зубатовские организации. Прямым продолжением провокации Зубатова явилась гапоновщина, бесславно завершившаяся Кровавым воскресеньем (см. примечание 6).

¹² Комиссия Шидловского была создана в конце января — начале февраля 1905 г. по указу Николая II для «выяснения причин недовольства рабочих в городе С.-Петербурге и в пригородах и изыска ния мер к устранению таковых». Образование комиссии было вызвано широким размахом забастовочного движения рабочих Петербурга после расстрела 9 января и активной поддержкой петербуржцев всероссийским пролетариатом. Во главе комиссии был поставлен сенатор Шидловский. В комиссию входили царские чиновники, представители промышленников и рабочих. Царизм, создавая эту комиссию, пытался обмануть рабочих пустыми обещаниями, отвлечь их от борьбы. Никакими реальными правами комиссия не располагала. Большевики широко использовали избирательную кампанию по вы-

борам членов комиссии для разоблачения лицемерия самодержавия и для политического воспитания рабочих. На собраниях выборщиков (для рабочих выборы были двухстепенные) под влиянием большевиков рабочие выставляли политические требования и добивались радикального улучшения своего положения. На отказ Шидловского рассмотреть эти требования, как выходящие за пределы полномочий комиссии, рабочие ответили массовой забастовкой.

20 февраля 1905 г. по указу царя комиссия Шидловского была распущена, не получив даже официального оформления.

¹³ Так называемая *шендрикoviщина* получила своё название по имени руководителей этого меньшевистского течения братьев Ильи и Льва Шендrikовых, организовавших в мае 1905 г. «Союз бакинских рабочих». Обильно финансируемые царской администрацией и местной националистической буржуазией, Шендrikовы пытались расколоть рабочее движение, отвлечь рабочих от политической борьбы, разжечь межнациональную вражду. Бакинские большевики вели против них упорную борьбу, в частности в Бакинском Совете, который шендрикoviцы, имевшие там значительное влияние, стремились превратить в послушный царизму и буржуазии орган. В своей практической деятельности шендрикoviцы не отличались от гапоновцев и зубатовцев. К началу 1906 г. бакинские большевики разгромили шендрикoviщину. Попытка возрождения шендрикoviщины, имевшая место в 1907 г., успеха не имела.

¹⁴ История гибели парохода «Джон Графтон», вёзшего летом 1905 г. большую партию оружия и взрывчатых веществ в Россию, полностью до сих пор не выяснена. С помощью финской буржуазной партии «Активное сопротивление» эсеры закупили в различных местах Европы и в Америке большую партию оружия (примерно 30 тысяч винтовок, несколько миллионов патронов, много динамита и пироксилина). Оружие было собрано в Лондоне. Там же был зафрахтован пароход «Джон Графтон», вышедший в море под английским флагом. В открытом море у северного побережья Франции «Джон Графтон» был встречен большим океанским пароходом, выгрузившим в трюм «Графтона» указанную партию оружия и взрывчатки, причём одновременно произошла смена команды на «Графтоне», капитаном которого стал латышский социал-демократ Ян Страутман.

Ввиду того, что к отправке оружия были привлечены Азеф и Гапон, разоблачённые позднее как агенты охранки, есть основания полагать, что царские власти были осведомлены о рейсе «Джона Графтона».

При невыясненных обстоятельствах утром 22 августа 1905 г. «Джон Графтон» в финских шхерах сел на мель. Большая часть оружия была захвачена царскими властями. Команда «Графтона» скрылась в Швецию.

¹⁵ «Гуммет» («Энергия») — социал-демократическая организация, созданная в Баку в конце 1904 г. при непосредственном участии П. Джаларидзе. Работала в прямом контакте с Бакинским комитетом РСДРП. Члены организации, вначале состоявшей преимущественно из интеллигентской молодёжи, участвовавшей в марксистских кружках, в период революции вели большую работу среди рабочих нефтепромыслов. Когда паризм, пытаясь ослабить револю-

ционное движение, стремился разжечь национальную вражду между армянами и азербайджанцами, группа «Гуммет» самоотверженно разоблачала замыслы царских палачей, действуя вместе с армянской секцией Бакинского комитета РСДРП.

За свою деятельность «Гуммет» подвергалась многочисленным репрессиям. В сентябре 1907 г. был убит член исполнительного бюро «Гуммет» Ханлар Сафаралиев, похороны которого вылились в крупную политическую демонстрацию бакинского пролетариата.

После Февральской революции организацию «Гуммет» возглавил М. Азизбеков. VI съезд партии (1917 г.) отметил заслуги «Гуммет» перед рабочим классом Азербайджана. После победы Октябрьской революции «Гуммет» активно участвовала в борьбе против интервентов, белогвардейцев, буржуазных националистов. В 1919 г. после раскола и изгнания перешедшего на антипролетарские позиции меньшинства «Гуммет» волилась в состав Коммунистической партии Азербайджана (1920 г.).

¹⁶ Об этом эпизоде см. также воспоминания С. Аллилуева в книге «Пройденный путь», 1956.

¹⁷ *Техническое училище* — ныне Московское Высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана.

¹⁸ Н. Э. Бауман был освобождён из тюрьмы 8(21) октября 1905 г.

¹⁹ «Союз союзов» — созданное в мае 1905 г. объединение либеральной буржуазной интеллигенции, стоявшей в оппозиции к царскому правительству. Руководящую роль в его создании играл «Союз освобождения» (см. примечание 2), что наложило отпечаток на всю деятельность «Союза союзов». В момент созыва в Москве I Всероссийского съезда «Союза союзов» в него вошли 14 профсоюзов, объединивших буржуазную интеллигенцию (академический союз профессоров, союз инженеров и техников, артистов, врачей, чиновников и т. д.). В дальнейшем в «Союз союзов» вошли также крестьянский союз (находившийся под влиянием эсеров), союзы агрономов, железнодорожных служащих и ряд других.

В «оппозиционности» «Союза союзов» отражались настроения либеральной буржуазии. Он не шёл дальше требования созыва Учредительного собрания, избранного на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Большевики разоблачали стремление либеральной буржуазии подчинить своему влиянию широкие слои трудящихся и боролись против предложений меньшевиков о вступлении в буржуазные объединения.

По мере развития революции «Союз союзов» всё более правед. В начале 1906 г. «Союз» распался, руководящая его верхушка волилась в ряды кадетской партии.

²⁰ «Ходынская катастрофа» произошла под Москвой 18 мая 1896 г. во время коронации Николая II. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, желая инсценировать всенародное ликование, распорядился устроить народное гулянье на Ходынском поле, посулив бесплатную раздачу подарков и угощения. На месте предполагаемого праздника были построены балаганы и палатки. К началу гулянья глубокие рвы и канавы, имевшиеся на Ходынском поле, не были ни засыпаны, ни даже огорожены. Собрав-

шаяся утром многотысячная масса народа устремилась к палаткам за обещанными подарками. В образовавшейся давке погибло около 2 тысяч человек, в том числе много детей, женщин, стариков. В несколько раз больше было ранено. Нимало не огорченные этой трагедией, царь и придворные в тот же день веселились на роскошном балу. Великий князь Сергей Александрович, «князь Ходынский», не только не понёс наказания, но был удостоен «милостивого» рескрипта.

С «Ходынки» официально началось бесславное царствование последнего Романова, по праву получившего в народе прозвище Николая Кровавого.

²¹ *Хитров рынок* в Москве находился в Подколокольном переулке, на участке, принадлежавшем генералу Хитрову. Во второй половине XIX в. площадь Хитрова рынка была застроена частными ночлежными домами, где в условиях невероятной скученности проживали различные деклассированные и уголовные элементы. Яркое описание быта обитателей Хитрова рынка можно найти у известного своими рассказами о старой Москве писателя В. А. Гиляровского и в замечательной пьесе М. Горького «На дне».

«Хитровка» была уничтожена Советской властью.

²² Реальное училище И. И. Фидлера, находившееся на углу Мыльникова (ныне ул. Жуковского) и Лобковского переулков в Москве, было в то время обычным местом собраний рабочих и заседаний московских большевиков. Вечером 5(18) декабря 1905 г. в помещении училища состоялась общегородская конференция большевиков, принявшая решение объявить всеобщую политическую стачку и перевести её в вооружённое восстание. Об этой конференции и рассказывает М. Н. Лядов.

²³ В период подготовки IV (Объединительного) съезда партии вся техническая работа по созыву съезда была возложена на Н. К. Крупскую, Л. М. Книпович и Е. Д. Стасову. Н. К. Крупская организовывала отправку делегатов из Петербурга в Финляндию, Е. Д. Стасова — переправку их из Финляндии в Швецию (обычно через Або или Ханко), а Л. М. Книпович (владевшая шведским языком) принимала делегатов в Стокгольме. М. Н. Лядов в дальнейшем рассказывает об организации отправки с помощью финских социал-демократов большой группы делегатов IV съезда из Ханко в Стокгольм.

²⁴ Выступление В. И. Ленина в Народном доме Паниной состоялось 9 мая 1906 г. На митинге присутствовало до 3 тысяч человек, большую часть которых составляли рабочие различных районов Петербурга. От большевиков кроме В. И. Ленина присутствовали Крупская, Менжинский, Теодорович и другие. С докладом на тему «Что представляет из себя высшая Дума и каково к ней отношение населения?» выступил В. Водовозов, публицист народнического толка. В прениях выступали народник В. Мякотин, меньшевик Ф. Дан и другие. После кадета Огородникова выступил под фамилией Карлов В. И. Ленин, разоблачивший в своей речи кадетскую политику сделки с царизмом за счёт народа. Яркое описание обстановки, в которой проходило это выступление, и восторженной встречи, которую оказали Владимиру Ильичу присутствовав-

шие на собрании рабочие, дано в известных воспоминаниях Н. К. Крупской о В. И. Ленине.

²⁵ Активный подпольщик Владимир Мартынович Смирнов, о котором рассказывает М. Н. Лядов, после работы в Петербурге переехал в Гельсингфорс. Библиотека, в которой он здесь работал, служила местом явок. В 1906 г. на квартире Смирнова и его матери, всячески помогавшей нелегальной работе своего сына, произошла встреча В. И. Ленина и А. М. Горького.

²⁶ Речь идёт о проживавшем в Гельсингфорсе финском социал-демократе Вальтере Ивановиче Шёберг, который в то время помогал нашей партии в транспортировке нелегальной литературы и переправке людей.

²⁷ Написанная М. Н. Лядовым «История Российской социал-демократической рабочей партии» вышла в Петербурге в 1906 г. в двух частях: 1. Возникновение социал-демократического движения в России (1883—1897 гг.). 2. Создание Российской социал-демократической рабочей партии (1897—1903 гг.). Каждая часть вышла в виде самостоятельной книги (в книгоиздательствах «Зерно» и «Колокол»).

²⁸ Речь идёт о первой конференции военных и боевых организаций РСДРП, состоявшейся в Таммерфорсе 16—22 ноября (29 ноября — 5 декабря) 1906 г. Конференция была созвана по инициативе большевистской части ЦК, а также Московской и Петербургской военных организаций партии. Присутствовали 19 делегатов с решающим голосом и 9 с совещательным, представлявшие военные организации Петербурга, Москвы, Риги, Кронштадта, Севастополя, Ливавы, Нижнего Новгорода, Калуги, Воронежа, Казани и Финляндии, а также боевые организации Петербурга, Москвы, Саратова и Урала. Конференция приняла ряд резолюций по рассмотренным ею вопросам: о текущем моменте, о роли партии в вооружённом восстании, задачи военных организаций, задачи боевых организаций и ряд других.

Конференция избрала руководящий орган в лице временного бюро военных и боевых организаций, поручив ему подготовить доклад ближайшему партийному съезду о работах конференции, и поставила вопрос о создании Всероссийской военно-боевой организации, подчинённой общепартийному центру. Решения конференции см. в книге «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, стр. 145—154.

²⁹ В 1906 г. в Финляндии ещё сохранялись отдельные элементы автономии, что было использовано большевиками. При посредстве финских и шведских социал-демократов осуществлялись нелегальная переправка через финскую территорию транспортов оружия, литературы, переезд за границу или возвращение русских политических эмигрантов, созыв конференций. М. Н. Лядов в данном случае приводит конкретный пример такой помощи. С поражением буржуазно-демократической революции в России царизм ликвидировал последние остатки финской независимости. В 1910 г. был принят закон о лишении финского сейма законодательной власти, превращавший сейм, как указывал В. И. Ленин, в подобие булыгинской Думы. Финляндия была превращена в колонию самодержавия.

³⁰ См. статью В. И. Ленина «По поводу протоколов ноябрьской военно-боевой конференции Российской социал-демократической рабочей партии» (Соч., т. 12, стр. 368—376).

³¹ На выборах в Государственную думу по царскому указу от 11 (24) декабря 1905 г. всё население России, получившее право участия в выборах, делилось в зависимости от социального положения по так называемым куриям. Всех курий было четыре: землевладельческая, городская (буржуазная), крестьянская и рабочая. Особыми преимуществами пользовались помещики (землевладельческая курия). По закону от 11 декабря 1905 г. 1 голос землевладельца приравнивался к 3 голосам городских, 15 крестьянских, 45 рабочих избирателей. Многочисленные цензовые ограничения, многостепенный характер выборов и прочие нарушения элементарных демократических норм приводили к тому, что Дума даже в слабой степени не отражала подлинную волю большинства населения страны. Несмотря на реакционный характер царского парламента, большевики в условиях временного отступления революции принимали участие в выборах во II, III и IV Государственные думы, используя думскую трибуну в целях разоблачения царского строя и политического воспитания трудящихся.

³² «*Партия мирного обновления*» (мирнообновленцы) оформилась в июне 1906 г. как партия крупной торгово-промышленной буржуазии и крупных обуржуазившихся помещиков. Включив в себя бывших левых октябристов (граф П. А. Гейден, М. А. Стахович и другие) и бывших правых кадетов (Н. Н. Львов и другие), «партия мирного обновления» заняла промежуточное положение между обеими буржуазными партиями, хотя в целом её программа ни в чём существенно не отличалась от программы октябристов.

В период столыпинской реакции царизм заигрывал с мирнообновленцами, предлагая их лидерам вхождение в правительство. В I Государственной думе было 26 депутатов-мирнообновленцев. На выборах во II Думу эта партия потерпела поражение. В III и IV Государственных думах «партия мирного обновления», объединившись с так называемой «партией демократических реформ», составила типично-буржуазную фракцию «прогрессистов».

³³ Долговое обязательство делегатов V съезда РСДРП было оформлено 30 мая 1907 г. По заключённому соглашению либеральный фабрикант Джозеф Фелс дал делегатам займы 1700 фунтов стерлингов. Согласно тексту соглашения Д. Фелс не претендовал на получение процентов по этой сумме.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>От автора</i>	5
За границей в 1903 г.	7
В Берлине	12
В Женеве	24
Поездка в Россию	28
Измена ЦК	43
Амстердамский конгресс	43
Разрыв с ЦК	58
Конференция «22-х»	61
Большевистское издательство и большевистский центр 1905 год	64
III съезд	69
Летом 1905 г. в России	80
Октябрьская забастовка 1905 г.	84
Убийство и похороны Баумана	93
Профсоюзы	102
«Новая жизнь»	108
Приезд Ильича	112
Декабрьские дни	114
Подготовка Объединительного съезда	127
Стокгольмский съезд	154
I Дума	162
Разгон Думы	167
Свеаборгское восстание	177
Конференция военных и боевых организаций РСДРП	183
Работа на Урале	188
Лондонский съезд	193
<i>Примечания</i>	202
	216

